

Зоя ДОНГАК

ДУША ШАМАНА

Сказание

(Журнальный вариант)

Книга II. КРАСНАЯ ТУВА¹

*Водой очищаются части тела, сердце очищается истиной,
гуша — священным учением, а ум очищается познанием.*

Манав-дхармашастра, глава V, 109

Картина 1. «МЫ ВМЕСТЕ – ЕДИНЫ, ОГОНЬ»

Седоволосая, кареглазая Севил, бабушка Холурааша, одетая в выцветший шыва-тон², очищала шкуру барана ножом-скребком после забоя. Она уселась на кошму на траве возле юрты и, вытянув ноги, ступнями удерживала часть шкуры, разложив её на ногах мездрой вверх. Другую часть шкуры протягивала через грань эдирээ³, разрыхляя поверхность мездры. После обработки эдирээ, Севил на согнутом в колене бедре тщательно очищала ножом всю шкуру. Так мяла и мяла, пока та не становилась мягкой. Наконец сама себе убедительно сказала:

— Хватит мять шкуру. Не зря говорят: тонкая кожа рвётся, тонкая кость ломается.

Как опытный мастер по выделке шкур и шитью одежды, Севил знала, что для изготовления одной шубы для Холурааша требуется семь шкур взрослых баранов. Когда к ней подошла чернобровая, с длинными косами, миловидная сноха Анай, Севил показала ей шкуру:

— На грудь и спину идут шкуры с самой густой и тёплой шерстью. Рукава и передние полы делают из тонких и лёгких шкур с укороченным ворсом.

— Я хочу быстрее научиться у вас шить, — сказала Анай.

— Кто любит труд, тот любит жизнь. Научу. Пойдем в юрту, Анай, я покажу тебе уже выделанные шкуры, — внимательно осматривая и ощупывая шерсть, Севил выбрала из семи шкур те, что пойдут на изготовление рукавов, пол и иных частей шубы. — В народе говорят: мягкость кожи зависит от выделки, ход коня — от хозяина, — Севил шила шубы близким много раз, была знакома с запросами внука Холурааша. При раскрое измеряла шкуру пальцами рук, объясняя Анай:

— Длина шубы для нормального человека — шесть карыш⁴. Ширина большой полы

¹ Книга I дилогии «Душа шамана» опубликована в №2 «Невского проспекта» в сентябре 2021.

² Шыва-тон — летняя верхняя одежда, халат с удлиненной левой полкой, прикрывающей короткую правую. Одна из пуговиц пришивалась у воротника, другая — у левой подмышки, чтобы тон, запахиваясь, полностью закрыл грудь.

³ Эдирээ — палка с гребнеобразной гранью.

⁴ Карыш — расстояние между вытянутыми кончиками большого и среднего пальца руки.

шубы в подоле — пять карыш, ширина малой полы в подоле — три карыш.

— А длина рукава какой должна быть? — спросила Анай.

— Длина рукава — четыре карыш. Ширина рукава в манжете — один карыш и четыре илиг¹. Шуба должна быть свободна, ничем не сковывать движения человека.

— Чтобы человек мог свободно поднять и развести в стороны обе руки, вот так, да?

— Да. На одежде охотника во время выстрела не должно быть ни одной складки на рукавах и отворотах, потому что складка может случайно задеть тетиву лука.

Вошёл подтянутый, смуглый, чернобровый Холурааш с добытым тарбаганом после удачной охоты. Его черные глаза сияли. Он был одет в косулю куртку и штаны из козлиных шкур. На левом боку его к поясу были прикреплены сдвоенные деревянные ножны с большим охотничьим ножом для разделывания туши животного и маленьким ножом, используемым во время еды.

— А вот и хозяин будущей шубы, — обрадовалась Анай, — да ещё не с пустыми руками!

— Шубу мне шьёте?

— Тебе, тебе, Холурааш, — ответила Севил.

Холурааш, улыбаясь, пропел:

*Если спинка халата порвется,
Заплату пришьёт моя бабушка.
Если верх рукава порвется,
Искусно починит моя бабушка.*

— Я уже многому научила Анай. Не всякие глаза красоту разглядят, не всякие руки красоту сотворят, но твоя жена молодчина, быстро учится шить.

— О, это очень хорошо!

— Теперь твоя жена займется починкой твоей одежды и петь будешь: «Мастерица-искусница моя Анай».

Сели пить кирпичный чай, сваренный с молоком и солью. Пили с сыром и поджаренным пшеном, с пенками. Летом молоко густое, поэтому покрывается толстым слоем ореме (пенки). Холурааш очень любил пенки с кипяченого молока.

Наполнив курительную трубку табаком, Севил закурила. Выкуренную трубку из красной таволги положила за пазуху тона, где хранятся кiset с табаком. Холурааш и Анай ушли в свою юрту, а уставшая за полдня за обработкой шкур Севил осталась одна. Глаза Севил наполнились слезами. Сердце её болело. Она тосковала по умершей Чинчи, казалось, будто бы с собой та унесла и её часть. Утешала мысль о том, что чуму пережили, сын и внук здоровы, люди идут к ним за помощью как к шаманам.

В юрте, где ей пел один лишь огонь, в сладком полузабытьи она обратилась к сурку:

— Тарбаган, ты бродил по степи, по пещерам, бегал вместе с реками, скользил по камням, тебе известна была великая тайна чёрной смерти, что обрушилась на нас и исчезла.

Мёртвый тарбаган с остекленевшими глазами ответил бы Севил, если бы мог ожить и заговорить: «Ты узнаешь о том, что случилось после чёрной смерти. До сих пор скорбишь по Чинчи? Не надо».

Шёл 1912 год — год Благородной Мыши. После пробуждения природы, появления травы, листьев, вскрытия рек наконец-то наступило лето. Вот-вот должны были начать перекочевку аалы. После таяния снегов прошли проливные дожди, воды в реках и озёрах ничуть не поубавилось. Богачи, недовольные вынужденной задержкой с перегонном скота на летние пастбища, ворчали, что небо отсырело. Как всегда, при перекочёвках первыми снимались бедняки на быках богача, затем уже переезжал сам бай.

В одно прекрасное утро семейство шамана Конгура приступило к работе, требующей терпения и сноровки — к стрижке овец. После завершения стрижки Конгур, Холурааш, Севил, Анай высушили овечью шерсть, отделив белую от черной.

— Лучший войлок для юрты — войлок белого цвета, — укладывая шерсть по цвету, сказал Конгур. — О, здесь много шерсти черного и коричневого цвета! Тогда сделаем двухцветный войлок.

Белую шерсть отложили на войлок, необходимый для юрты, а чёрную — на одежду, теплые носки и потник для лошадей.

Период цветения чадан-кат² удобен не только тем, что начались длинные, жаркие дни, но и тем, что араты, спустившись с зимних горных стоянок, собирались в местах обильных трав по берегам рек. В это время легко ухаживать за скотом, хищники

¹ Илиг — мера длины, равная толщине среднего пальца руки.

² Чадан-кат — многолетнее травянистое растение. Стебель короткий, по три больших скрученных листа, в середине которых несколько белых цветков. Цветет в июне, ягоды созревают в июле-августе. Ягоды собирали и сушили в тени, заваривали как чай.

не представляют опасности, поэтому отару пасли дети, освобождая взрослых для хозяйственных работ.

В этот жаркий солнечный день коренастый, широкогрудый Конгур, отец Холурааша, собрав аратов для совершения обряда окуривания, «кормления» духов-хозяев родной земли у подножия горы, недалеко от реки, устраивал большой жертвенник — священный очаг.

Поверх каменной кучи шаман Конгур клал калбак даш — большой, плоский, овальной формы, с углублением в виде чаши камень сана, на который сыпал угли, золу, разжигал костер и произносил:

— Верховных покровителей отблагодарим жертвой, проведем в их честь дагылга¹.

Конгур бросал в костер кусочки мяса, обернутые салом, кусочки курдюка, артыш-можжевельник, поддывал топленое масло, напевая:

*О, священный дух воды!
Милости просим у тебя!
Сжигаю жертвенный сан,
С молоком поклоняюсь тебе,
Чтоб защитил мой народ,
Чтоб рог мой не оборвался,
Чтоб наш лес разрастался,
Не высыхали реки, родник.*

За ним и другие бросали и сжигали принесенную жертвенную пищу. От курящего артыша вокруг распространялся своеобразный приятный запах. Это «чыттыг сан» — сан с запахом.

Когда разгорался большой костер, люди выстраивались лицом к костру перед жертвенником. Конгур плескал в огонь чай, разбрызгивал его тос-караком (ложкой-девятиглазкой) на все четыре стороны вокруг сана — сначала на восток, потом по направлению движения солнца.

Молились, разостлав полы тонов, как бы зазывая в них всё хорошее. Каждый шептал молитвенные слова: «пусть лето принесет богатство и сытость», «пусть злой чёрт-аза никого не берёт», «пусть скот растёт без потерь», «пусть я буду жив-здоров».

Шаман Конгур славил год Мыши, говорил, что будет он с обильным молоком и зверем.

Люди после дагылга возвращались умиротворенными.

К обеду около юрты Холурааша собрались араты перерабатывать шерсть. Кто-то из них затянул песню:

*Свалявшаяся шерсть овцы
Заставит вас размахивать прутом.
Кончик шерстобитного прута
Разорвёт шерсть жёлтой овцы...*

Высушенную шерсть Севил и Анай укладывали слоями: темную — с одной, белую — с другой, лицевой, стороны.

Выбрав ровный, покрытый чистой травой участок на берегу реки, Холурааш на землю положил три конские шкуры, мездровой частью вверх, волосом к земле. Конские шкуры не имели большой ценности, из-за чего они активно не использовались в хозяйстве арата. В центр, под шкуру, Холурааш положил «подушку» из старого войлока, чтобы получилась покатая поверхность.

— Мне нужно обработать шерсть двухсот овец². Поможете. С другом — веселее, в дружбе — сильнее, — сказал Конгур.

Валяние войлока являлось серьезным поводом для сбора соседей и родственников, способствуя поддержанию добрососедских отношений. Обычно через день все соби- рались вновь на другой стоянке. Вся процедура производства войлока повторялась.

На шкуры, прибитые небольшими деревянными колышками, выложили шерсть. Вокруг сидевшие восемь человек, по два с каждой стороны, наносили удары палками (савааш³), выбивая шерсть. В трёх группах каждый использовал две палки.

Подняв правую руку с палкой, Холурааш приказал:

— А ну-ка, раз, два, три, ден-ден.

Затем все одновременно делали удар, после удара кончик палки слегка приподнимался, после чего палку выдергивали движением на себя, чтобы не разбросать шерсть.

¹ Дагылга — коллективное моление.

² Для изготовления полного комплекта войлока для одной юрты требовалась шерсть около 200 овец тувинской породы.

³ Савааш — прямая палка из тальника толщиной в палец, длиной 1-1,2 метра.

Как гласит пословица, в песне душа раскрывается, талант в труде проявляется, — чтобы поддержать ритм, облегчить труд, взбивая шерсть, пели:

*Я не сплю на чужой стоянке:
Есть у меня Монгун-Тайга.
Не ищу я чужую невесту:
Есть у меня диво-погруга.
Раз, два, три! Хак-ла хак!*

*Не покинет меня жеребёнок,
Его ноги крепки с рождения.
Не уходит мой милёнок,
Силён он прозорливостью.
Раз, два, три! Хак-ла хак!*

Голос Холурааша выбивался, был громче, мелодичнее.

Каждой группой долго наносились удары палкой с песней. Вначале удары наносились палками попеременно, а под конец — одновременно двумя палками, аккуратно вынимая их после удара.

Холурааш быстро собирал взбитую шерсть от краев к центру, сворачивал в рулон. Слушая его, все оживлялись, работа шла бойко. Готовую шерсть убирали, на её место выкладывали очередную грязную шерсть. После чаепития выбивальщики делились: женщины и дети шли выкладывать шерсть, валять войлок, мужчины продолжали взбивать остатки шерсти.

Раскладкой шерсти занимались Севил и Анай, так как эта работа требовала постоянного внимания и чувствительных рук. Несмотря на волдыри на пальцах рук, полученные во время стрижки, они аккуратно уложили шерсть так, чтобы при сваливании не образовалось бугров или ям.

Для сваливания шерсть необходимо поливать кипятком, из-за чего Холурааш же успевал и сбежать к реке, где грел воду на костре в трёх котлах, и передать ведро Анай. Руки их сталкивались, глаза вспыхивали, жена стыдливо опускала глаза, краснела. Через сито, сплетенное из веток, Анай поливала шерсть горячей водой.

Время от времени Севил подносила всем чай. Отхлебнув глоток, Холур возвращал пиалу бабушке и с помощью аратов наматывал войлок вместе с подстилкой на бревно. Затем он к концам бревна привязал веревки. Запрыгнув на лошадей, дети катали валик из войлока по траве.

— Если войлок не катать, то он будет рыхлым, неплотным, — сказала Севил.

После скатывания войлок сушили на солнце. К вечеру работу по очистке шерсти и скатывание войлока завершали. Взрослые усаживались пировать — дук дою¹. Дети верхом на конях продолжали докатывать остатки войлока.

Холурааш с Анай угощали приглашённых на работу людей лучшими блюдами и предварительно приготовленной аракой.

— После работы еда вкуснее. Угощайтесь, пожалуйста, — приблизив деспи с едой, самому пожилому арату Конгур подносил пиалу, доверху наполненную аракой, как бы говоря: пусть у тебя будет много молока. При этом он старался не пролить ни капли. «Не проливать белой пищи» — наказ предков он с детства не нарушал.

Все начали просить сказителя Сурунмаа Шожал исполнить сказку. Он начал спокойно:

*Шьяанам!
В древнее прежнее время,
Неизвестно когда именно,
Эа, в какое-то время
В краю, где гора Монгун-Тайга,
Жил-был охотник Хунан-Кара.
Однажды он охотился
В устье слияния двух рек —
Быстрых рек Мугур и Каргы —
Охотился бедовый Хунан-Кара.
На проталине у костра вечером
Он слышит: сзади кто-то идёт.
Ближе подойдя, спросил:
«Говорят, ты прекрасный охотник,
А в шахматы умеешь играть?»
Оглянувшись охотник — никого не видно.*

¹ Дук дою — вечернее застолье по случаю окончания обработки шерсти.

«Не очень-то хорошо играю,
Шахмат нет. Как сыграем?» — он ответил.
«У меня есть шахматы», — кто-то сказал.
Впереди охотника появились шахматы.
«Ну, давай начнём?» — спросил невидимый.
«Конечно начнём!» — сказал Хунан-Кара.
Уверенно пешкой походил.
Человечья рука встречный ход сделала.
Хунан-Кара, задумавшись, взял ладью.
Теперь появились руки с плечами
И сделали опять встречный ход...
В конце концов выиграл охотник.
Тогда появился мужчина с медным носом,
С огромными полосатыми глазами.
«И в шахматы играешь отлично,
И охотишься очень хорошо.
За что тебе подарю вола», — сказав,
Злой дух бесследно испарился.
На другое самое раннее утро
Хунан-Кара на охоту пошел
И убил, к счастью, косулю.
Каждый день охотился там,
Где убил косулю, и ему везло.

— Сказке конец. Благодарю, мои дети, за внимание!

После сказки старика настала очередь Конгура. Конгур, главным делом которого было врачевание, рассказывал, как он недавно побывал по приглашению во Внешней Монголии:

— В Монголии я оказал посильную помощь арату. Побывав там, я пришел к выводу: жадность и требовательность маньчжуров¹ безмерна особенно по отношению к Туве.

— Наш край знаменит своими ценными мехами. За албан² маньчжуры взыскивали с меня по три лучших соболя натурой, — пожаловался знаменитый охотник Калдар, одетый в облезлую куртку из козьих шкур, поношенную сурковую шапку, штаны из выделанной косулей кожи, мягкие идики³.

— Помимо государственной подати — албана — баи берут всё, что могут, в свою пользу или в пользу своих чиновников, — рассказывал с досадой немногословный арат Опан.

— Ламы, населяющие монастыри, тоже живут за счёт поборов с тружеников-аратов, а как нам быть? — спросил подтянутый, черноглазый табунщик Сенгээ.

— А при неуплате налогов, при всяком протесте маньчжуры подвергают нас страшным эрии-шаагай — девяти пыткам⁴, — сказал скромный арат Хевек. — Чиновник не насытится поборами. Богатый бедного не жалеет.

Бадьш, очевидец судилища, рассказывал, как маньчжуры и местные чиновники подвергали пыткам упорствующих аратов, неплательщиков налога, обвинённых в краже скота.

— И по сей день, если я слышу отдаленный вопль, мучительно и живо всё встаёт перед глазами. Бедных аратов приводили к богачу с руками, связанными тонкими кожаными ремешками, и начинали допрашивать: «Скажи, за что тебе связали

¹ Тува была окончательно завоевана маньчжурами в 1758 г. Она входила в состав Китайской империи и управлялась маньчжурской Дайиинской династией. В то время Тува носила данное ей маньчжурами название Урянхай. По принятии халха-монголами маньчжурского подданства пекинские богдыханы ввели во Внешней Монголии и Туве военно-административный строй, превратив бывшие княжеские уделы в военные единицы — кожууны. В управлении страной маньчжуры полагались на ханов и ноёнов, находившихся в рабской зависимости от них. Цзянь-изюни через своих вассалов выколачивали из народа подати.

² Албан — налог в виде шкурок ценных зверей — соболя, белки, выдры, снежного барса, рыси; албан отнимал у аратов больше трети их годового дохода.

³ Мягкие идики — сапоги из шкур косули с подошвой из толстой бычьей шкуры.

⁴ Когда Тува находилась под маньчжурским гнѐтом — под господством Циньской династии, существовал ханский закон, согласно которому были установлены девять пыток. Они применялись в отношении тех тувинцев, которые попали под подозрение в воровстве, неуплате налогов или вели борьбу против китайских оккупантов и их местных приспешников. Не каждый мог перенести такие мучения — девять пыток. Многие оставались на всю жизнь калеками. Но были запреты во время пыток. Не били женщин по ягодицам. Задержанных тувинских женщин подвергали семи видам пыток из девяти. По законам тот, кто не сознался в преступлении и стойко выдержал все пытки, считался невиновным. Тогда он и весь его род освобождался от налогов.

руки?» — спрашивал чиновник. «Не знаю, господин», — отвечал арат. «Подвергайте этого преступника девяти пыткам!» — приказывал чиновник. Исполнители приказа хлестали беспощадно арата тонкими прутьями. Причем чиновник и исполнители были очень рады, если арат начинал кричать и стонать.

— А я видел, как хлестали жертву по щекам ремнём шаагай. Также видел четырёхгранную палку манзы, которой били людей по ногам. Когда бай взмахивал рукой, в груди у меня всё поднималось вместе с нею; падала рука — и я сам точно падал, — говорил разгневанный арат Озук. — Ещё сажали на острые камешки, сыпали конский волос в глаза, били кнутом сто раз.

— Я видел пытку саспылгой: палки вставляли между пальцами арата и, закручивая верёвку, давили ими на пальцы; также втыкали шило под ногти человека и сжигали сухой трут на спине арата. Невыносимые вопли людей, замученных девятью пытками, до сих пор звучат и в моих ушах, — вспомнил с волнением старик Опан.

— А по вечерам я слышал, как обвиняемые с донгу¹ на шее между собой очень тихо разговаривали: «Когда тебя сечь будут, ты, гляди, не сжимайся. Вдвойне больней, когда тело сожмётся, а ты распусти его свободно, чтоб оно мягко было. И не надувайся, дыши вовсю или кричи. Ты это помни!»

Холурааша охватила волна злости, и со стиснутыми зубами он вымолвил:

— Какие причудливые, изощрённые пытки может придумать человек для человека!

Он знал, что зимой в прошлом году арат Калдар после пыток остался без рук за неуплату налога. Калдара привязали к внутренней стенке юрты, топили печь-суугу. Затем, перевязав руки около кистей тонким ремнём, высунули наружу через проделанные в кошме дырки и на кулаки лили воду. Кулаки очень скоро замерзли на морозе, превратившись в два куска льда. Чиновник нойона попросту отколол их от рук ударом палки...

Недалеко от юрты Чондан затянул песню:

*Волку, сожравшему моего коня,
Сломать бы клыки.
Баю, избившему моего отца,
Выколоть бы глаза.*

Араты слушали песню внимательно и сочувственно:

— Так это же сирота Чондан, у которого скончался отец от девяти пыток.

*Хотя меня часто били шаагай,
Я никогда не сдался.
Хотя на меня надевали донгу,
Я никогда не унижался.*

Араты удивлённо переглянулись и наперебой воскликнули:

— Это кайгал² Комбу поёт! Он не сознался в преступлении и стойко выдержал все пытки. Комбу теперь невиновный, и весь его род освобождён от налогов.

В юрту зашёл старец Бадарчы. Поздоровавшись, похвалил всех:

— Ага, славно поработали для переработки шерсти в войлок. На ветвистом дереве птицы гнездятся, в доброй юрте народ собирается, — закончив чаепитие, поглаживая реденькую бородку, нюхал табак и, повернувшись к кайгалу-табунщику Сенгээ, спросил: — Не зря говорят: ветреное место узнают по деревьям, удалого молодца — по глазам. Расскажи-ка, молодец мой, кого встречал, что видел?

Ободренный его приветливыми словами, обеспокоенный Сенгээ с горящими глазами громко ответил:

— Из города Улясутай прибыли в Овюр маньчжуры, чтобы устроить суд над тувинскими аратами. Они приехали с караваном навьюченных верблюдов. Из-за огромных тюков, навешенных с обеих сторон на верблюдов, торчали только длинные шеи. Раньше я думал, что любой маньчжур-китаец — это богач или торговец, что у каждого за пазухой звенит серебро.

— Что, не так? — спросил арат Озук.

— У них тоже есть батраки, как у наших богачей. Грузчики, караванщики, ямщики, повара, прислуга. Кого только нет. Батраки носят короткие тон-халаты, сшитые из ткани и кож, выделанных из шкур косули и домашней козы. Состоятельные маньчжуры носят халаты из шёлка, а на макушке шапки сверкает шарик³, — продолжил рассказ Сенгээ.

¹ Донгу — деревянный хомут.

² Кайгал — удалой молодец.

³ Шарик — чиновное отличие правителя. Чангы или чейзен (глава управления) носил на шапке каменный шарик синий, хунду (старшина) — белый фарфоровый, чалан (чиновник особых поручений) — синий стеклянный, бижээчи (писарь) и бошка (десятник) — медный шарик.

— Как вели себя?

— Вели себя вызывающе, самодовольно, как будто на своей родине.

Услышав это известие, араты вскочили, вспрыгнули на коней и поскакали к своим юртам. Предусмотрительные араты, пытаясь избежать лишних хлопот, торопились откочевать подальше от аала, так как в их обязанности входило обеспечение жильём и пищей китайских чиновников, приезжающих для выколачивания податей из бедного народа. Араты не желали прислуживать грабителям.

Даже богачи, когда приходила весть о приезде чиновников из Китая¹, стремились куда-нибудь перекочевать, им не очень-то хотелось делать подношения, подарки, тем более что ценность зависела от статуса и чина. Особенно спешили поменять место кочевья те, у кого были красивые дочери или молодые жены. Опасно оставаться неподалеку от похотливых и вечно пьяных непрошенных гостей.

Холурааш вспомнил, как стал свидетелем несправедливости: китайский купец за большого быка, приведённого аратом Комбу на продажу, отпустил материи длиной, равной расстоянию от рогов быка до его хвоста. Получалось, что бык был отдан задаром. Араты давали купцу за иголку ягнёнка, за зеркало — барана, за плитку чая — бычка...

Китайские купцы предпочитали «торговлю в долг», так как по обычаю, установленному самими купцами, если покупатель не мог расплатиться в срок, его долг удваивался. Двойной долг арату отдать было ещё труднее, и он попадал в кабалу.

Как-то араты собрались в юрте Холурааша.

— Вы, наверное, помните, как проходил суд над храбрецами алдан-дургунами², которые посмели восстать? — с гордостью, но не скрывая сожаления, спросил Конгур.

— Как не помнить?! Помним, конечно! — заверили друг за другом араты. — Их всех поймали, увезли на Улаастай, долго мучили.

— Им всем отрубили головы. А потом эти головы шестидесяти беглецов привезли в Урянхай и развесили на шестах на перекрестках дорог, чтоб напугать народ, — сказал старик Опан. — О Боже, пронеси мимо нас эти жуткие времена.

— Алдан-дургуны — не беглецы, а богатыри. Шубу не надевая — замерзнешь, прошлого не зная — споткнёшься, верно в народе говорят, — сказал Конгур. — Бедный нищете не покорится, богатый золотом не насытится.

Всё чаще поминалось в разговорах, что предводитель шестидесяти богатырей Самбажык не был убит, а скрылся в стране русских и вот теперь собирается возвратиться в родные края. Почему же возвращение Самбажыка связывали со страной Орус? Да потому, что там, в стране русских, прогремела революция 1905 года, и отзвуки её докатились, хоть и с большим опозданием, до Урянхы. Под непосредственным влиянием первой русской революции в 1911 году вспыхнула революция в Китае, а поскольку Монголия и Урянхай находились под властью Китая, то и араты стали поднимать головы.

Однажды утром, словно свист плети, пронёсся слух по Монгун-Тайге:

— Китайские лавки грабят!

— Где грабят?

— В Овьуре, также в Оюннарском и Салчакском хошунах...

Никто толком ничего не знал, но слухи были достоверными.

«Зачем мы грабим китайских купцов? — размышлял Холурааш. — Конечно, из-за того, что они жадные. Так им и надо! За бесценно скупают у аратов скот и пушнину, забирают у народа последнее».

Борьба против маньчжуров перекинулась из Китая во Внешнюю Монголию, а оттуда — в приграничные с Монголией районы Урянхы. Началось с малого — араты разгромили торговые фактории китайской фирмы Бо-Янь-боу в Эрзине и Тес-Хеме. Это встревожило не только купцов-китайцев и тувинских феодалов, но и чиновников белого царя в России.

Ни верховный правитель Тувы амбын-нойон Комбу-Доржу, ни главный хемчикский бай Буян-Бадьргы не знали, что ещё до этих событий иркутский генерал-губернатор докладывал царю: «Неудовольствие урянхов китайским режимом быстро растёт и может перейти в открытое восстание». Но тувинские чиновники не могли не почуять ветерка из монгольских степей, занявшегося от вихря в России.

¹ Приезд чиновников из Китая грозил возрастанием тяжести повинностей. Предоставление лошадей, вычюных сарыков, ямшиков, юрт и провианта зависело от ранга чиновников.

² Восстание алдан дургун — шестидесяти богатырей — народное восстание в Туве в 1883-1885 годы. Алдан-дургуны — оскорблённые тиранством беглецы, смелые до отчаянности люди, выносливые, сильные, легко переносящие жару, холод и поездки с опасными переправами через бурные реки и через высокие горные перевалы, прирождённые охотники, борцы-богатыри против тиранов. Они же — угонщики табунов.

В пору сбора волчьей травы¹ года Мыши под вечер к юрте Конгура прискакал гонец:

— Война! Пусть Холурааш собирается.

Не сразу разобравшись, о чём прокричал гонец, Конгур собрался было выйти навстречу ему, но не дошёл и до порога, когда услышал удаляющийся топот копыт.

Севил, услышав слова гонца, заплакала и запричитала:

— Что я такое сделала? Едва пережили чуму и смерть Чинчи, теперь война. Всё происходит через мою юрту...

Холурааш направился к всезнающему Очуру. Нет места, где бы он не побывал, у него глаза зоркие, уши всё слышат, язык подвешен ладно. Не одному Холураашу пришлось в голову наведаться к Очуру. Собралось у него порядочно народу, и разговор шёл, видать, давно. Среди аратов выделялись широкоплечий Сойту и коренастый Комбуй из рода Хертек. Про таких, как эти два арата, говорят: если встанет, то высок, если схватит, то силен.

Часто в разговоре аратов повторялось одно слово — Хомду (Кобдо). Слово это в последнее время на все лады склоняли по тувинской земле. Холурааш ни о чём не расспрашивал, только слушал. И дождался в конце концов, когда всё для него стало ясно.

— Монгольские араты попросили, чтобы мы помогли им выгнать маньчжуров из Хомду, — сказал Очур.

— Помогать надо, — согласился Холурааш. — Скот скоту пара, арат арату друг. А далеко этот город Хомду?

— Далеко.

— А что бы ты сказал, если бы тебе предложили ехать на войну? — спросил Холурааш.

— Пришлось бы ехать.

— Почему?

— Потому, что просят монгольские араты.

— Верно, Очур. Правильно ты рассуждаешь. Вот так бы и объяснили людям... А то прискакал, проорал: «Война!» — и думай что хочешь...

Из Монгун-Тайги в Кобдо решили добровольно ехать трое: Сойту, Холурааш и Комбуй. Возвратившись домой, Холурааш успокоил своих:

— Монгольские араты попросили помочь. Мужчине нужно порох нюхать, а не дно пиалы. Война — мужская доля. А помирают на войне не все.

— Ручьи сольются — река, люди соединятся — сила. Надо ехать! — сказал Конгур.

Разговоры о войне поутихли, но тут же вспыхнули с новой силой, пошли разные слухи. Одни говорили, что всех, кого будут отправлять, полностью снарядят бай. Другие говорили, что сами богачи воевать не поедут, им про войну услышать только — языки побелеют от страха, зато каждый бай, чтобы самому на войну не ехать, должен снарядить пятерых аратов. Разные ходили слухи... На сборы дали десять дней.

— Полностью снарядят бай? Они этого не делают. Самим надо готовиться. Нужно готовить одежду, пищу, коня и оружие, — сказал Конгур.

— Что из пищи лучше брать и как перевозить? — спросил Холурааш у отца.

— Воины и охотники всегда перемещались верхом на конях, пищу перевозили в таалын (перемётной сумке). Удобная вещь — таалын: перекинул через седло, привязал, — покуривая трубку, объяснил Конгур. Достав курут (сушёный сыр), одно ведро далгана (перемолотого ячменя), смешанного с двумя пиалами рассыпчатого сушеного творога, и топленое масло в прокопчённом желудке барана, Конгур сказал: — На первый месяц этого хватит. Твой любимый кара-кадык приготовим.

— Всё это помещается в таалын? — удивился Холурааш.

— Да, сынок. Я на охоту больше месяца беру хенме (высушенное мясо быка). Оно помещается в сушеной сердечной сумке вола.

Севил подарила внуку когээржик (кожаную фляжку) емкостью до 10 литров, она сама шила её из кожи, и сказала:

— В нём будешь перевозить в седле воду, кумыс и другие напитки. От встрясок в седле вода хорошо перемешивается с ааржы. Этот кисловатый напиток прекрасно утоляет жажду и частично голод. Сейчас приготовлю сыр для длительного хранения. Он долго не портится.

В это время Анай на очаге нагревала котел с ореме — со сливками молока сарлыка. Вот образовалась смесь из сливок с остатками молочного белка в виде белых хлопьев. Чтобы очистить топленое масло от этих белков, Анай добавила в него немного далган

¹ Волчья трава — «казак трава». Траву собирали во второй половине лета, с появлением ягод, сушили в тени. Отваром из травы лечили гастриты. Трава входит в состав мази, применяемой для лечения ран.

с уургене (растение — живородная гречишка) — получился чокпек, то есть каракадык. Далган связывает белковую взвесь, которая оседает на дно котла. Масло Анай аккуратно слила, а смесь, осевшую на дне, собрала в прокопченный желудок барана. Вот и готов каракадык.

Севил слегка нагрела в котле молоко сарлыка. Затем, постоянно мешая, влила небольшой струйкой хойтпак (типа простокваши). Как только белковая масса свернулась, удалила сыворотку, сняла котел с огня и начала мять сырную массу черпаком на стенке котла, выжимая из массы остатки сыворотки. Затем сырную массу обезжировала под прессом в мешке (таар), придав ей форму квадрата, и оставила на некоторое время. После того как сыр под грузом затвердеет, вынимала его и укладывала на деревянную доску в тени под кроватью на хранение.

Вечером Анай около юрты разводила костер в ямке, на дне которой лежали камни, собранные у реки. Конгур с Холураашем ножом разделявали по суставам тушу барана, стараясь снять все мясо с костей. Нарезали мясо удлиненными ремешками толщиной в два илиг (толщина двух пальцев). Пока они разделявали мясо, Анай на костре готовила пищу. Затем всё мясо нанизывали на шампуры. После того как костёр прогорел, над ямой разложили шампуры с мясом.

— Раскалённые камни будут долго хранить тепло, так мясо за ночь высушится, сынок, — сказал Конгур.

Наутро Холурааш собрал всё и уложил в переметные сумки. Теперь одна надежда на своего вороного коня Дас-Кара.

— Я боюсь. Мой конь выдержит ли?

— Конечно. Конь способен перевезти и тебя, и таалын. Самое главное — оружие! Подумай, что тебе нужно брать, — сказал Конгур.

— Лук со стрелами, нож, ружьё, что ли? — спросил Холурааш.

— В первую очередь, бери наше охотничье ружьё. Пригодится и лук. Всадник, вооружённый луком, верхом на резвом скакуне в ближнем бою имеет преимущество перед противником, вооружённым холодным оружием.

— Луком вооружается воин, рассчитывающий только на свои силы, а я...

— Ну ладно, оставим лук со стрелами. В сложном положении ты рассчитывай только на себя. И запомни, за твоей спиной твоя бабушка, я, Анай.

— Ну как мой кош бижек¹? — Холурааш прохаживался перед отцом с большим ножом в ножнах из рога, заткнутым за пояс сзади, справа налево.

— Хорошо! — выныз из ножен большой нож, Конгур проверил его лезвие. — Нож нужен острый, а слово — меткое.

Нож имел стальной клинок длиной чуть более ширины талии Холурааша. Отец подарил сыну свой кестик — малый нож. Этот клинок с тонким, очень острым стальным лезвием использовался как бритва, им снимали шкурки с меховых зверей, кастрировали животных, выполняли шорные работы. Затем Конгур достал из чехла старинное ружьё с нарезным стволом, самодельным цевьем и маленьким прикладом. Спереди к ружью была приделана пара сошек.

— Оперев на сошки ружьё, твой дед метко посылал в цель маленькие свинцовые пульки. Жаль, свинца не достать, — Конгур поставил ружьё на сошки, нащупал рожок, заправленный порохом, и присоединил его к охотничьей сумке. — В рожке имеется запасная пуля. Ею зверя, тем более человека, не убьёшь, разве что раненого прикончишь, — привычным движением наполнил из рожка порохом черную метку, подсыпал на полку, выждал мгновение. — Настала пора выстрелить, но не выстрелю, пули жалко. А теперь одежду проверим.

Холурааш был одет в короткий халат, сшитый из выделанной шкуры косули. Халат так скроен, что облегчает посадку в седло. Холурааш оборачивал шелковый пояс красного цвета поверх халата по-своему: вначале один конец пояса, обернув вокруг талии, фиксировал сбоку простым узлом, дважды обернув одну часть ткани вокруг другой. Опора, сформированная поясом, позволяла защитить позвоночник при верховой езде, также легко переносить резкие толчки и удары.

Холурааш носил безрукавку из шкур рыси мехом внутрь, отороченную по краю полоской шкурок козлят, и довурзак (шапку полукруглой формы) из выделанной шкуры тарбагана.

Бабушка сшила внуку новый хевенек — плащ с рукавами. Он обрадовался, примерив:

— Очень мне подходит и легче, чем моя другая одежда.

— Хевенек шила из ягнячьей шерсти осенней подстрижки, — с гордостью сказала довольная Севил.

Холурааш носил штаны из выделанной кожи косули. К штанам Анай сшила угдешки

²⁰ Кош бижек — большой нож.

(штанины из кожи козы) со швом с внешней стороны. Угдешки защищают ноги наездников от дождя, снега, от ударов о стволы деревьев и от колючего кустарника. Их надевают поверх сапог и штанов. Они крепятся к брючному ремню шнурками из кожи.

Обут был Холурааш в кадыг идик — жесткие сапоги с поднятыми вверх носками. Эта обувь предназначена для облегчения разного рода действий на скаку и защиты ног от оружия противника. Голенища сапог из толстой, твердой кожи снижают нагрузку на голеностопный сустав. Вздёрнутый носок сапога в сочетании со связанными под брюхом коня стремениами служил для наилучшего удержания всадника верхом на коне, уберегал от опрокидывания назад на круп коня в случае захвата арканом, также позволял выполнять глубокие наклоны и повороты в обе стороны на скаку. Носили сапоги со стельками из сарыг-сиген — травы, растущей на южных склонах гор, а зимой их носили с кидис ук — войлочными чулками.

В пеших переходах, на стоянках Холурааш переобувался в чымчак идик — мягкие сапоги, изготовленные из мягкой выделанной кожи с подошвой из толстой кожи, взятой из шкур с шейной части быков. В летнее время мягкие сапоги он носил, особым образом обернув ногу сухой травой.

Предварительно совершив камлание, Конгур вытащил из выдвигного ящика сундучка камни чат¹ в специальном кошелё из шкур.

— Для того, чтобы вызвать жару, камень чат нагревают над пламенем или углями, после чего кладут куда-либо, предварительно завернув в шерсть или войлок. Чтобы разогнать тучи и непогоду, чат кладут на раскрытую ладонь и дуют «через него» в разные стороны, как бы раздувая тучи. Если хотят вызвать дождь, то кратковременно подвешивают камень на шнурке над поверхностью вод ручья. Если хотят вызвать ливни, за которыми следует наводнение, то кладут камень в горный ручей. Обнаружив такой камень, брать его просто так нельзя. Если это сделать без камлания, то он принесет несчастье человеку. Теперь, после моего камлания, ты можешь взять камни. Они должны защитить тебя, Сойту, Комбуя от пуль. Бери лекарство. Бери довук², сушеную плазму, струю кабарги, панты³. Довук слегка утоляет голод. Струю кабарги, панты применяют для быстрого восстановления сил.

Высушенную плазму Холурааш положил в небольшой мешочек из шкуры козы.

Сушеную плазму готовили так. Осенью, с наступлением холодов, во время забоя скота на зиму собирали конскую кровь, сливали её в деревянные ведра, давали отстояться. Через некоторое время кровь расслаивается, сверху собирается плазма светло-жёлтого цвета, внизу — густая тёмно-красная масса. Аккуратно собрав плазму, сливали её в сосуд и сушили, оставив в деревянном корыте на некоторое время в юрте.

— Перед употреблением плазму разведи в тёплой воде либо употребляй в сухом виде, положив несколько крупинок в рот. Плазма, хвост маралухи помогут в случае переутомления и голода, — напомнил Конгур.

Хвост добытой маралухи сразу отделяли вместе со шкурой, сбрасывали шерсть острым ножом и сушили, подвесив под потолка в юрте.

— Отрезай небольшую пластинку ткани хвоста маралухи и, тщательно прожевав, глотай. Ткань хвоста маралухи также толкут в ступе, полученный порошок смешивают с тёплой водой и пьют. Вечером не пей чай из золотого корня. Из-за сильного прилива энергии трудно будет уснуть — учащается сердцебиение.

В таалын Холурааш положил: довук, хвост маралухи, струю кабарги, желчь тарбагана, когти медведя, хая чогу (мумие), панты, разные травы и корни, среди которых он особенно ценил золотой корень и волчью траву. И положил ещё курут — особый вид сушеного творага.

Перед самым отъездом в Хомду Конгур обратился к Холураашу:

— В бою кровь льется, в горах ветер дует. Ты у меня многому научился. Многое знаешь, как лекарь. Но ты слишком раздёрган, на себя не похож.

— Переживаю из-за войны, отец.

На берегу реки, на необычном месте Конгур развёл невысокий костёр, длиной около кулаш, шириной пядь. Холурааш, искупавшись в холодной воде, спросил:

— Что теперь?

¹ Камни чат — небольшие камни белого и голубоватого цвета длиной 2 или 3 илг, напоминавшие изделие из стекла с тремя гранями, обладающими магическими свойствами.

² Довук — коленная чашечка животного. Во время длительных переходов или ожиданий в засаде, чтобы не выдать своего присутствия дымом костра при приготовлении пищи, воины и охотники сосали вареную коленную чашечку барана.

³ Панты — неокостеневшие рога марала. Добыв весной марала, срезали панты. Сняв с рогов тонкую шкуру, рубили на куски длиной 15-20 см и сушили. Высушенные куски рубили на тонкие пластинки. Когда наступала усталость, но необходимо было продолжать движение, воин брал пластинку высушенных пантов в рот и сосал во время движения. Это придавало силы.

— Перешагивай огонь десять раз.

Холурааш шагал через костёр с юга на север. Обойдя по солнцу, шагал снова, приговаривая:

*Сожги, съешь болезни и наветы,
Которые горят.
Отгони те, которые не горят.
Мы вместе — едины, огонь.*

После купания в холодной воде и последующего шагания через костёр Холурааш успокоился, стал уверенным в себе.

Время отъезда настало. Холурааш подумал: «Времени не скажешь: подожди. Половодью не скажешь: постой».

— Будь бодрым в пути, — поучала внука бабушка в дорогу. — В Чаданском хурээ помолись от моего имени за мертвых и живых. Не будь одиноким, с друзьями будь. Наглость человека валит, скромность окрыляет.

— Будь осторожным в пути, — наказывал сыну Конгур перед дальней дорогой. — У тебя много друзей. Вернёшься в Монгун-Тайгу и увидишь ещё нас. Это время уступит место новому времени.

— Береги себя! — черёмуховые глаза любимой Анай заблестели.

Анай повернулась к мужу спиной и стала смотреть на гору Монгун-Тайга. Тогда Холурааш вспомнил свою маму перед отъездом в целебный источник и подумал: «Как похожа Анай на маму!» Когда она повернулась, увидел мокрое от слёз лицо. Нежно проговорил:

— Не надо, Анай!

— Не беспокойся за меня, — в глазах жены ещё стояли слёзы, но она уже улыбалась. — Всё будет хорошо. Ты вернёшься к нам.

— Какие родители, такие и дети, — сказала напоследок Севил. — Не могут они плохими людьми стать. Войлок растягивается, человек растёт. Ты, Холурааш, мужчиной становишься.

Он уже вставил ногу в стремя, когда отец нашёл прощальные слова:

— У птицы — гнездо, у человека — родина. Тебя твоя родина Монгун-Тайга будет ждать. Вернёшься к нам.

Холурааш тронул коня, прощаясь:

— Священная моя Биче-Монгун-Тайга, я сегодня уезжаю на войну, моя прекрасная земля. Жди меня. Я вернусь с победой!

Конгур провожал сына песней каргыраа¹. При его пении сын слышал такой звук, как будто скалы гудят, гремят, разрушаются, и подумал: «Вот откуда в каргыраа очень ощутимы мощь и величие гор». Эпическое пение отца вдохновляло сына на победу.

Картина 2. ДОРОГА В ЧАДАН

Холурааш и два монгун-тайгинских арата, Сойту и Комбуй, посланных на войну, ехали верхом на своих конях. Сойту и Комбуй выехали из родных мест впервые и смотрели вперёд. В сердце Холурааш питал надежду: «В этой войне мы победим!»

Растерев зелёные листья можжевельника между пальцами, он любил вдыхать его сильный, необычайный запах и думать о неведомых странах. Заливалась кукушка. Холурааш подозвал спутников и достал из-за пазухи тона кожаный мешочек, затянутый шнурком. Вытащил из него волшебные камни и положил их на ладони Сойту и Комбуя.

— Это волшебные камни, оберегающие вас от пуль, храните их в надёжном месте, — сказал сын шамана.

Миновали крутые перевалы и бурные реки. На горизонте распахнулись широкие дали. На лошадях переправились вброд через реку Каргы и направились к перевалу Саадак — небольшой седловине на бурой стене хребта Цаган-Шибэту. Постепенно они достигли подножия хребта и вошли в глубокую лощину. Перебрались с травянистых склонов хребта на голые скалы из выветрившегося песчаника, по которым пOLOGими витками была проложена тропа. Наконец-то достигли седловины перевала Саадак и увидели по обе стороны тропы на самом перевальном гребне две большие кучи камней с жердями — оваа. Всадники слезли с коней, любясь красотами родной земли. Разминая ноги, с наслаждением вдыхали чистый, богатый горными ароматами воздух. Разбрызгали молоко из когээржика, разбросали кусочки еды по ходу солнца, прося милости у хозяев гор. Каждый привязал к жердям волосы из гривы своего коня.

На вопрос Сойту:

¹ Каргыраа — стиль горлового эпического пения.

— Откуда взялось название перевала Саадак? — Холурааш ответил:

— Говорят, что название Саадак связано с колчаном, охотничьей сумкой, оставленной на этом перевале одним охотником. Но если посмотреть на перевал со стороны, то он выглядит, как саадак — лук со всеми принадлежностями.

Отсюда, с вершины перевала, хорошо были видны соседние хребты: Танну-Ола — на востоке и Сайлыг-Хем — на западе, на границах Алтая.

— Ваши близкие соседи — с Алтая. Вы, наверное, хорошо говорите по-алтайски? — спросил Комбуй.

— С алтайцами не только дружим, но и становимся сватами, кровными родственниками. Алтайский язык мне как родной, — с гордостью ответил друзьям Холурааш.

— А мои родственники в Шегетей дружно живут в соседстве с монголами, вместе пасут отары, общаются по-монгольски, — сказал Комбуй.

Хребет Цаган-Шибету, на котором они стояли, был соединительным звеном и шел параллельно западным отрогам Танну-Ола. Прямо к югу от них возвышалась великолепная белоснежная Монгун-Тайга.

Сделали небольшой привал на гребне. Укрылись за скалами от резкого, холодного ветра. Отдохнув, начали спуск, ведя лошадей шагом. Тропинка сперва шла по альпийским лугам, потом начали попадаться отдельные лиственницы. Чем ниже они спускались, тем чаще стояли деревья, и очутились в настоящем лесу, сплошным покровом одевавшим крутой северный склон хребта. Тропинка спускалась то по крутым откосам, обходя неустойчивые осыпи, то пересекая уютные лесные полянки и ручьи, с шумом устремляющиеся вниз. Постепенно оказались на дне глубокого ущелья и поехали по течению протекавшей в нем бурной речки. Глухая теснина была очень живописна. Вся она заросла густым лесом, и путники ехали у самой воды под раскидистыми ветвями лиственниц.

Теснина вывела их в более широкое ущелье. По его дну текла горная речка, вдвое шире той, по течению которой они спускались. Переправившись на другой берег, устроили большой привал, чтобы идти дальше без промедлений до остановки на ночь. После привала начали подниматься лесом, на этот раз вверх по течению реки, к которой привела их узкая теснина. Теперь продвигались быстрее — верхом.

Размашистым шагом шли лошади лесом и лугами по берегу реки, всё выше и выше к перевалу. Иногда лес раздвигался, и раскрывались просторы богатых горных пастбищ. Чем ближе продвигались они к перевалу, тем больше лес уступал место лугам. На заходе солнца путники выбрали место на краю последней рощи, дальше видны были только луга.

Вечер выдался чудесный — тихий, солнечный и теплый. В ласковых лучах заходящего солнца золотились верхушки огромных лиственниц, а еще выше горели багровыми отсветами уходящие в небо крутые откосы Танды-Уула. Голубым столбом поднимался дым костра, для которого совсем не нужно было экономить топливо, как в юртах. Скоро погасли вершины гор, стерлись краски далей, и в наступившей темноте еще теснее сомкнулись вокруг костра освещенные его отблесками могучие стволы деревьев. После ужина и чая, полной грудью надышавшись за день воздухом гор и лесов, они заснули мирным сном.

Среди ночи, ворочаясь с одного бока на другой, сквозь сон Сойту слышал, что будто идет дождь. Не успев разобраться, он снова уснул. Его разбудил громкий голос Холурааша:

— Кошмар! Нет, вы только посмотрите — что вокруг делается...

Комбуй и Сойту, проснувшись, увидели белые мохнатые деревья на краю необозримого полярного простора. Всё вокруг них — лес, луга и склоны ущелья — все было занесено толстым слоем свежего снега. Легли спать летом, а проснулись среди зимы. Они знали, что летом такое случается в Монгун-Тайге.

С наступлением утра снег, лежащий на ветвях деревьев, начал подтаивать. Сверху на них лились струйки воды, то и дело падали холодные мокрые лепешки снега. Путники бродили в поисках сухих веток и коры по мокрым, заваленным снегом кустам. С трудом разожгли костер. Такой обильный снегопад гораздо хуже внезапного ливня. Всё вокруг промокло насквозь.

На завтрак и утренние сборы ушло больше времени, чем обычно. Наконец, взгромоздив на мокрых лошадях выюки, они влезли на седла — именно влезли, потому что «вскочить в седло» в промокших одеждах и обуви было абсолютно невозможно.

Смешавшись с грязью, талый снег превратил тропу в сплошное болото, в котором вязли копыта лошадей. В особенно трудных местах приходилось спускаться с седла и проводить лошадей в обход, не выпуская повода.

С перевала дул леденящий ветер, серые тучи грязными клочьями неслись над головами, все вокруг было суровым и унылым. Безотрадными казались в это утро заснеженные леса и горы. Еще вчера окружавшая природа была такой приветливой

и радостной.

Дойдя до верховьев ущелья, они попали в настоящее царство зимы. Стало еще холоднее, но обрадовались этому, потому что выпавший за ночь снег здесь не таял. Шагали, проваливаясь по колено в сугробах. Разметаемый ветром сухой снег струился по дну ущелья и шуршал, как мелкий колючий песок. Но всё-таки это было лучше, чем скользкая снежная жижа, которую они преодолели с трудом.

Мимо черневших на склонах скал они начали круто подниматься вверх к перевалу. Всякие признаки дороги здесь исчезли под глубоким покровом снега. Холурааш, взявший на себя роль проводника, кое-как находил петли и повороты тропинки. На подъеме всем пришлось спешиться и карабкаться все выше и выше. Стараясь не отстать от идущего впереди, Сойту и Комбуй упрямо лезли вверх, стремясь равномерно дышать и прятать лицо от порывов ветра. Наконец, они дошли до крутого обрыва. Холурааш остановился в раздумье. Комбуй, к которому он обратился за советом, только пожал плечами и ничего не ответил.

— Ходил здесь всего один раз летом, тогда снега не было, — сказал Холурааш.

Понурился, сгрудившись в кучу, лошади стояли на краю обрыва, спуститься с которого могла бы только птица. Все молчали. В такое время мысль работает лихорадочно в поисках единственно правильного и возможного выхода. Холурааш подумал: «Я так не блуждал, снег, метель заставили».

— Мы заблудились. Не зря говорят: не хочешь заблудиться — по сторонам посматривай, не хочешь ошибиться — других людей расспрашивай. Надо поискать знаки — пирамидки на камнях. А для этого нужно вернуться назад, — Холурааш решительно повел спутников обратно.

Всматриваясь в следы, он вел их по валунам и снежным ямам, через ледяные ручьи и сугробы, пока они не очутились в том углу плато, по которому кружили еще до того, как спустился туман. Им казалось, что прошло много времени. Теперь туман развеяло ветром, снова началась пурга. Подождав, пока все соберутся в одном месте, Холурааш попросил Сойту не отходить от лошадей ни на шаг и, взяв с собой Комбуя, пошел на разведку.

Сквозь сетку летящего со всех сторон снега Сойту видел, как Холурааш и Комбуй, взявшись за руки, перебираются через завалы, занесенные снегом. Они шли по широкому кругу, в центре которого виднелась группа лошадей и Сойту. То и дело останавливались около больших валунов и руками разгребали наметы снега на их вершинах. Иногда оглядывались, чтобы не потерять Сойту с лошадьми из виду, и снова шли дальше. Наконец, из белесой мглы, в которой Сойту едва различал два темных движущихся пятнышка, донесся голос Холурааша:

— Сойту, сюда подходи! Есть знак!

Когда Сойту приблизился, торжествующие Холурааш и Комбуй показали ему целых три знака — маленькие, явно сложенные руками человека пирамидки камней в снегу на больших валунах. Это, действительно, были приметные знаки, выложенные на перевальной тропе. Они указывали им направление. Выход с плато был найден, и, не теряя времени, они двинулись туда.

Холурааш ехал впереди на своем коне и время от времени нагайкой сбивал с валунов снег. Верность направления подтверждали каменные пирамидки под снегом. Втроем поднялись на острый гребень, перевалили его и спустились в укрытую от ветра лощину, сделали небольшую остановку, покурили. Потом снова шагали по снегу или ехали верхом, поочередно. Теперь, когда дорога была найдена, почувствовали, что оочеченели.

Снегопад прекратился, всадники двигались в туманной мгле, осевшей на вершины облаков. Постепенно туман стал редеть и принял золотистый оттенок. Неожиданно вышли на кромку облачной завесы — на снежное поле, залитое светом солнца, яркость которого, после блуждания в сумраке бурана, показалось необычной. Далеко впереди, во всю ширь горизонта, перед ними открылась обширная лесная долина реки Барлык. Смотрели на первую открывшуюся им землю: над лесами сияло голубое небо. Из зимы они снова шагнули в лето.

Проваливаясь в глубокий, растопленный солнечными лучами снег, всадники спустились на зеленую лужайку под грядой скал и, наконец, вздохнули полной грудью. Невдалеке, немного ниже луговины, начинался лес. Однако добраться до леса оказалось не так-то просто. На спуске по луговине они попали в согру — болото, встречающееся в горах. Холурааш вспомнил: «Согра, как в перевальных котловинах Алтая, у линии вечных снегов».

О том, что они забрели в согру, узнали только тогда, когда лошадь Холурааша, шедшая первой, провалилась передними ногами в глубокую яму, оказавшуюся на безобидной на вид зеленой лужайке, покрытой низкорослой травой. Холурааш едва не вылетел из седла через голову лошади. Вслед за тем лошадь Сойту сделала вдруг

отчаянный скачок, посколькунулась на скрытом в предательском болоте валуне и чуть было не опрокинулась на бок. Опасность согры была именно в этих скрытых в болоте округлых камнях, лежащих в напитанной водой траве, на каменной «подкладке». Неудачный шаг на согре может грозить человеку или лошади переломом ноги. Чтобы не рисковать, они немедленно свернули и обошли согру стороной, сделав большой крюк.

Опушка леса, до которой они в конце концов добрались, была еще слегка припудрена снегом и не располагала к привалу. Сделали его значительно ниже, под кедрами. Глухой таежный лес окружал их со всех сторон, спускаясь по склону долины реки Тоолайлыг. Согревшись и отдохнув после блужданий по плато, они продолжали путь вниз по лесистой долине Тоолайлыга.

Тропинка, теперь опять заметная и хорошо утоптанная, шла мрачным заболоченным северным лесом среди лиственниц, кедров и елей. Изумрудные ковры мхов покрывали землю, сгнившие пни и поваленные стволы старых деревьев. Зеленый рассеянный свет пробивался сквозь кроны лесных гигантов, смягчая контуры скал, скрадывая формы и краски. В лесу стояла торжественная тишина. Ехали молча, стараясь на крутых спусках придерживать лошадей, чтобы не натолкнуться на деревья.

Постепенно слух стал различать какой-то равномерный, глухой шум. Он становился все громче, все яснее, лесные заросли раздвинулись, и они вышли на заросший кустарником берег реки Тоолайлыг.

— Почему реку называют Тоолайлыг? — полюбопытствовал Сойту.

— Здесь можно встретить много диких зайцев, потому и назвали Тоолайлыг. На самом деле ведь Тоолайлыг — родина зайцев, — улыбаясь, ответил Холурааш. Как раз в это время заяц метнулся из кустов и понесся прямо, прижав уши. — За ночь зайцы прокладывают по снегу глубокий видный след. Если бы заяц ходил просто и прямо, то поутру его тотчас бы нашли по следу и поймали; но заяц труслив, и трусость спасает его.

— Каким образом трусость спасает его? — спросил Сойту.

— Заяц ходит ночью по полям и лесам без страха и прокладывает прямые следы; но как только приходит утро, враги его просыпаются: заяц начинает слышать то лай собак, то голоса охотников, то треск волка по лесу и начинает от страху метаться из стороны в сторону. Проскачет вперед, испугается чего-нибудь — и побежит назад по своему следу. Ещё услышит что-нибудь — и со всего размаха прыгнет в сторону и поскачет прочь от прежнего следа. Опять стукнет что-нибудь — снова заяц повернется назад и вновь поскачет в сторону. Когда светло станет, он ляжет. Наутро охотники начинают разбирать заячий след, путаются по двойным следам и далёким прыжкам и удивляются хитрости зайца. А заяц и не думал хитрить. Он только всего боится.

Тропа упиралась в воду и снова, на другом берегу, уходила в лес. Поперек их пути по крутому, заваленному камнями руслу с ревом неслась бурная горная река. Это был первый серьезный брод.

Во время верхней переправы лошадь Сойту замешкалась на середине реки, и ее едва не унесло течением. Увидев, что река тащит лошадь по дну к гряде скал, с которых струи Тоолайлыга срывались водопадом, Холурааш пустил своего коня в реку и, ухватив потерявшую равновесие лошадь за гриву, снова рванул коня к берегу. Этот рывок решил дело, и выючная лошадь с Сойту, найдя под ногами грунт, выбралась на берег.

После переправы они продолжали спуск лесом по долине Тоолайлыга. Постепенно лес стал заметно редеть, и крутая узкая тропинка превратилась в полого спускающуюся колесную дорогу. По этой дороге продвигались довольно быстро. Когда в лесу погасли красноватые лучи солнца, выехали на лесную опушку. Перед ними расстилалась широкая зеленая долина реки Барлык.

Сумерки уже окутали дали голубоватой пеленой, сделали неразличимыми контуры окружающих долину гор, но вблизи все было еще ясно видно. Они ехали шагом, осматриваясь по сторонам, чтобы выбрать место для ночлега. Вдруг Холурааш остановил лошадь и сполз с седла на землю. Он нагнулся и воскликнул:

— Да ведь это менги чечээ (эдельвейс). Вот уж не думал встретить их здесь, в долине, да еще в таком количестве...

И в самом деле, везде вокруг них в траве светлели пушистые звездочки эдельвейсов. С малых лет Холурааш познавал законы тайги. Одним из первых воспоминаний детства живёт в нём встреча с чудом — эдельвейсом. Он навсегда сохранил воспоминание в душе своей, а с ним и душевную открытость чуду.

Искать место для ночлега долго не пришлось. Проехав еще около ста шагов, увидели ровную площадку на берегу реки, с трёх сторон окруженную лесом.

— Для костра в нашей юрте я собираю инек-мьяа (сухая коровья лепёшка), коржен (кизяк), а здесь так много сухих дров, что можно всю ночь жечь костёр, — обрадовался

весёлый Сойту.

На опушке было такое количество сухого, смолистого бурелома, что в этот вечер зажгли большой костер. Пламя ярко осветило стену лиственничного леса и мягкую просторную лужайку, усеянную эдельвейсами. Вокруг костра соорудили козлы из длинных жердей и развесили на них насквозь промокшую одежду. Как приятно сидеть у веселого огня, рассыпающего вокруг тысячи сверкающих искр, греться и забывать оставшееся позади мрачное плато перевала.

Проснувшись, увидели необычайно роскошную долину Барлыка в такое тихое, солнечное утро. Во всю ее ширь по зеленым лугам живописно разбросаны маленькие рощи и отдельные кудрявые деревья. Особенно очаровало сочетание луга с лесом. Далеко на юге, в верховьях реки, ярко выделяясь на безоблачном синем небе, сияли снега хребта Танды-Уула. Оттуда полноводный Барлык нес свои струи, сверкавшие в переделах золотых бликов.

Все выше поднималось по небосводу солнце, природа просыпалась. Позавтракав, стали собираться — до Чадана предстоял еще далекий путь.

Скоро «долина эдельвейсов», как они окрестили эту местность, осталась позади. Ехали все по тому же берегу реки, направляясь к главной переправе вброд через Барлык. Впереди, справа и слева, открывались виды один привлекательнее другого. Перед ними лежала долина Барлыка.

Время от времени они пересекали ручьи и маленькие речки — притоки Барлыка, текущие в тени густой уремы. В этих боковых долинах тут и там виднелись юрты ара-тов, приютившиеся на краю лугов, и стада на зеленых склонах.

Потом дорога свернула к реке — к главному броду. Барлык был гораздо шире той реки, через которую они переправлялись накануне, но он не летел с такой бешеной стремительностью по крутому руслу среди скалистых обрывов — течение его было спокойнее. Однако тут возникло другое затруднение — Барлык оказался значительно глубже. Для того чтобы попасть на пологий участок противоположного берега, нужно войти в поток не напротив этого места, а гораздо выше. Понятно, что, пока лошадь будет плыть до другого берега, течение отнесет ее далеко вниз.

Холурааш вспомнил переправу через Барлык с Шавар-Бады и прошептал:

— Оршээ хайыракан! (О, боже!) Похоже, что нам нужно переправляться через реку кипящей лавы...

Покрикнув на лошадей, всадники направились в круговерть реки. Сквозь шум воды слышался грохот катившихся по дну камней. На этот раз переправа происходила гораздо медленнее. Дожидаясь своей очереди, Сойту сидел на берегу и смотрел, как, все время борясь с течением, лошади Холурааша и Комбуя, также и его конь пересекали реку.

Когда пришла очередь замыкающих, Холурааш приехал за Сойту.

— Сойту, подними ноги выше и держи их на уровне седла! — сказал Холурааш, когда Сойту уселся позади него.

Положение Сойту на лошади стало еще более неустойчивым. Холурааш направил коня в реку, и медленный их переход начался. В сверкании и суматохе бликов и золотистых огней движение казалось еще более медленным. Они достигли середины реки. Вода поднималась все выше и выше и дошла до седла. Еще немного, и она сомкнется над лошадей.

С берега донесся крик. Сквозь струи воды, бьющие в лицо, Сойту увидел Комбуя. Тот стоял за арканом в руке на самом краю манящего берега, готовый помочь им...

Воля всадника переборолла упрямство коня. Направляемый сильной рукой Холурааша конь бросился в бурлящий поток. Однако рывок был таким сильным, что конь тяжело осел в воде на передние ноги. Издавая пронзительные крики, Холурааш тянул за повод, задирая коню голову выше поверхности воды, не давая ни секунды передышки. Конь бил ногами, вздымая столбы брызг и пены.

Был момент, когда конь, видимо, оторвался от дна и поплыл, но в следующее мгновение Сойту почувствовал толчок, и седло высоко поднялось из воды — Холурааш отправил коня на отмель. Через несколько секунд три друга обнялись на желанном берегу.

— Испугавшись за вас, я сразу схватился за аркан! — все повторял Комбуй, не выпуская их из объятий.

Последнее препятствие на пути к Чадану было преодолено. Теперь ехали по долине Барлыка, по лужайкам и перелескам.

И вот позади верховья Барлыка и Тоолайлыга — самые гористые, крутые места Монгун-Тайги. Эти реки таят внутри себя исполинские силы и весной при таянии снега и ледников обретают такую мощь и бурный нрав, что огромные валуны, размером с корову, катятся по их руслу вниз, как щебенка, издавая страшный грохот и рокот, создавая на своем пути каменные завалы и груды причудливых нагромождений, за-

крывая некоторые перевалы.

Проскакали через степь в Саглах. По дороге проезжали красивые места: природа ведь всегда нарядна — и в дни тревоги, и в дни надежд.

Прибыли в Чадан.

Чадан — центр двух Даа и Бээзи кожуунов. Большая часть деревни состояла из юрт, а в деревянных домах жили только китайские и русские купцы. Даже чиновники кожуунного правления отбывали службу в юртах. Деревня и в обычное время бывала многолюдной. Когда же Чадан определили пунктом сбора тувинского войска, народу в нём сразу прибавилось в несколько раз.

Человек, впервые очутившийся тут, тем более если он приезжал из глухой, отдалённой Монгун-Тайги, просто шалел от шума и суеты. Взад-вперёд скачут всадники, лают собаки, ревёт скот. Хоть уши затыкай!

Самое сильное впечатление производили, конечно, буддийские храмы Верхнего и Нижнего Хурээ — знаменитого чаданского монастыря. Невысокие здания, казалось, взмывают к небу. Ярko раскрашенные, вздернутые вверх углы легких крыш походили на ламские шапки. На самой верхушке крыши торчала медная шишка, словно на шапке у чиновника, на всех четырёх углах тоже было по шишке. Рядом с хурээ было много построек, где жили и учились молодые ламы. По всей опушке привязаны лошади на арканах. Самые знатные баи расположились близко к хурээ, во дворе, а беднота — в лесу. Во дворе хурээ находилось много лам, у каждого через плечо была повязана широкая красная лента, а конец её заматан вокруг пояса.

Холурааш, Сойту, Комбуй вместе с толпой продвигались всё дальше, вглубь хурээ. Там стоял густой дым от разных благовонных курений, из этого дыма на людей глядели страшные рожи зверей с разинутыми пастьями. Некоторые золотые изображения сверкали. Люди, проходя, стучались об этих идолов лбами, стукнулся и Холурааш. Что творилось в его душе — объяснить невозможно: страх и любопытство, волнение и недоумение. Он забыл бабушкину просьбу помолиться за живых и мёртвых.

Теперь люди шли между рядами лам, подставляя головы, а ламы ударили по ним книгой-судуром — молитвенником, тарелкой — что у кого было в руках. По голове Холурааша ударили судуром. Этот религиозный обычай должен обеспечить человеку удачу во всех делах.

Холурааш из-за спин людей увидел впереди толпы высокую колесницу, запряжённую людьми. На ней — носилки, покрытые пологом из жёлтого шёлка, оттуда высывалась голова ламы, который важно оглядывал народ. Перед колесницей шагал целый оркестр — двое с длинными-предлинными трубами, концы которых были положены на плечи впереди идущих. Трубы издавали низкие звуки — точно кричал рассерженный верблюд-самец. За трубами шествовали ещё четверо лам с кларнетами. Кларнеты пели нежными приятными голосами.

Народ шёл с поднятыми ко лбу ладонями, кланяясь. Из-за этого все натыкались на впереди идущих, толкались. Когда колесница достигла южной части двора хурээ, она повернула и объехала двор по солнцу.

Потом начался обрядовый танец. В нём участвовали важный главный чёрт и чертенята, а после был танец живых богинь — дарийги. Роли богинь исполняли мужчины в нарядных костюмах и в масках красивых женских лиц. Ярko выделялись их разноцветные халаты, расшитые шапки, обувь из разноцветной кожи и сукна. Танец под приятную музыку напоминал Холураашу цветы, покачиваемые ветром, или молодые побеги цветущей ивы. Эти танцы — самое прекрасное из того, что он до сих пор видел.

Но молитвенные колеса, изображения драконов, рогатые маски и прочие атрибуты храмов вызывали страх.

Однако куда больше страшил и повергал в ужас, пожалуй, настоятель монастыря, главный его служитель Чамзы-Камбы. Он являлся родным братом Хайдып Угер-даа — приемного отца Буян-Бадыргы, правителя Даа кожууна. Странные вещи проповедовал Чамзы-Камбы, призывая не подниматься против китайцев, не грабить их. В противном случае, утверждал он, худо будет послушникам, не попадут они в верхний мир, не найдут божьего колодца и не выберутся из бездны... Это по его наущению прибывшие в Чадан араты все дни, пока шло формирование войска, днём и ночью стерегли китайские лавки. Они ещё не знали о том, что китайцы ютились у правителя Даа кожууна Буян-Бадыргы, рассчитывая на его помощь, чтоб в Монголию прорваться, а там и в Китай к себе улизнуть. Тувинские нойоны вместе с Буян-Бадыргы рассчитывали сами поживиться кое-чем, и как эти китайцы дойдут благополучно до маньчжурского хана — у них опять власть в руках будет...

— Что же это получается? — удивлялись араты. — Едем на войну против маньчжуров-китайцев, а сами караулим китайских купцов!

«Действительно, что же это получается?» — сам себе задавая вопрос, удивлялся и Холурааш.

Командиры-чиновники напускали на себя важность и строгость:

— Таков указ Богды-хана.

И всё. И не вздумай ослушаться. Те, которые осмелились сказать слово против, выразить сомнение, сразу отведали палок.

С каждым днём прибывало всё больше и больше людей. Их распределяли по двум отрядам: в приказное, государственное — чарлык шериг, куда брали преимущественно чиновников и их родню, и в добровольческое — сузук шериг, состоявшее исключительно из аратской бедноты.

Холурааш, Сойту, Комбуй попали в добровольческое войско, где близко познакомились со многими аратами. Особенно им понравился пожилой арат Сулдем из рода кыргысов из Улуг-Хемского Барыка. Без дела будущих воинов не держали. Старшие чиновники во главе Санаа-мээреном обучали пешему и конному строю, правилам наступления, ружейным артикулам. Стрелять не учили, потому что, по рассуждению командиров, каждый тувинец — охотник, стрелять умеет и промаху не даст, к тому же берегли патроны.

Здоровым и крепким, главным образом из чарлык шериг, выдали китайские берданы. Добровольцам и старикам вообще ничего не досталось. Хорошо, что они со своими кремневками приехали. А кое-кто оказался и вовсе без оружия. Холурааш про себя подумал: «Отец был прав. К счастью, своё ружьё мне отдал».

Как положено, несли караульную службу. Писцы отмечали, кому на какой пост заступать, и показывали, что надлежит охранять. Настало дежурство Холурааша. Он выпил чай из золотого корня, чтоб не спать, а всю ночь ходить. Ему вручили две обглоданные бараньи лопатки. Привязанные к поясу, они при ходьбе стукали одна о другую, и это свидетельствовало о том, что часовой исправно несёт службу. Так и ходил Холурааш всю ночь напролет, позвякивая костями. Если не слышать стука, значит, неладное случилось — или посторонний кто-то явился, или заснул часовой, или, того хуже, убили его. При появлении неизвестного часовой обязан был задержать его, а в случае необходимости даже стрелять. За все десять суток, однако, что происходил сбор войска, ни одного происшествия не случилось.

К трём монгун-тайгинским аратам под команду Очур-бошки добавили ещё шестерых «добровольцев».

Картина 3. ВЗЯТИЕ КОБДО

В день сбора ягод чадан-кат (в начале седьмого месяца) года Мыши войско Даа и Бээзи кожуунов выступило из Чадана. Оглушительный рев монастырских труб и раковин, крики провожающих, ржание коней — всё создавало тревожную и торжественную обстановку. Войско под командованием Санаа-мээрена двинулось вдоль реки Чадан по направлению на Хондергей.

На полпути в Овур соединились с отрядами Оюннарковского и Салчакского кожуунов. Теперь в чарлык войске стало больше четырехсот человек под командой Санаа-мээрена. Во главе добровольческого войска поставили Дамбья, сына Борбаанака из рода кыргысов. Без чинов и званий, из бедной семьи, молодой Дамбый был прирожденным командиром, смелым, ловким, изворотливым.

Чиновное войско, хорошо обеспеченное и вооружённое, состоявшее из людей с хорошим достатком, не шло ни в какое сравнение с разношерстными добровольцами. Свысока, презрительно смотрели чарлыки на аратов. На привалах чарлык войска писари составляли счета, описи оружия, списки участников похода по чинам и именам, чтобы не упустить их грядущих подвигов. А до сузук-шериг мало кому было дело. Подумаешь — араты! Пусть себе воюют...

Дандыгай-чалан отправил с гонцом донесение амбын-нойону Урянхая Комбу-Доржу:

«Вам, генерал-министр, направившему нас своим указом на западную границу, чтобы восторжествовал там мир и спокойствие, почтительно докладываю. Отправленные Вашим повелением серебро и товары поделены между воинами следующим образом: каждому воину — по одному лану, чиновникам-командирам — по пять лан, командующим — мне и Санаа мээрену — по десять. Молимся за Ваше благополучие и выражаем нашу благодарность».

Прибыли к монгольскому Улангому, где несколько сот вооруженных маньчжуров укрылись в деревянной крепости. Из Кобдо в Улангом для укрепления обороны привезли пушку величиной с хунан боо — трехгодовалого бычка. До тувинцев дошел слух, что только от одного выстрела из пушки поблизости не останется ничего живого и мертвого, даже земля расплавится. Некоторые чиновники-командиры чарлык-шериг заколебались.

— Надо обойти Улангом и двигаться прямо на Хомду. Там соединимся с монгола-

ми, вернемся и ударим по крепости вместе с ними, — настаивали они.

— Убоявшись одной пушки в Улангоме, что будем делать с десятком пушек в Хомду? — резонно возражали араты и требовали наступать.

В споре прошел вечер. Перевесило мнение большинства: на рассвете решили атаковать.

Маньчжуры выставили своё устрашающее орудие напоказ, у самых ворот в крепость, на телеге. Вид пушки действительно внушал ужас. Толстенный ствол нацелен прямо на лагерь тувинцев. Зияющее жерло — что пещера в скале. Никто не видывал ничего подобного. С гордым видом вокруг пушки расхаживали часовые, уверенные в своей неуязвимости.

Около полуночи Очур-бошка сообщил своим подчиненным:

— Санаа-мээрен и Дандыгай-чалан приказали сегодня ночью уничтожить пушку маньчжуров.

— Нам приказали? — переспросили араты.

— Приказали сузук-шериг. Херик-бошка сказал, что его араты справятся, и взял всё на себя.

Никто не осмеливался ни согласиться, ни возразить. Уничтожить такую махину! Да кто и как с нею справится?

Из сузук войска опытный охотник, пожилой арат Сулдем сказал:

— Я попробую.

Раз Сулдем сказал, никто и спорить не стал. Засобирались все сразу.

— Много людей не надо. Заметят, хуже будет.

— А как справишься с часовыми?

— И льва можно хитростью взять...

Старик попросил достать несколько больших кусков свинца. Херик-бошка, уже уверенный в успехе, сам отправился в чарлык войско и приволок с десятка слитков в кулак величиной каждый.

— Годится, — сказал Сулдем и попросил аратов: — Сделайте их круглыми.

Араты во главе с Холураашем начали округлять куски свинца. Бошка места себе не находил. Ему казалось, что время тянется слишком медленно, что Сулдем нарочно не торопится. А старик меж тем, присев на одно колено, преспокойно потягивал трубочку у костра.

— Я даже белку в чаще не спешу стрелять, — произнес он, когда бошка начал донимать его.

— Скоро светать будет! — чуть не лопался от злости бошка.

— Торопливая муха в молоке тонет, — отозвался Сулдем. Наконец, он поднялся. Взял в руку один из свинцовых шаров, подбросил: — Пойдет! — выбрал двоих аратов в спутники.

— Идем! — Херик-бошка увязался за ними. — Лучше бы пороху взять да взорвать, — ворчал он.

— Порох — пустой дым, — невозмутимо ответил Сулдем.

Отъехали. Тьма — глаз выколи.

— Сулдем прав, самый крепкий сон сейчас, — шепнул аратам Холурааш. — Когда ждёшь, кажется, время идет долго.

...Вот араты с Сулдемом, Херик-бошка вернулись.

— Ну как? — кинулись к Сулдему араты.

— Всё в порядке, — не останавливаясь, бросил старик и пошел к костру. Стряхнув пыль с заношенного тона, сообщил: — Пушка стоит на месте. Страшенная! В дуло свободно человечья голова залезет. А тяжелая — с места не сдвинуть.

Войско было уже на ногах. К сузукам подъехал Санаа-мээрен в шапке с зеленым шариком и пятиглазым одага.

— Пушка уничтожена?

Херик-бошка ответил уклончиво:

— Должно быть, господин...

— Должно быть, должно быть! Головой ответишь! Могли других послать.

— Не беспокойтесь, господин, — бошка почтительно сложил руки и низко поклонился.

Санаа-мээрен обжег бошку холодным взглядом и хлестнул плетью коня. Когда Херик-бошка поднял голову, на нем лица не было. Будто на том свете побывал.

Холурааш верил, что арат Сулдем положил свинцовые шарики в дуло пушки.

И вот сигнал:

— В атаку!

Впереди пешие сузуки, за ними на конях чарлык войско. Плотной стеной шли прямо на ворота крепости, туда, где, как и накануне, стояла устрашающе огромная пушка. Завидев тувинцев, маньчжуры ничуть не встревожились. Лишь несколько

человек возились у пушки: судьбу сражения предстояло решить этому оружию. Огня они не открывали, подпускали противника поближе. Тувинцы тоже не стреляли — пули всё равно не долетели бы до крепости.

Херик-бошка время от времени косился на Сулдема, но тот, держа кремневку наготове, преспокойно шагал вперёд. Осталось не больше сотни шагов. Кое-кто из чарлыков не выдержал — над головами впереди идущих засвистели пули. Выстрелы подстегнули воинов, они побежали и стали быстро приближаться к воротам. Только теперь всполошились маньчжуры. Один, стоявший у пушки, поднял пылающий факел, прикрепленный к шести, поднес к фитилю. Ворота в пятидесяти шагах!..

Позади пушки повалил дым, и почти сразу раздался оглушительный взрыв, которым вдребезги разнесло толстенный ствол. У всех аратов одна дума: «Вот молодец Сулдем! Свинцовые шарики в дуле пушки рванули!»

Маньчжуры ринулись в крепость. Несколько человек остались лежать у развороченного орудия. Санаа-мээрен подсказал к сузукам. На красном его лице сияла радость.

— Молодец, бошка! — крикнул он.

Лишившись главного своего преимущества, маньчжуры не смогли оказать сопротивления и без выстрела оставили крепость — через потайные ворота ускакали в Хомду. Ни один тувинец не пострадал. Первая победа далась легко. Успех воодушевил войско. Но героем дня стал не Сулдем, а Херик-бошка.

Самодовольно расхаживая по оставленной маньчжурами крепости, командиры жадно поглядывали на брошенные в лавках товары, на раскиданные всюду вещи. После Улангома седельные сумы подчиненных чиновников-командиров изрядно потяжелели.

Крепость Хомду — не чета улангомской! С четырех сторон окружают ее высокие стены, а по углам — четырехгранные башни, на которых установлены пушки, такие же точно как в Улангоме, широкогорлые чугунные страшилища. Трое крепких ворот, охраняемых из бойниц в ограде. Лишь с северной стороны ворот нет, там к стене примыкает монастырь.

Город Кобдо возник лет полтора назад, когда маньчжуры захватили Джунгарию. Они построили свой город невдалеке от теперешнего Кобдо, но восставшие монголы разрушили его. То, что произошло впоследствии, передает легенда.

Однажды люди увидели, что на том месте, где сейчас находится Кобдо, стоит памятник Гэсэр-хану¹. Удивившись, перенесли его обратно в разрушенный город. На следующее утро памятник чудесным образом опять очутился там, откуда его унесли. Так повторялось до тех пор, пока рядом с памятником не стали строить Кобдо.

В городе-крепости, кроме китайских купцов, было несколько русских факторий со зданием русского консульства и немного монголов, а также крупный, хорошо вооруженный гарнизон под командованием маньчжурского амбына. Всего за прочными стенами Кобдо насчитывалось до двух тысяч человек.

После объединения монгольского и тувинского войск кольцо вокруг крепости замкнулось. За несколько дней, проведенных возле Кобдо, Холурааш нагляделься на всякие диковины. Особенно любопытной оказалась торжественная встреча войсками одного из монгольских полководцев, старшего ламы Джалханзы гегена — богатейшего бая и влиятельного человека в Монголии. Там, где готовились встретить гегена, расставили множество белых юрт и шатров. В самую большую юрту набилось невиданное количество лам всех мастей и рангов.

Едва дождавшись гонцов, старшие чиновники и высокопоставленные ламы выехали навстречу гегену. Возле белого парадного шатра столпились воины. И вот, окруженный телохранителями и свитой встречающих, прискакал на сером коне Джалханза геген. Подхваченный под руки, по узкому проходу сквозь расступившуюся толпу он направился к предназначенной для приема юрте. Держа в руках тяжелый судур (молитвенник), Джалханза благословлял им лам, расprostершихся ниц, и каждого, кто оказывался на его пути. Толстенная божественная книжища гулко ударяла по обнаженным головам, сообщая жаждущим этого священного прикосновения частицу высочайшей благодати. Дошла очередь и до Холурааша. От удара массивного судура голова закружилась и заложило уши. Пока он приходил в себя, геген уже переступил порог юрты.

Сквозь распахнутую дверь видно было, как Джалханза снял с себя желтую безрукавку, оранжевый халат и остался в красной рубашке и штанах, которые ламе носить не положено. Затем он опустился на лежанку и облокотился на шелковую

¹ Героический эпос «Гэсэр» — великое произведение в культурном наследии народов Центральной Азии. Эпос посвящен борьбе просвещенного правителя Абай Гэсэр-хана против сил зла и социальной несправедливости.

подушку. Перед ним стоял низенький столик, на котором, как на божнице, возвышалось несколько бронзовых будд и медных курильниц. Тут же внесли угощение. Два прислужника расположились по обе стороны гегена. Один принимал блюда, другой ловко подхватывал с них кушанья и направлял в рот высокородному Джалханзе. Геген жевал, глотал, открывал рот для очередного яства, позволял утирать себе губы и успевал при этом разговаривать с почтительно вытянувшимися перед ним чиновниками, военачальниками и ламами. И ничего в этом обжоре божественного не было.

По-всякому представлял себе Холурааш гегена — чуть ли не как бога, как самого высокого военного начальника, верховного ламу, но такую лживость ламы стерпеть не мог и стал протискиваться сквозь толпу прочь.

В палатке, окруженной аратами, хвастался Очур-бошка:

— Сам геген благословил меня судуром! Теперь я на войне не погибну.

Араты с почтением и не без зависти пялили на него глаза. Холурааш помалкивал. В одном был согласен — тяжел судур, ничего не скажешь! Следов, правда, не оставляет, но бьет чувствительно.

Фактическим главнокомандующим монгольского войска был Дамби-Джамцан. Этот и выглядел настоящим генералом, и вел себя не в пример гегену. Его никто не видел в окружении подобострастных чиновников. Не было при нем пышной свиты и телохранителей.

Степи были полны легенд о Дамби-Джамцане. В начале девятисотых годов в Монголии был известен Дамби-Джамцан, называвший себя внуком Амыр-Санаа¹, поднявшего в 1756 году восстание против маньчжур. Он утверждал, что явился с высокой целью освободить свой народ от власти чужеземцев, и собирал войско для борьбы. Ему верили и шли под его знамена, потому что памятно было в народе имя прославленного героя Амыр-Санаа. Маньчжурам удалось схватить Дамби-Джамцана. Его привезли в Улясутай. Проверили, и оказалось, что он — самозванец, калмык из Астрахани. Поскольку он был к тому же подданным Российской империи, его передали русским властям.

Через десять лет Монголию снова облетело знакомое имя. Теперь Дамби-Джамцана чаще называли Чаа-Лама — Новым ламой или Чаа-Богдо. Он тоже считал себя перевоплощенным Амыр-Санаа, его внуком. Он тоже призывал монголов изгнать из страны маньчжуров. Ему тоже поверили. Его поставили во главе войска. Забегая вперед, скажем, что и этот Дамби-Джамцан был схвачен и изобличен как самозванец, но это произошло уже в 1914 году. Пока же Чаа-Лама был на вершине славы.

Здоровый, сильный, с горящими глазами и исковерканным носом, отчего он слегка гнусавил, Дамби-Джамцан выглядел моложе своих сорока лет. Судя по всему, немало повидал он на своем веку, разного насмотрелся. Смотрелся он эффектно: из-под ламской безрукавки виднелся стоячий воротник русского офицерского френча. На ногах — русские сапоги. Сбоку — маузер. Чаа-Лама свободно владел китайским, монгольским, тибетским и русским языками.

Ни Дамби-Джамцан, ни, тем более, Джалханза геген не сыграли той роли, какая выпала на долю молодого полководца Маскаржапа, ставшего душой и вождем объединенного монгольско-тувинского войска. Молодой человек неполных тридцати лет, Маскаржап занимал скромную должность в Кобдинском правлении. Когда начались выступления против маньчжур, он возглавил отряд, в котором не насчитывалось и двухсот бойцов, совершил несколько дерзких нападений на гарнизон. Не присваивая себе ни громких имен, ни высоких титулов, Маскаржап отвагой своей, простотой в общении с людьми, ясностью целей сразу завоевал симпатии. Интересы аратов — тувинских и монгольских — были для него самым главным в развернувшейся борьбе. Жил он в простой, продывленной юрте, словно простой арат. Всегда у него была толчая, всегда весело. Но стоило Маскаржапу появиться перед войском, это был совсем другой человек — собранный, суровый, требовательный.

Джалханза и Дамби-Джамцан решили взять Кобдо осадой, измором. А Маскаржап был против. Он знал, что на помощь осажденному гарнизону идет подкрепление из Синьцзяна. Он настаивал на немедленном штурме. Но кто бы стал его слушать! Кто был Маскаржап против таких важных особ!

Первые дни осады проходили довольно мирно, если не считать редких перестрелок и еще более редких вылазок разведчиков, во время которых уничтожали друг у друга часовых. Так продолжалось до тех пор, пока во всеуслышание не заговорили об

¹ Амыр-Санаа (1722-1757) — один из ойратских владетельных князей, последний хан Дзунгарии (1753-1757), родовое владение которого находилось в Тарбагатае. Он был одним из претендентов на царский трон Дзунгарского (Ойратского) ханства, в чей состав входила и Тува. В 1756 году возглавил антиманьчжурскую борьбу. Умер, по русским сведениям, в возрасте 35 лет вблизи Тобольска в России.

идуших на выручку кобдинскому гарнизону подкреплениях. Вот тут Дамби-Джамцан повел себя достойно потомка Амыр-Санаа. Оставив войско на Маскаржапа, он пошел с отрядом навстречу маньчжурам и разбил их наголову. Маньчжуры потеряли только убитыми полтора человека. У монголов жертв почти не было. Они захватили много трофейного оружия. Слава Дамби-Джамцана загрела громче после этого боя.

— Чаа-Ламу и тех, кто с ним идет, пули не берут. Два или три человека, которые погибли, сами виноваты, не надо было им отбиваться от своих, — говорили монголы.

Осада Кобдо продолжалась. Как ни воодушевила монголов и тувинцев удачная вылазка Дамби-Джамцана, днем все очевиднее становилось, что топтаться у стен Кобдо бессмысленно. Маньчжуры за прочными стенами крепости чувствовали себя в полной безопасности и могли преспокойно дожидаться более сильной помощи из Синьцзяна.

2 августа 1912 года осажденные с середины июля монголами и тувинцами маньчжуры обстреляли здание русского консульства в Кобдо. Этот инцидент послужил предлогом для монгольского командования направить амбыну Пу Жуню с пленным маньчжуром ультиматум о немедленной сдаче города и крепости в течение трех дней. Командующий объединенным монгольско-тувинским войском через русского консула в Кобдо предложил маньчжурам капитулировать. Но амбын Пу Жунь отклонил предложение.

Именно обстрел русского консульства стал началом перехода от осады города к Кобдинскому сражению. Из-за того, что нет артиллерии, решено сделать подкопы. За три ночи вырыли под стенами яму величиной в три юрты. Ещё в двух местах были сделаны подкопы, в которые закатили бочки с порохом. В одном месте это сделали урянхайцы, а в другом — монголы.

— Дамбий, храбрый воин, тихо, как змея, оползи ночью вал и ров, по арканам посылай воинов на стены, — приказал Маскаржап.

Штурм назначили на ранний рассвет. Вечером накануне объявили, что будет командовать сам Джалханза геген. Очур-бошка был в восторге от этого сообщения.

Тувинцев поставили против главного входа, сильнее всего укрепленного.

И вот занялся рассвет. На небе — ни облачка. Тишина.

Один за другим прогремели взрывы. В час Дракона шестого дня восьмого месяца года Мыши началось генеральное сражение под Кобдо. Древний клич вырвался из тысячи глоток:

— Ур-р-ра-а-а-гх!

Во вселенной нет сил, что могли бы сейчас остановить тувинских и монгольских воинов. Их будут насквозь пронзать острыми ножами, опрокидывать вместе с лестницами, раскалывать им головы надвое мечами, но подымутся по другим лестницам другие, и маньчжуров не хватит, чтобы умертвить всех.

Маньчжуры не выдержали натиска и отошли от главных ворот. Слева и справа на меньшие ворота и разломы в стенах наступали монголы.

— Ур-р-ра-а-а-гх!

Маскаржап носился на лихом скакуне впереди сузуков, подбадривал их:

— Удальцы урянхай! Вы горные барсы, без потерь вывели нас к самым воротам! Вы храбрейшие в бою!

Никаких следов главнокомандующего Джалханзыгегена пока что не обнаруживалось.

— Геген восседает на горе Шара-Суме и руководит боем из монастыря, — сказал Очур-бошка Холураашу. — У него девятикратный бинокль.

Ни на вершине горы, ни у ее подножия гегена не было, но воины верили, что Джалханза действительно руководит ими. Темные люди!

К тувинцам прискакал удалой Маскаржап. Он поспеивал всюду.

— Молодец, Дамбий! — кричал он. — Молодцы, урянхайцы! Наша страна принадлежит только нам! Нападайте на маньчжуров!

Сражение переместилось на городские улицы. Сойту упал около памятника Гэсер-Хана. Лошадь с седлом, сбившимся под брюхо, неловкими прыжками понеслась по улицам, вскидывая задними ногами. Холурааш бежал к раненному Сойту, когда почувствовал, что ему обожгло подбородок. Земля под ногами покрылась кровью. Сделав несколько неуверенных шагов, Холурааш упал на спину. Ему показалось, что на него опрокинулось небо.

Очнувшись, потрогал себя: кровотокающая рана на лице в области подбородка, кости целы. «А где камешки? Они должны были защитить». Потрогав камень в кошеле из шкуры горного козла, напротив сердца, обрадовался: «Он спас меня от пули! Спасибо, мудрый отец!» Повернулся на бок, встал, прижав ладонь к кровотокающей ране в области подбородка. Пошёл к Сойту. Друг был убит, около него лежал выпавший кожаный мешочек с камнем. «Если бы мешочек с камнем не выпал...» — подумал с горечью Холурааш.

Подъехал командир сузук-шериг Дамбий:

— Ты же ведь лекарь-шаман. Иди помогай раненым.

Раненых перевозили способом дожениг: двум оседланным коням связывали кольца удила, шеи и хвосты, затем между лошадьми закрепляли носилки, сделанные из двух жердей, связанных между собой арканом крест-накрест в виде сетки. Раненого клали на носилки, лошадей вел всадник, сидящий на третьем коне. Первым делом шаман принялся окуривать дымом можжевельника всех раненых.

Кобдо пал. Почти пятьсот маньчжурских солдат были убиты, около шестисот, вместе с амбуном, сдались в плен. Амбуна затем под охраной препроводили в Ургу. Монголы и тувинцы и на этот раз отделались малой кровью.

Свежие раны Холурааш промывал мочой или арага-аржааном¹, заливал жиром сурка. Но жир не всегда был под рукой, поэтому зачастую он использовал свежую смолу хвойных деревьев, говоря: «Если дерево лечит свои раны смолой, то она способна помочь и человеку». Высохшая смола на деревьях — это саат, а свежая, жидкая — чук. Для лечения ран Холурааш использовал чук. Смолу он собирал, надрезав ножом кору на стволе дерева, и хранил в кульках, скрученных из куска бересты и зашпиленных с краю надрезанной щепкой.

Смолу наносил тонким слоем на рану и сверху завязывал бересту. Со снятой бересты отделял два слоя — внешний и внутренний, оставляя тонкий, почти прозрачный внутренний слой из середины. Сверху накладку из бересты покрывал своеобразным «бинтом» также из бересты. Для «бинта» со ствола березы бересту снимал по спирали, предварительно сделав надрез ножом. Снятую бересту варил в пересоленной воде, после чего она становилась прочной и эластичной.

Обычно вначале рану он промывал собственной мочой, до появления крови. Фиксировал любым подручным средством — кожаным ремешком, тут же сплетенной веревочкой из волокон крапивы, конопли или размочаленного корня ели, лиственницы, кедра. Употреблял жир сурков-тарбаганов, добытых только глубокой осенью. Для лечения гнойных ран Холурааш использовал мазь, которая останавливает гниение и обладает способностью «вытягивать» пули. Состав мази: 1 часть пихтовой смолы + 2 части топленого масла или медвежьего жира + 1 часть женской особи казак травы бору оьду (с синими шишками). Все три компонента клали в сосуд и, постоянно помешивая, грели на медленном огне. Как только появлялся дым, мазь снимали, охлаждали и накладывали на рану.

Шаман, сын шамана, знал, что раненые волки, уйдя от погони, ищут траву бору оьду, обнаружив, едят ее, после чего выздоравливают. Волчью траву готовил заранее — летом, сушил в тени. Брал одну часть высушенной травы, заливал холодной водой и готовил из нее вытяжку. Траву держал в горячей воде до тех пор, пока большая часть влаги не испарялась, на дне образовывался густой, кашеобразный раствор — один компонент для мази. Все три компонента помещал в сосуд и, постоянно помешивая, грел на медленном огне. Обычно варил в чашах на углях, отодвинув их немного в сторону от костра. Как только появлялся дым, мазь снимал, охлаждал и накладывал на рану.

Для лечения гнойных ран, сопровождавшихся омертвением ткани, использовал личинок мух. Личинку клал на рану, ждал, пока она объест омертвевшую ткань. Как только личинка съела ткань, убирал личинку, затем наносил мазь из смолы, жира, волчьей травы.

Однажды бойцам с переломами костей давал пить высушенную кровь козерога и мумие, разведя их в теплой воде, один боец спросил:

— Почему зубы слипаются?

— От крови козерога слипаются. Она способствует быстрому срастанию сломанных костей, — объяснил Холурааш.

При наличии пуль в ранах вначале Холурааш пытался их извлечь. Если не удавалось, то оставлял и просто лечил открытые раны. Бойцу с ожогом он рекомендовал лечение мазью из птичьих яиц. Для изготовления мази собирал свежие яйца, разбивал их в сосуд, ставил на медленный огонь и, постоянно помешивая, содержимое сжигал до состояния угольков. После почернения начинает выделяться масло, которое собирал, охлаждал и наносил тонким слоем на место ожога.

Взятый город сильно пострадал. Камня на камне не осталось от китайских лавок и домов торговцев. Монголы особенно радовались уничтожению долговых книг. Русские фактории и жилища с их обитателями никто не тронул. В честь победы был

¹ Арага-аржаан — молочная водка, полученная после повторной перегонки араки, в которую перед применением закладывали несколько веточек артыш-можжевельника и добавляли целебные минеральные источники.

объявлен праздник: скачки, стрельба из лука и, главное, борьба.

Участники штурма были щедро награждены. Маскаржапу дали звание Хатан-Батора, а Дамби-Джамцану — Дошкун-нойона. Не удостоился новых титулов лишь Джалханзы геген, объявившийся откуда-то после боя. Тувинское войско наградили священным шелковым знаменем. За геройство, проявленное в сражениях при Улангоме и Кобдо сузуками, их командира Дамбия провозгласили героем Урянхая.

Мелким чиновникам повысили или присвоили звания. Поклонившись знамени, новоиспеченные чейзены, чангы и хунду прикрепили к шапкам шарики. Сыновьям погибших были отправлены пестрые шарики — свидетельства присвоения наследственного звания тайши. Пестрый шарик Сойту отдал Холураашу, чтоб он передал его родителям.

За умение взрывать крепостные ворота и пушки были награждены из сумона Чааты бойкий Кыйан — ружьём, Донгак Хорлуу — обувью с толстыми подошвами, загнутыми вверх носками и длинными голенищами на войлочной подкладке. За достойное руководство бойцами-добровольцами из Бээзи кожууна наградили винтовкой сказителя Тулуш Баазанай, который от радости запел:

*Доблестные сузук войска,
Храбрейшие уранхайцы!
Маньчжуров в шивээ Хомгу
С честью победили уранхайцы.
В соседях страну Монголию
От ига освободили тувинцы.
Сегодня славит в земле Хомгу
Мой звонкий хомус нашу победу.*

Первое место в беге занял Кыргыз Кызыл-оол, которому присвоили почётное звание «Улан-Баадыр». На соревновании по стрельбе Курлуг-Анчы стрелял из лука в мишень без единого промаха, тем самым ещё раз доказав, что он меткий стрелок. Награждая Курлуг-Анчы, Маскаржап торжественно объявил:

— Своей отличной стрельбой по взрывным кувшинчикам, выставленным вокруг крепости Хомду, ты обеспечил нам доступ в крепость. Также за достойное руководство воинами своего сумона присваивается Курлуг-Анчы звание «мээрен».

После стрельбы состоялся хуреш — национальная борьба с участием сто двадцати восьми атлетически сложных борцов. Из тувинцев в пятом туре среди восьми борцов отличился силач Опей, которому присудили звание «Бошка», наградили винтовкой и ягнячьей шубой — мерлушкой. Первое место в хуреше занял борец Кудерек из Тес-Хема, которого наградили лошадей с седлом, с серебряными уздечками и бляхами. Урянхайцы ликовали: «Самый почётный приз — первое место в борьбе у нас! Силу и ловкость — лучшие качества мужчины проявил наш Кудерек!»

В скачках на дистанции чуть меньше сорока километров все три первых места заняли монгольские лошади, привыкшие к местным рыхлым и песчаным почвам. Резвых и выносливых лошадей урянхайцы тоже имели, проскакать сорок километров во весь мах на бешеной скорости урянхайцам не в диковинку, но их лошади привыкли к более твёрдой земле, а здесь просто вязли в песках.

Удалой Маскаржап направился встретить маньчжурские войска, ожидавшиеся осажденным гарнизоном Кобдо, но сражение не состоялось. Россия признала автономию Монголии, и ее активное вмешательство вынудило пекинские власти отозвать войска. Всё произошло следующим образом.

В Пекине князь Кудашев — русский посол в Китае — передал президенту Китайской республики Юань Шикаю от имени русского правительства послание, в котором говорилось, что Монголия в настоящее время находится под защитой Российской империи. В случае военного вмешательства во внутренние дела Монголии со стороны Китая Россия примет незамедлительные меры по выполнению своих обязательств. Поэтому президент Китая отменил выход из Синьцзяна крупного военного отряда, готового к отправке в Монголию.

Отпраздновав победу, тувинские воины повернули домой. Холурааш и Комбуй ехали, оглядываясь в ту сторону, где похоронен Сойту. Холураашу было грустно, оттого что на монгольской земле похоронены земляки и среди них Сойту. Лишь увидев перед собой синие-синие горы родной земли, Холурааш успокоился. Сердце его наполнилось радостью. «Скоро увижу отца, бабушку, жену, родственников, весь народ моей Монгун-Тайги... Как хорошо, что я жив и мой конь жив!»

Ехали домой. Ехали и пели хоомей — эпическое пение. Пела и душа Холурааша.

Картина 4. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОНГУН-ТАЙГУ

В Овуре Холурааш и Комбуй тепло расстались с однополчанами. Миновав Саглынскую степь, всадники обрадовались, увидев верховья Тоолайлыга и Барлыка, где заблудились во время метели и чуть не утонули.

Вот и родная Монгун-Тайга. Холурааш подумал, что прежнее название горы Монге-Денгер-Хайыракан (по-монгольски, Монге-Хайрхан-Уула) с вечными ледниками, наверное, связано с желанием умиловить духов гор ласковым обращением.

Следуя вдоль реки Тоолайлыг, друзья ехали по тропе, прижимающейся к скале, обходили по топам каменные россыпи, много раз переправляясь через бурные речки, впадающие в Тоолайлыг.

— Почему эту реку называют Димзе? — спросил Комбуй.

— Был случай, когда караванщики-китайцы с тюками табака не смогли перейти через русло реки, покрытое наледью; они сумели перенести груз, посыпав скользкое место табаком «дунзе». С той поры эту реку стали называть Димзе, — ответил Холурааш.

— А почему Димзе вместо Дунзе?

— Наверное, китайцы буквы «у» и «н» не могли выговорить.

Русло реки Димзе пролегалo среди скал и ущелий, перейти с одного крутого берега на другой можно было только по перешейку Арта-Хальыр, что значит: Перепрыгивать. Перекинув через перешеек свое снаряжение и оружие, охотники с разбегу перепрыгивали глубокую и быструю речку Димзе с отлогими, каменистыми берегами. Это было настолько опасное место, что приближающихся к нему предупреждал человек с хирилээш-жужжалкой¹ — будьте начеку! Холурааш мог и не услышать крик человека, но внезапное беспокойство коня заставило его внимательно осмотреться и обнаружить подающего сигнал.

— Молодец, Дас-Кара, мой умный конь! Ты первый услышал хирилээш! Не зря отец мне говорил: конь — друг мужчины.

Тувинцы говорят: встающего рано утром человека, трудолюбивого, ждет дорогая добыча — конь с седлом.

Подросток с жужжалкой указал им малозаметную тропинку, по которой можно идти дальше.

Холурааш и Комбуй раньше не знали о жужжалке, но знали: когда кричат вороны, сороки, бурундуки, сурки — это сигнал тревоги охотнику о появлении незваного гостя, возможной добычи — косуль, волков, медведей. Однажды на охоте Холураашу показалось, что круживший над ним ворон словно подсказывает, куда нужно идти: то улетит далеко вперед, то вернется назад. Он осторожно двинулся за птицей и вышел прямо на архара.

Также он знал, что по мере прогревания солнцем с половины дня до ночи теплый воздух поднимается из долин в горы. Наступил вечер. На заходе солнца небо окрасилось в красный цвет.

— Теперь «запах снижается»², — сказал Холурааш. — Завтра будет ясная погода.

— Как узнал про погоду? — удивился Комбуй.

— Если вечером, на заходе солнца, небо окрашено в красный цвет, то завтра будет ясная погода. Я научился у бабушки и отца узнавать прогноз погоды на год, на сезон, на месяц и на сутки.

При заходе солнца отблески солнечных лучей отражались на горах, как радуга. В предгорье паслись овцы, козы, чуть в стороне от них ходило стадо сарлыков. Где-то там, вдалеке, всадник мчался за стадом. В нижней части горы в обрамлении густых кедрочей путники увидели юрту.

— Нам некуда торопиться. Зайдем в юрту, — предложил Комбуй.

Он был всегда уравновешен, спокоен; про таких говорят: «умный волк».

Залаяли собаки. Выбжавший из юрты мальчишка успокоил собак и с интересом смотрел на всадников.

— Кто там приехал? — послышался женский голос. — Пригласи их в юрту, Довук. Мужчины слезли с коней, привязали их к коновязи и переступили порог юрты.

— Амыр менди! — приветствовали они хозяев, слегка поклонившись.

— Амыр менди! — вежливо отвечали хозяева. — Благополучно ли прибыли?

— Здоров ли ваш скот? Избавлены ли от джута, от всякого зверя?

— Какие новости у вас?

¹ Хирилээш-жужжалка — двух- либо однолопастной пропеллер с отверстиями посередине, в которые продевался шнурок из кожи или конского волоса, служивший приводом. Назначение — привлечь внимание человека, находящегося вне досягаемости голоса.

² «Запах снижается» — это означает: в вечернее время поток воздуха движется сверху вниз.

И только после этой обязательной церемонии перешли к разговору:

— Мы из Хомду. Помогли монгольским араатам выгнать маньчжуров-китайцев. Теперь едем домой.

— Поздравляем вас с победой!

Холурааш обратил внимание на мальчика, который выбежал им навстречу, а теперь с интересом прислушивался к разговору взрослых.

— Что случилось? — спросил Холурааш, глядя на мальчика, прижимающего к телу руку.

— Он упал с лошади и ушибся.

— Теперь смотришь из юрты за скотом? — спросил Комбуй, наблюдая через хараача-дымоход за козами, пасущимися на крутых склонах.

— Да, — ответил с улыбкой мальчик Довук.

— Можно мальчика обследовать и оказать помощь? — спросил Холурааш.

— Конечно. Здесь нам не к кому обращаться, — согласился отец.

— Мой друг лечил раненых в Хомду и вам тоже окажет помощь, — объяснил Комбуй. — Холурааш из рода Иргитов — сын известного шамана Монгун-Тайги.

После обследования подростка Холурааш сказал:

— У мальчика плечевой вывих правой руки. Будем вправлять.

В подмышечную область вывихнутой руки Холурааш вложил небольшую круглую чурку. Комбуй зафиксировал большого, удерживая одной рукой за подбородок, другой за затылок. Холурааш сел на ширтек в земляном полу со стороны вывихнутой руки. Обеими руками он удерживал большого за запястье и держал вывихнутую руку в одном положении. Ногой Холурааш упирался в чурку, засунутую в подмышечную область. Затем плавным усилием ноги нажал в сторону сустава руки стопой до характерного звука. После установки на место больную руку зафиксировал в согнутом положении к туловищу.

— У меня снова две руки. Спасибо вам! — с волнением поблагодарил мальчик своего лекаря.

— Рана на суставе сто дней заживает, Довук. Резких движений не делать. Береги руку! — наказывал Холурааш.

Обрадованные родители угощали лекаря и его друга чаем, вкусной едой. Несмотря на отказ Холурааша, они подарили ему белую овечку с черной головой с рыженьким ягнком. Холурааш и Комбуй продолжили путь.

По бокам ровных и крутых скалистых берегов Димзе с глубокой древности пробиты кочевые тропы. Они настолько узки, что, бывало, во время перекочевки не только конь или вьючный сарлык-вол со снаряжением, но и люди срывались вниз и разбивались. Поэтому на самых узких и опасных участках по краям тропинок были установлены страховочные столбики.

О крутых и трудных тропах Тоолайлыга пели песни:

*Со скал Тоолайлыга, где пасутся козероги,
Не свались с кручины, мой милый груг.
В отрогах Тоолайлыга, где пасутся архары,
Не заблудись в дебрях, мой милый груг.*

Одна невестка по имени Дуукай, привезенная из Хемчика в Монгун-Тайгу, увидев здешние места, пела удрученно:

*Рядом посмотришь — крутая скала,
Так и захочется домой...
Вперед посмотришь — гремучий лес,
Остается лишь горевать.*

В основе песен лежали правдивые истории о сбежавшей от грозного мужа невестке. Она пела эту песню о Суур-Тайге, Кожечей, что в Тоолайлыге. В честь белгянки назвали маленький утес в Барлыгском Улут-Шыне, через который как раз пробирались Холурааш и Комбуй.

В верховьях Барлыка и Тоолайлыга они встретили множество ущелий, солнцепеков, наслоений, полян с редкой горной травой, альпийских лугов в окружении крутых скал. Здесь испокон веков жили родоплеменные союзы донгаков, иргитов, хомушку, салчаков, саая (саайа), кара-салов и ооржаков — их предки и потомки.

— Мне бабушка говорила, что хемчикские кайгалы — алдан-дургуны, восставшие в конце XIX века, пробирались на запад Тувы через крутые перевалы верховий Тоолайлыга, где мы сейчас едем.

— Действительно так? — спросил Комбуй.

— Да, — ответил Холурааш и поведал о том, что он знал от бабушки: — Есть живой свидетель Донгак Балчмай с кличкой Шугул. Он видел одного кайгала, спустивше-

гося на аркане вниз по крутой скале и спасшегося в Тоолайлыге от дозорных казаков после трудного побега. В одной притче говорится: аддан-дургуны, переправившись через реку Шын по нижнему руслу, сушили свою одежду и конское снаряжение на чайлаге Кара-Дыте в аале Кара-Чейзена Донгака. Всю ночь трапезничали, пили араку, пели песни и были дорогими гостями у того богача. Тогда одному из шестидесяти беглецов — Ээрен-Хоо — каким-то образом удалось скрыться от карателей. Был он хромым, не по годам седой. Из-за того что от его правой щеки через губу пролёг кривой рванный шрам, когда он улыбался, лицо его становилось уродливым и суровым. Один его глаз был проколот, а обмороженные пальцы рук усохли до костей. На отрогах горы Арзайты в местечке Адды-Кара-Суг Монгун-Тайги беглец с трудом построил себе убогий шалаш из бересты и дёрна. Там и прятался от злых глаз, иногда выходил к юртам аратов за подаванием и с ними общался: «Да, на этот раз мы побеждены. Но смерть шестидесяти беглецов рождает месть. Нас бьют! Нас вешают! Но вот придёт время, и за нас чужеземцам-маньчжурам наши потомки покажут! Они их выгонят из Урянхя!» Военный клич Ээрен-Хоо, рождённый израненным телом и бесстрашием вдохновлял батраков-аратов на борьбу с угнетателями. Араты поддерживали Ээрен-Хоо: «Никто не забывает отомстить — ни малые дети-сироты, ни бесприютные подростки-парни, ни юноши, которых жизнь заставляет воображать себя мужчинами — хотя все они подавлены смертью отцов и тяжестью работы...» Женщины со слезами прибегали на холмы опознавать мужей, отцов, сыновей, братьев на шестах с черепами. А иные: «Оршээ, хайыракан! (О, Боже!)» — отводили глаза от страшного, заораживающего светлячка, который тайлся в стеклянных зрачках. А через несколько месяцев печальным утром Ээрен-Хоо, лёжа возле своего шалаша, обрёл покой, чтобы предстать перед Богом. Как в народе говорят: в юрте рождён, под скалой погребен. Добрые люди, похоронив его под скалой, дали этому месту в Монгун-Тайге новое название: Ээрен-Хоолуг-Кара-Суг — Черная речка с Ээрен-Хоо. Об отшельнике сложили песню:

*Я стал косулей с годовалым козлёнком,
Не могуцей перейти Эйлиг-Хем.
Я стал одиноком Ээрен-Хоо,
Который не мог видеть лиц своих грузей.*

Поодаль, у подножия гор, рассыпались белые и черные юрты. Недалеко от юрт паслись овцы, козы, сарлыки, табуны разношерстных коней. Конюхи с гиканьем скакали, размахивая арканами, и следили, чтобы кони разных табунов не смешались или не приближались к косякам кобылиц с жеребятами.

К Холураашу и Комбюу прискакал молодой арат и пригласил в свою юрту, где находилась его жена с новорожденным ребенком.

— Как только я услышал о вправлении вывиха у соседского мальчика, я поскакал за вами и догнал. Помогите жене, пожалуйста, — просил арат.

В колыбели, подвешенной к тонким и гибким стропилам, удерживающим крышу юрты, мирно спал малыш. Первое время после рождения дети, находившиеся в подвешенной колыбели, растут спокойными, меньше плачут. Качание в колыбели напоминает новорожденному малышу чрево матери.

— Помимо спокойного характера, в колыбели ребенок приобретает и хорошее здоровье, — улыбаясь, сказал Холурааш.

— Только плохо, что вот полдня не могу кормить ребенка грудью, — пожаловалась жена арата.

Спросив разрешения хозяина, Холурааш обследовал горячую, красного цвета, воспаленную грудь женщины. Обнаружив мастит у молодой матери, он вытащил из таалына лапу медведя с когтями. Особый, магический, вид массажа Холурааш практиковал с помощью когтей хищных зверей. Он всегда носил с собой коготь медведя.

— Вот лапа медведя, с помощью которой я буду делать массаж. Это совсем не больно. Не бойтесь! — успокаивая больную, с легким нажимом шаман провёл когтями медведя несколько раз по груди.

Холурааш сопровождал свои действия заговорами, одновременно забрызгивая слюной. Ощущая воздействие брызг слюны, женщина удивилась: ведь ожидала чего угодно, кроме плевка. Но Холурааш не плевался, а действовал испытанным методом: он знал, что после такого своеобразного массажа мастит действительно исчезает. Его отец Конгур для оказания на больного «шокирующего воздействия» раскалял в огне клинок ножа, затем брал раскаленный докрасна нож, лизал его языком и тут же брызгал слюной в больное место. Выполняя эту процедуру, требовал от близких людей спокойствия. Слюна использовалась как наиболее доступное средство, имевшееся в распоряжении шамана. Такой способ лечения сводился к внушению, этим он и был хорош: больной выздоравливал от того, что задействовал собственные ресурсы,

приобретая уверенность в исцелении.

— В народе говорят: от сомнений болеют, уверенность лечит, — на прощание сказал Холурааш. — Будьте уверены в своём выздоровлении.

И снова в путь.

Холурааш наказывал другу, как в первый раз, придерживать коня, быть начеку, потому что в верховьях Барлыка и Тоолайлыга есть множество островерхих скал и отрогов, где человеку трудно пройти: лишь один неверный шаг — и можно сорваться в бездонную расщелину, где даже орёл пролетает далеко внизу. Там внизу протекающие бурные и могучие реки сверху всадникам кажутся маленькими ручейками, а их шум и рокот не слышен на вершине высоких гор. Здесь нельзя разговаривать, кашлять: могут сорваться снежные лавины и снести всё на своем пути. Холураашу показалось, что отсюда можно достать рукой до неба, а облака ходят совсем рядом, как огромные белые караваны.

Он снова обратился к Комбую:

— В ненастье и ураган даже горные козлы здесь не чувствуют себя в безопасности и спускаются вниз. Такие вот места в верховьях Барлыка. Сейчас расскажу о борце родом из верховий Барлыка Саая Дагба Дешкиевиче. Он был огромный телом. Его широкая грудь выделялась среди сотен людей. В верховьях Барлыка ненастная погода, ветры и ураганы иногда продолжаются и зимой, и летом. Однажды, когда его юрта стояла в Поштут-Белдире рядом с другими, среди бела дня налетел сильный ветер, стал срывать с юрт войлок, начал валить их, чуть не унося. Тогда Дагба выскочил из своей юрты и, хватая огромные валуны с бычка, стал носить к юртам, укрепляя их. Потом борцы с Каргы и Монголии, говорят, едва отрывали эти камни от земли.

— Вот силач! — восхищался Комбуй.

— О, Саая Дагба он такой! На праздниках как в Монголии, так и в Туве не один раз побеждал или занимал призовые места в хуреш. Однажды монголы пригласили его на юбилей какого-то сумона, и там Дагба, легко поборов своих первых соперников, в финале остался с самым сильным монгольским борцом этого аймака. Дагба, применив свой надёжный приём, заготовленный на тот случай ещё дома, схватил своего противника обеими руками за шею, словно тисками, и резко с поворотом повалил его вниз, монгол тут же дал знак, что сдаётся. Затем, кое-как освободившись от железных рук Дагбы, сказал секундантам: «Нет, я не буду больше бороться с этим дурным сыном Дешки». Тогда монголам пришлось объявить Дагбу победителем состязания и одарить его дорогими подарками.

— Какой молодец!

— Об этом с большой радостью и гордостью поведал его постоянный тренер Насык (прозвище Чеди-Моюн), который готовил Дагбы к борцовским турнирам и поединкам. Родная младшая сестра Дагбы — Чыпсынмаа — тоже не хрупкая, дородная, высокая девушка, под стать своему брату. Она легко поднимала двухгодовалую телку или две барыш с ячменём (огромные мешки по 50 кг) соединяла узловыми подпругами и легко перекидывала на выюк высоких волов. Её муж Узун-оол стоя кое-как снимает полный казан с очага двумя руками, а Чыпсынмаа сидя берёт в руку тряпочку и одной рукой поднимает казан, снимая с огня... Однажды во время дойки сарлыков не давал доить корову один бычок. Тогда Чыпсынмаа взяла бычка за рога, повалила на спину, вонзив рога в землю. Отпустила его только после дойки.

— О, какая сильная женщина! Даже среди мужчин таких силачей мало.

— Пьяные мужчины местечек Барлык-Бажы и Тоолайлыг боятся её, так как мужчин в нетрезвом виде не раз проучила, показав свою силу и характер.

...Всадники не могли надивиться красотой и чистотой родниковых вод, вытекающих из расщелин скал и образующих целый каскад поющих водопадов.

По руслам горных рек редки кедры и тополя, зато очень густы лиственничные леса. Обильно растёт дикий лук, можжевельник и все виды горных трав. Здесь столько дикорастущих горных цветов, что вся земля от края до края покрыта живым цветастым ковром, ступить некуда! Здесь веяло ароматом трав и растений.

— Вот ты из рода Иргит. Почему не просто Иргиты, а Каксаан-Иргиты? — спросил Комбуй.

— В детстве я спрашивал у мамы: почему мы Каксаан-Иргиты? Она мне отвечала: Каксаан-Иргит означает бай Иргиты — богатые Иргиты; приготовленное мясо на зиму не успевало съесть, и к весне оставшееся мясо начинало портиться, из-за этого стали называть нас Каксаан-Иргит. Я с детства помню, что, действительно, было у нас во все времена много скота. Да еще после охоты или рыбной ловли остается мясо в достаточном количестве.

За разговорами всадники не заметили, как приблизились к верховьям Барлыка. Они увидели толпу людей около двух юрт. Подъехав, узнали, что празднуют кылбык-дой — первую стрижку волос ребёнка. По тувинскому обычаю, когда ребёнку исполняется

три года, ему впервые стригут волосы. До трёх лет даже волосинку нельзя тронуть – считалось грехом. Это был семейный праздник, на который приглашены близкие родственники, друзья, чтобы познакомить их с новым членом общества. Только с этого момента он считался полноправным человеком.

Оказывается, Холурааша, как лекаря, вправившего вывих плеча и лечившего мастит, здесь уже знают. Как победителей на войне, их посадили на почётное место. Перед ними постелили белую кошму, поставили деревянное корыто с горой бараньего мяса, а возле когээржик с аракой.

Дедушка первым взял с сундука ножницы и торжественно проговорил:

– Родной мой внук, расти крепким, живи так же долго, как я. Дарю тебе свою серую кобылу с жеребёнком Сылдыс-Шокар, вовремя оседлай скакуна! Дай мне понюхать твою головку.

Понюхав волосы внука, старик отрезал с левого виска первый клочок волос и торжественно передал отцу. Тот принял эту прядку, завернул в хадак и передал матери. Дедушку посадили рядом с гостями на почётное место. Начали угощать мясом и ханом – кровяной колбасой. Хозяин разливал араку, начиная с деда. Потом к ребёнку подошла бабушка и сказала:

– Я тоже даю тебе белую козу с белым козленком, дай и мне понюхать твою головку.

Понюхав головку, отрезала несколько волосиков и подала матери.

– Дети – дар высших сил. Чем их больше, тем лучше. Овечку тебе даю самую плодовитую, белую с черной головой, а ягненка рыженького. Расти их, малыш, на доброе здоровье! Вырастай крепким и умным! – понюхав головку, Холурааш передал отрезанные волосы отцу и добавил: – Скот забирайте в юрте родителей Довука.

Все склонялись и нюхали головку, после чего каждый отрезал понемногу волос, говорил благопожелания. Все щедро дарили скот.

Холурааш помнил, что его остриженные волосы мать хранила, как священную вещь, в специальном мешочке, через несколько дней его стригли по-настоящему. Затем родители спустя некоторое время забрали подаренный ему скот.

Все стали просить мастера хоомея (эпического пения) Хурен-оола Кара-Сал петь. Он стал петь хоомей:

*Река быстринной несравненная, мой Барлык,
Ты – место общения родственных людей.
Вдоль русла твоего сорок-пятьдесят переправ,
Разливаясь с высоких гор, мой Барлык.
Когда говоришь: «Благослови! Отступи!» –
Благословляет меня, отступает от меня мой Барлык,
Поросший молодыми зелеными тальниками.
На вершине Кара-Туруга
Стрела моя с оперением ворона.
На макушке Ээр-Туруга
Стрела моя с оперением орла.*

Слушая такое пение, женщины не могли сдержать слез от волнения, а Холурааш принял его восторженно. Плачут потому, что Хурен-оол, исполняя хоомей, изливал от души свои чувства любви, радости и печали о родной земле своему народу. Он владел оригинальным исполнением хоомея всех пяти стилей.

Попрощавшись, снова поскакали.

Там находятся самые высокие перевалы Тувы – Саадак, Коге-Даваа, Сыын-Баштыг. Когда, взойдя на верхушку Барлыка Оргу-Кызыл, осматриваешься кругом, то вдали ясно виднеются хребты монгольских гор Чингилик и Каргыраа, огромное озеро Убсу-Нур. Про эти места в старину монгун-тайгинцы пели:

*С хребтов Чингилика – сидеть бы да изучать.
С хребтов Каргыраа – сидеть бы да рассматривать.*

Среди деревьев сочно зеленели полянки, покрытые травой, на которой хотелось растянуться, как на войлочном ковре. Через маленькую рощу по лужайкам протекал тихий, прозрачный ручей. В кристально чистой воде отражались берега ручья, покрытые изумрудным травяным покровом, как шелковистым плюшем. Ничто не нарушало тишины. Из-под копыт лошадей изредка взлетали бабочки и крупная саранча с черно-красными крыльями.

Неожиданно в этой тишине родился звук. Он напомнил монотонное мелодичное гудение волынки. Это Комбуй, ехавший позади Холурааша, пел хоомей, постепенно выпуская воздух из глубины гортани. Песня Комбуя, лишённая слов, была полна настроения. Параллельно песне Комбуя возник сыгыт – высокий эпический напев. Пел Холурааш. Его голос звучал непрерывной мелодией, как чистая певучая флейта. В об-

разы суровой природы ворвались мотивы радости, солнца, светлые краски дня. Голоса обоих певцов то слышались по отдельности, то сливались и звучали в унисон.

Их вдохновил Хурен-оол — настоящий мастер эпического пения. Это своеобразное пение, наверное, зародилось в сумеречных просторах степей, было создано одинокими всадниками, день за днем меряющими копытами своих коней огромные расстояния по долинам и хребтам необъятной Родины. Есть такое предание: юноша-сирота в течение трёх лет жил у подножия скалы; однажды юноша сидел и издавал звуки, подражая гудению, исходящему из скалы; ветер донес этот звук до людей, и они назвали это пение хоомей.

Эпическое пение завораживает, удивляет и даже пугает. Если ты слышишь пение вечером, то иногда кажется, что где-то там, в степи, кто-то кого-то зовет, плачет о чем-то, чего не вернешь. Утреннее пение совсем другое, оно будит степь; эхо, отражаясь от гор, раскатисто и требовательно говорит солнцу: поднимайся, мы уже проснулись!

А может быть, пение зародилось как подражание голосу верблюдицы. Когда верблюжонок умирает, верблюдица скачет, издает хриплые звуки, плачет в течение трех лет, возвращаясь на место гибели детеныша.

Монгун-Тайга — самый высокогорный район в Туве. Здесь часто исполняется даг каргыраазы — горное эпическое пение. В ушах Холурааша снова зазвенело пение каргыраа отца — музыка гор.

Миновали крутые перевалы и бурные реки.

— Можно узнать прогноз погоды на год? — спросил Комбуй.

— Можно, наблюдая за природой. Например, если осенью листва желтеет на тополе снизу вверх по стволу, то следующий год будет благополучным. Если желтеет сверху вниз, то предстоящая зима будет морозной, а год в целом холодным. Погода повторяется через шесть месяцев. Если снег выпал в середине января, то в середине июля будет дождь. Если в определенный день зимой был буран, то в день через шесть месяцев будет ветрено. Погоду на предстоящий месяц сообщает луна. По лунному календарю в месяце 30 дней. Месяц становится видимым на новолуние, 3-го числа каждого месяца. Дед мне говорил: чтобы увидеть месяц 2-го числа, необходимо взобраться на высокую гору. 14-го — луна красного цвета; 15-го — бордово-красного цвета, совершенно округлая, самого большого размера; 16-го — розового цвета; 22-го — луна повернулась в другую сторону. Если на новолуние месяц стоит вертикально, прямо, то будет хороший месяц, без резких изменений погоды, а если «опрокинется на спину», с наклоном в правую от смотрящего человека сторону, то осадков не будет, будет ветер, холод, жара. Если «наклонилась вперед», будут осадки: снег, дождь. 5-8, 15-18, 25-28 числа каждого месяца по лунному календарю обязательно происходят изменения погоды.

...Скоро их родной край. Холурааш думал. Родина — это место, где ты родился. Юрта, в которой твои ещё молодые мама, папа радовались твоему появлению на свет, любили тебя и друг друга. Это всё, что окружало тебя с первых дней жизни. Запахи детства. Холурааш понял, что не может без родных жить, надо скорее повидать их. Холурааша ждала жена. Ждал его и отец, и бабушка, ждали друзья, родственники. Ждала его и Биче-Монгун-Тайга, он бережно носил её в своем сердце, как бы боясь растопить ледники. Родной край жил в нём, сверкал белоснежными ледниками, напоминая пропитанный можжевельником запах детства. Ему мнилось, будто родной перевал опускался-поднимался, словно манил его. Он слышал обращенное к себе приветствие: «Здравствуй, моё дитя!»

Смерть Сойту его расстроила. И вот он готов «без оглядки, бешеной рысью скакать» к его родителям. От выпитой араки в юрте, где отмечали кылбык-дой, болела голова. «Что сказать родителям Сойту?» — думал Холурааш. Сойту ведь был таким молодым, очень весёлым человеком, хорошо пел. Они не смогут поверить, что их сын погиб. Тоска сжала сердце, не заметил, как слезы полились из глаз. Даже на войне не плакал, а тут вдруг такое. Легкое дуновение ветра чётко напомнило давно прошедшие дни. Щемящее чувство утраты пронзило душу.

С Комбуем расстался в Шегетее. Чем ближе аал, тем сильнее стучало сердце Холурааша. Не зря говорят: в юрте — разговоры, в дороге — песни. Пел он, обращаясь к своей лошади:

*Мой весёлый нрав, мои песни,
Хоомей мой тебя взбодрили ли?
Не потому ли так бодро,
Быстро скачешь ты, мой конь.*

Пел он о своей жене:

*Анай-карам стала глубокой любовью,
Сердцем и душою, плотью, печенью и аортой,*

*Моим огнивом и ножом,
Готов отдать жене свою кровь,
Свои стремяна и аркан.*

Ему казалось, что любовь сделала его лучше.

И вот Холурааша с радостью встретили любимая собака Мойнак, Анай, отец и бабушка. На его душе стало так светло. Правда, что в гостях хорошо, но дома лучше.

В связи с приездом Холурааша в юрте Конгура собралось очень много народу. В переднем углу перед сундуком постелили белую кошму, поставили деревянное корыто с горой бараньего мяса, а возле — два когээржика с аракой.

— Как съездили? Как воевали? Все ли живы? — на вопросы едва успевал отвечать Холурааш.

— Самое удивительное — ехали на войну против маньчжуров, а сами караулили китайских купцов в Чадане, — сообщил Холурааш.

— Что же это получается? — возмущались араты.

— Те, которые осмелились сказать слово против, выразить сомнение, сразу отдали палок.

Начали раскладывать мясо по деревянным чашкам. Конгур разливал из когээржика араку, начиная с самого почетного старца, меткого охотника Успун. Разговор стал веселее и громче. Присутствующие поочередно спрашивали и хвалили Холурааша.

Анай мешала чай, зачерпывая полный ковш и вновь выливая в чашу, чтобы осела гуща. Потом добавила соль, молоко сарлыка к чаю. Разлила чай по деревянным чашкам, и все принялись пить, громко причмокивая. Разговор на время прекратился.

На следующее утро Холурааш вскочил на коня. Севил вышла из юрты с ведерком молока и стала разбрызгивать его тос-караком (кропильной ложкой) вслед внуку.

Вскоре он выехал на большой перевал. Холурааш соблюдал обычаи своего народа. Слез с лошади, посидел возле оваа. Разбрызгал молоко из когээржика, разбросал кусочки еды по ходу солнца, прося милости у хозяина перевала. Привязал к жердям волосы из гривы своего коня.

А дальше как на ладони монгун-тайгинская земля. Путник спустился с пригорка рысью. Было прохладно. Под вечер подъехал к аалам, расположенным на луку в устье реки Моген-Бурен. Как только пронеслась весть, что приехал Холурааш из Хомду, в аале все всполошились — взрослые и дети готовились к встрече дорогого гостя. Вскоре Холурааш сидел в юрте родителей Сойту. Он подробно им рассказывал:

— Первая победа в Улангоме далась легко благодаря арату Сулдему. Он незаметно ночью положил в дуло пушки свинцовые шарики. А город Кобдо взяла долгой осадой, победа досталась с большим трудом. Из Монгун-Тайги храбро сражался ваш сын Сойту. Он погиб от сквозного пулевого ранения в сердце. Жаль, что у него выпал кожаный кошель с волшебным камнем. За проявленную храбрость, за героизм, проявленное в сражениях при Улангоме и Кобдо ваш сын посмертно награжден пестрым шариком. Это свидетельство присвоения наследственного звания тайши, — поклонившись старикам, Холурааш прикрепил к шапке этот шарик. Они ждали своего сына с войны. Но не все мечты сбываются. Холурааш успокаивал их: — Не только вы, но многие потеряли своих близких на войне. Крепитесь, дорогие мои!

Холурааш думал, что после разгрома маньчжуров начнет жить по-другому: разживется скотиной побольше, перестанет с отцом ездить на охоту. Но, приехав, он застал картину более мрачную, чем прежде: из двухсот овец, которыми они жили, осталось около трех десятков; сарлыков, правда, прибавилось на две дойные головы, и теперь их было десять; шесть коней, три козы. Для монгун-тайгинских иргитов это была среднего достатка семья. Все араты работали на богачей. «Наш урянхайский край стал нищий, только богачи процветают», — думал сын шамана.

Картина 5. КУНДУКАЙ

Горы Монгун-Тайги, имевшие плоские вершины, покрытые вечными снегами и ледниками, считались обиталищем добрых и злых духов, признавались священными. По мнению монгун-тайгинцев, хребты и горы выполняли функцию своеобразного берега. Они призывали хозяев местности направить свои милости в их сторону. В честь духов гор, для их умиловления воздвигались особо почитаемые оваа (алтари).

Холурааш и Комбуй в Бай-Оваа приехали в праздник коллективного моления — дагылга — в честь верховных покровителей Биче-Монгун-Хайыракана. Такое моление — залог жизненного благополучия каждой семьи, поэтому каждый спешил отблагодарить духов жертвой. Главное, конечно, — ее хозяйственная полезность. Для моления были приглашены монгольские, алтайские ламы, сидевшие на ковриках. Одеты они

были в светло-оранжевые халаты с очень широкими рукавами. Ярко-красные полоски материи были наброшены на плечи. Их концы, спускаясь вниз, превращались в пояса.

Как трудно сосчитать камни на берегах реки Моген-Бурен, иголки на лиственнице, так трудно было сосчитать людей, собравшихся на празднике. Холурааш обрадовался, увидев друзей с Алтая, из Монголии, с ними свободно общался на алтайском и монгольском языках.

Монгун-тайгинцы роднились не только друг с другом, но и с монголами, но чаще с алтайцами, более близкими по сказкам, обычаям и особенно по языку. Роднившиеся менялись конями, халатами, ножами, кнутами. Если у обоих были ружья, то менялись и ружьями. Нюхали головы друг друга, обнимались, приговаривая: «Отныне мы становимся кровными сыновьями одной матери, одного отца. Отныне будем жить как кровные братья». Потом побратим сообщал своей семье: «Я присягнул Солнцу, Луне, священной Монгун-Тайге. Я присягнул Холураашу из рода Иргит. Вы должны чтить мою присягу». Обычай побратимства свидетельствует о духовной близости тувинцев и их соседей.

...Наступило время самых ярких и дорогих сердцу каждого тувинца зрелищ — время хуреш — национальной борьбы богатырей. Любимые народом борцы-богатыри Кундукай, Калчан-оол, Дагбы, Мырза, братья Докур сидели напротив в ожидании поединков. Заждались и болельщики, расположившиеся кругом на зеленом лугу. Посреди круга были постелены войлочные ковры. На них — ширээ, щедро уставленные вкусной едой, и когээржики с кумысом и аракой. Это место было подготовлено для высокопоставленных чиновников.

Поединки борцов начинались не сразу. Соблюдались традиционные ритуалы. Сначала выкликали имена знаменитых борцов, приглашали их на поле, они исполняли девиг — ритуальный танец орла. Увидев среди них любимого богатыря Кундукай, Холурааш очень обрадовался. Ему с детства нравилась национальная борьба. После победы над байским сыном Суге в борьбе за честь невесты Анай во время ойтулааша (ночных игр) Холурааш еще больше полюбил хуреш. Гордился такими борцами, как Кундукай.

Время от времени выбегали секунданты.

— Прошу выпустить соперника моего борца Кундукай, одним видом своим пугающего горе-слабаков, кидającego за спину борцов кичливых. Сильны его предки, народом не забытые. Ловкостью и богатырской силой прославился он сам. Вот он — Кундукай, уставший ждать поединка, — начал один крикун-секундант.

Ему ответил секундант соперника:

— Прошу повременить немножко: ведь борцовские доспехи не налезает на моего гиганта. Он велик, как гора...

Потянулись к поляне для хуреша зрители. По одну сторону расположилась вся знать — ближе к судьям, по другую — народ. Возле судей уселся Хурен-оол из рода кара-салов из Барлыка. Когда опередил их? Он тихо наигрывал на игиле, гриф которого был украшен искусно вырезанной конской головой, и пел песню-хоомей, призывающую силачей к честной борьбе.

— Хурен-оол Кара-Сал всегда на хуреш приходит петь и играть. До самой последней схватки игил из рук не выпускает. Кончится борьба, и он умолкнет, но прежде скажет извечное: «Это время уходит, новое настает», — объяснял Комбуй Холураашу.

При восхвалении борцов Холурааш вспомнил сказку бабушки о поединке борцов: «Богатыри, разойдясь в разные стороны света, начали девиг — ритуальный танец. Когда Саратай-Могэ подпрыгивая пошёл, а Бокту-Кириш — навстречу ему прыжками, черная земля задрожала, земля с травами заколыхалась. А как сошлись оба богатыря, кругом пошли: готовясь схватиться, вокруг друг друга обходят. И вот — «кап-шак!» — схватились. Девяносто дней — три месяца — не отпускают друг друга. Боктут-Кириш Саратай-Могэ за обе подмышки схватил, крутил, крутил... До окраин весь мир обойдя, закинул на лопатки свои и на зеленый бугор швырнул: синее небо содрогнулось, черная земля задрожала...»

На том празднике победил богатырь Кундукай, одолев монгольских, алтайских и местных борцов. Снова Хурен-оол пел хоомей. В заключительной песне славил свой народ, благословил родную землю.

Как победителю, Кундукаю преподнесли мясо барана с курдюком, большую фляжку-когээржик с аракой. Разрезав курдюк полосками, он угощал народ, выпивая араку, благословил родной край, свой народ, после чего, поклонившись, танцевал девиг — танец орла.

Только собрался поскакать на коне Кундукай в сторону своего аала, из толпы, где сидели алтайские, монгольские, казахские гости, вышел завистливый чиновник-монгол и всенародно объявил:

— Какой гордый и величественный борец Кундукай! Приглашаю его на праздник

в наш сумон Монголии.

По приглашению чиновника-монгола на торжественное молебствие в одном сумоне Монголии поехали тувинские борцы во главе с Кундукаем. Их сопровождал Холурааш. В пути Кундукай рассказал Холураашу о борцах Монгун-Тайги:

— Борец Калчан-оол выше меня ростом, шире в груди. Когда он подъехал к юрте старушки Дончук, араты бросали аркан на шею коня. При попытке коня перепрыгнуть через загон, Калчан-оол, схватив коня за ногу, обратно перебросил в загон. Старушка закричала взволнованно: «Аа богда! Вот это силища! Ведь это не коза и не овца, так бросать, мой сынок». Затем вынесла деревянное ведро с молоком из юрты, плескала тос-караком в борца, разбрызгивала его на все четыре стороны по ходу солнца. Вот другой случай. При перекочёвке навьюченный юртой вол-сарлык при подъеме в гору не мог идти дальше. Поднять его не сумели. Тогда Калчан-оол перебросил юрту на плечи, пошел пешком в гору. Люди не успели глазом моргнуть — ни разу не отдыхавший силач с тяжелым грузом оказался на вершине горы.

— Что знаете о борцах Допур и Бораш? — спросил, стесняясь, Калчан-оол, прервав разговор о его силе.

— О них знает вся Монгун-Тайга, к концу борьбы-хуреш остаются только двое — Допур и Бораш, — ответил Холурааш. — Силы их равны, и они очень долго борются. Иногда даже перепрыгивая через сидящих зрителей, борются полдня. Не дождавшись конца поединка, многие уходят домой.

Летнее стойбище силача Допур находится в верховьях реки Тоолайты. Хотя рядом много озёр, но рыбачит он всё лето только в озере Борбак-Хол. Холурааш помнит, что озеро Борбак-Хол теперь земляки называют Допур-холу — озеро Допура.

Наконец прибыли в сумон Монголии. Отдав должное божествам, ламы разрешили приступить к священной трапезе. Рассевшимся вокруг костра начали подавать пищу. Чиновникам тащили самое жирное, самое вкусное. Подошел к концу пир. Наступила очередь состязаний: борьбы-хуреша и конных скачек. Засуетились борцы. Опытные, как Кундукай, с достоинством, солидно готовились к схваткам, натягивали содаки, разминались, а начинающие суетливо носились в предвкушении схваток. Деловито переговаривались секунданты с судьями. Вот они начали рассаживать силачей на поляне для хуреша, а вокруг по одну сторону расположились богачи — ближе к судьям, по другую — простой народ.

Началась борьба. Пара сменялась парой. Страсти накалялись. Свою схватку в первом туре тувинский борец Калчан-оол выиграл шутя. Секундант выкрикнул имя Кундукай. Он сделал несколько прыжков, напоминающих девиг (танец орла). «Сначала победить надо, — подумал он. — танец никуда не денется». Попался ему высокий и здоровенный парень-монгол.

— Силач мой устает ждать! — вопил секундант.

Кундукай старался подобраться к ногам соперника, но это ему никак не удавалось. Холурааш увидел, что его земляк очутился внизу. Противник всей силой давил на него. У Кундукай перехватило дыхание. Стало жарко. Со всех сторон что-то кричали, подсказывали, советовали. Кундукай ничего не слышал. Ему было не до того. Подобравшись, выровнял дыхание и зорко следил за соперником, горделиво ожидавшим сопротивления. Тот был уверен в своей победе. Кундукай ждал лишь, чтобы парень переставил ногу. Улучив момент, набрал полные легкие воздуха и распрямился. Противник не ждал. Мелькнули в воздухе его длинные ноги. Под шум и крики толпы Кундукай припечатал противника к земле.

Вот теперь, широко раскинув руки в стороны, Кундукай запарил подобно орлу. Его осыпали кусочками сыра. Подбежал Холурааш и похлопал земляка по ягодицам, попытался подражать танцу орла. Народ развеселился.

Волнение у Кундукай прошло. Он спокойно побеждал одного соперника за другим. Каждая выигранная им схватка все сильнее вдохновляла Холурааша. Секунданты изо всех сил так старались перетасовать пары, чтобы сильнейшие оказывались против Кундукай. Это злило его и раззадоривало.

— Держись, Кундукай! — шепнул ему Холурааш. — Смотри, сын Монгун-Тайги, не подведи!

И вот остались на поле боя двое. Им дали передышку, а толпа свистела, орала до хрипоты.

— Выводите противника силача Хорлуу! — завопил секундант. — Силачу ждать надоело!

— Выводите противника силача Кундукай! — подхватил второй секундант.

— Наш силач в содак-шудак¹ не умещается. У него шудак от натуги трещит!

А схватки по существу и не было. Борцы только сошлись, и Хорлуу уже валялся

¹ Содак-шудак — костюм для национальной борьбы.

на земле. Кундукая подхватили на руки и начали подбрасывать над толпой. Вырвав победу и снова насалив правителю монгольского сумона, Кундукай стал дожидаться приза. У всех на языке только и было: «Кундукай! Кундукай!»

Сюда правитель со слугами тащил самую жирную баранину с курдюком, прожаренное просо со сметаной в огромной тарелке, чайник с чаем. Не жалели араки. Силач узнал того правителя, который обещал перекармить его. Кундукай, с достоинством поклонившись, поздоровался с ним.

— Я видел в Монгун-Тайге, как ты славно боролся и стал победителем. И сегодня тоже победил, угощайся! — сказал монгольский чиновник.

— Не за награду боролся, а за мужскую честь, — гордо сказал силач.

Кундукай угощался как мог, лил в себя араку. Как в тот раз, Кундукай и здесь победил: совсем трезвый, он сделал несколько легких прыжков танца орла. Широко раскинув руки в стороны, гордо запарил подобно орлу. Завистливый чиновник-монгол как-то виновато обратился к Кундукаю:

— Здоров ты и силен, как бык. И аппетит отменный. Желая от души дальнейших успехов! — положив шарф на шею, подарил шёлк.

Кундукай из очень бедной семьи. Ростом невысок, но сбит плотно, подтянутый, жилистый, крепок на ноги, изворотлив. Несмотря на трудную жизнь, не сломался. К нему всегда шли люди за добрым словом. Ведь всем так необходима доброта и честность. Его скромность, тактичность подтверждает такой случай. На одном поединке из 64-х борцов в Бай-Оваа, где присутствовал и Холурааш, на поляне осталась последняя пара: Кундукай и борец-казах.

— Почему только тувинцы побеждают? У Кундукая поджилки трясутся! — орал силач-казах, понося на чем свет стоит противника и применяя силы против правил борьбы-хуреш.

В конце молебствия и к концу борьбы-хуреш алтайцы, монголы и тувинские чиновники поскакали по аалам. Кундукай чувствовал себя свободным и гордым, но не смог так нагло поступить, как силач-казах. Он думал о дружбе тувинского и казахского народов. Скромность Кундукая задела за живое, и казах вообще обнаглел — бил куда попало, делал пинки, мотал головой.

— Казах боится камня. Принесите камней! — закричал старик-тувинец.

Всадники-тувинцы поскакали в гору за камнями. Тем временем силач Кундукай старался отвлечь противника, не применяя силу, скромно сопротивляясь, но временами давал сдачи. Вот и возвратились всадники с камнями с кулак. Начали бросать камни, не слезая с лошадей. Увидев, как падают камни около него, борец-казах испугался, вскочил на коня и поскакал домой. Оглянувшись назад, он увидел, как тувинские борцы, широко раскинув руки в стороны, гордо парят дэвиг, подобно орлу, вокруг Бай-Оваа.

Тувинцы с древних пор ценили камни: ожук-даш, кодурер-даш, инек-даш, оваа-дажы, сан салыр-даш... Инек-даш — валун. Сан салыр-даш — большой плоский овальной формы с углублением в виде чаши камень. Оваа-дажы — большие кучи камней с жердями на перевалах. Горевший посреди юрты костёр сменил ожук, подставками которого служили три камня — ожук-даш, стоявшие, как три брата с равными плечами, то есть на одном уровне плечами. Холурааш с детства помнил об этом загадку: три чёрных козла бодаться не осмелятся.

Картина 6. РОТ ЗЕМЛИ

В Биче-Монгун-Тайге, где высятся цепи гор Кара-Даг с вершинами Кара-Кожагары, есть загадочное место Чер-Аксы — Рот Земли. После захода солнца в этом месте слышны смех, пение и разговоры невидимых людей. Однажды скотовод-алтаец Буурулдай в зимовье Дедир-Аас сказал Холураашу:

— Если слишком много умерших душ спускается с гор и рек в Чер-Аксы, то его хозяин кричит: «Тойган-тойган! Бойган-бойган! Больше мест нет! Не надо сюда спускаться!» — и ещё добавил: — Когда приближаешься к Чер-Аксы, слышатся различные мелодии: будто хором кукуют кукушки, или коршуны издают звуки, похожие на ржание лошадей, или будто хор девушек поет чарующие песни, или мальчики играют на игил.

Местечко Чер-Аксы давно интересовало Холурааша. Он внимательно, подолгу смотрел на высокие горы Кара-Дага. Договорившись с другом Бады, они направились к подземным пещерам Кара-Дага, чтобы найти пещеру Чер-Аксы. Прямо перед ними возвышались горы — высокие и неприступные. Крутые, острые вершины нескончаемой стеной тянулись с севера на восток, и нигде между ними не видно было прохода. Друзья страстно мечтали преодолеть эту несокрушимую преграду. Присев отдохнуть в камнях, они видели, как пробегают вдали архары и козероги, снежный

барс показался из-за скалистого выступа. Волнение овладело Холураашем. Как хотелось ему преодолеть пространство, отделяющее от добычи! Вдохнув, он поднялся и зашагал вверх по течению, сопровождаемый Бады.

Скоро они очутились перед тёмным углублением в скале, откуда с шумом вырывалась река. Летучие мыши метнулись в темноту, испуганные появлением людей. Путники шли по мрачным переходам вдоль течения подземной реки, перепрыгивая через ямы и расщелины. Добрались до того места, где глухая каменная стена преграждала путь. Бады зажег одну из захваченных с собой смолистых веток. Яркое пламя озарило высокую стену, и они увидели в каменной стене зияющую широкую трещину. Подойдя к краю трещины, заметили, что проход достаточно широк, чтобы пропустить человека.

Холурааш протиснулся в черневшую перед ним каменную щель. Бады последовал за ним. Скоро проход сделался узким и низким, из-за чего протискивались между камнями, пробирались почти ползком. Воздух был жарким и спертым, дышать становилось всё трудней. Вдруг острый выступ скалы преградил им путь. Холурааш выхватил из-за пояса кош-бижек (большой нож) и ударил им по скалистому выступу со всей силы. Скала пошатнулась, и друзья поняли, что её можно сдвинуть с места. Бады, воткнув свой факел в расщелину стены, стал помогать Холураашу. Скала зашаталась сильнее. Толкнули её изо всех сил. Раздался треск, посыпались камни. Скала качнулась, послышался глухой звук падения тяжелой глыбы. Путь был свободен.

Передохнув немного, путники двинулись дальше. Проход постепенно расширялся. Вскоре Холурааш и Бады смогли выпрямиться во весь рост. Дышать стало легче. Наконец очутились в обширной пещере. Холурааш бросился вперед, но вскоре темнота вынудила его остановиться. Задержка была недолгой, Бады добрался до Холурааша со своим факелом, они почти бегом двинулись дальше. Скоро впереди забрезжил слабый свет, усиливавшийся, по мере того как друзья приближались к нему. Внезапно очутились у выхода из пещеры. Перед ними тянулся узкий коридор, образованный двумя отвесными гранитными стенами. Вверху, высоко над головами, виднелась полоска ослепительного синего неба. Узкое ущелье, затерянное в глубине горного массива, мало чем отличалось от подземного лабиринта, из которого они только что выбрались. Холураашу не терпелось увидеть поскорей открытое пространство. После краткого отдыха снова двинулись в путь.

День уже клонился к вечеру, когда наконец добрались до выхода из ущелья. Перед ними простирался горный луг. Справа и слева грозно высились горы. Огромный гриф медленно парил в вышине под облаками, озаренными вечерним солнцем. От понимания, что прошли сквозь гору, путники были сильно взволнованы. Они слышали биение своих сердец и пение птиц: кукуют кукушки, коршуны ржут, как лошади, как сказал скотовод-алтаец Буурулдай. Это неведомая земля неудержимо влекла их к себе.

— Наконец-то мы нашли то, что искали, и нужно быть внимательными к настоящему моменту, — с радостью сказал Холурааш.

— Почему говоришь о настоящем времени? — спросил Бады.

— Когда поймаешь себя на мыслях о том, что нужно сделать или что произошло и может произойти, — плавно вернись в настоящий момент.

— А что важнее?

— Важнее, что происходит прямо сейчас: наши действия, события.

— Я глубоко вдыхаю свежий воздух. Чувствую прикосновение ветра. Слышу пение птиц.

— Вот-вот. Надо жить осознанно, Бады, наслаждаться жизнью.

Наступил период самых длинных летних дней — чылапча-паш тигер ой. Лето набрало силу. Откуковали кукушки, налились животворными силами травы. Конгур, Севил, Анай и Холурааш с утра до вечера гнули спины в работе.

Рано утром Севил и Анай, подоив своих сарльков, жертвовали парное молоко, разбрызгивая его тос-караком (кропильной ложкой) в сторону Верхнего Мира, где находятся Луна, Солнце, звёзды, планеты и Млечный путь. Они ожидали от него благословения.

Брызгая парное молоко, Анай всегда произносила возвышенные благопожелания:

О, моя белая Луна! О, мое светлое Солнце!

О, мои серебряные звёзды! О, мои золотистые планеты!

О, мой дугообразный Млечный Путь!

Ожидая от вас счастье и благополучие!

— Когда жертвуешь парное молоко для Верхнего мира, будет большая удача, — одобряла сноху Севил.

Конгур ладил арканы для баев. Холурааш пас отару. Севил мяла и выделявала

кожи. Сноха Анай помогала ей насучить ниток жильных, напрясть шерсти и пошить одежонку для семьи. У старухи по-прежнему ломило в висках, ныли суставы ног, болели руки. Выматываясь от работы, Севил принималась ругать Конгура, что не смог спасти Чинчи от чумы. Конгур не спорил, не оправдывался. Поджимал губы и занимался своим делом, помалкивал. Разве женщину переубедишь?

— Ну, у ламы разговор долог, даже хромя овца укубыляла! — сказал Конгур. — Пора чай вскипятить.

А про себя думал: «Как хорошо, что Холурааш с Бады прошли сквозь гору и нашли эту пещеру. Не зря я их предупредил: пока об этом никому не говорить. Пещера пригодится нам самим в тяжелое время».

Картина 7. ВОССТАНИЕ АРАТОВ

Фрагмент 1. «Как измерить боль от удара»

У скупого богача-соседа Кара-бай стойбище чёрное, потому что у него много скота, выбившего кругом траву. Холурааш знал, что пастухи бая — дети его бедных родственников, он ничего не платил им. Пастухи, как и другие работники бая, пасли байский скот за право доения, то есть за молоко этого же скота. Сам бай жил, как «почка в сале», как «табак в кисете», чем богаче, тем жаднее. Ему всегда и всюду был почёт, везде угощали. О скупом бае быстро распространялась дурная слава, ему желали разорения со словами: «Высохнуть бы безрыбному озеру, разориться бы вредному баю».

Арат Опан думал о детях и своём человеческом достоинстве. Он пел:

*Волей человека богач правит.
Как измерить муки неволи?
Головой лошади бич правит.
Как измерить боль от удара?*

Холурааша волновала эта песня о безысходности положения арата, о его зависимости от бая.

— Хоть ты беден, а душой богат. Бедняк умнее бая, — поддерживал арата Холурааш. — Бай не понимает, что его сила в народе. Когда у кедра корня нет, то нет и шишек; когда у народа силы нет, то нет и бая.

Маньчжурское правительство за исправное отправление должности жаловало крупных чиновников отличительным знаком — одага. К их шапкам прикрепляли пучок павлиньих перьев, продетых через серебряную или стеклянную трубочку. Об этом пели: «Из Улясутая (Пекина) шёлк-улаан привозят, получишь в подарок связанный шёлк»; «Острязычный господин ярко-синюю чинзе приколол». Подразумевалась взятка — подкуп тувинских чиновников.

На берегу устья реки Моген-Бурен и озера Нуурук-Хол Монгун-Тайги поставили острую байза, знак — демдек и шест — урук. Наступать на них, трогать их запрещалось. Потеря байза воспринималась как беда. За нарушение этого запрета следовало наказание. Где байза, там и ортээл — ямская станция. Несравненно тяжелее была ортээльная (ямская) повинность. Она состояла в обеспечении конями чиновников, везущих в Улясутай государственный албан — налог, взимавшийся при обслуживании торговых караванов.

Во второй половине XIX века наезды маньчжурских чиновников участились. Конкуренция с российскими купцами на пушном рынке усилила вмешательство цинских властей во внутренние дела Урянхая. Естественно, участились и вызовы аратов для исполнения ямской повинности.

Однажды на станцию Чеди-Тей (Семь холмов) у озера Нуурук-Хол приехал Холурааш сменить дядю Балдыпа. Войдя потихоньку в юрту бая, Холурааш приветствовал всех. На что богачу приветствия молодца! «Почитаешь, но они не ценят почтения. Ох, эти бай». Богач Кара-Чейзен уверен в себе и нескончаемости своей власти. Бай думает о богатстве — хан, хоть богатый, золотом не насытится.

Сопровождая маньчжурских чургаанов и монгольских чиновников, Холурааш чуть не падал от усталости, прислуживая им. Тёмно-гнедые кони, сарлыки-волы под грузным выюком изнурялись на хребте Саадак, на перевале Чолдак-Арт, продуваемом ветрами. Холурааш скучал по родным, тосковал в одиночестве, разговаривал даже с ивами.

В молитвах аратов лучшее будущее связывалось с освобождением от национального гнёта:

*Пусть от императора Эжена посол не приходит, тело не изнуряет.
Пусть из Китая враг не приходит и сына и дочь не уведут.*

Хотя караульная служба тяготила его, надолго разлучала с родными людьми и кочевьями, он терпеливо дослужился до смены. Вместо него приехал соратник Комбуй. Холурааш благополучно вернулся в свой аал.

Фрагмент 2. Красный вихрь

В ясный день вдоль дороги около аала рода Хертеков долго кружил Кызыл Казыргы — Красный вихрь. Это значит: Аза-Куу — Серый чёрт, превратившийся в Красный вихрь, — предупредил, что он скоро унесет жизнь самого старшего человека в аале. Каждый человек по возможности должен уклоняться от удара Красного вихря.

Для того чтобы угроза Красного вихря миновала, старейшина аала приглашал известного в округе шамана Саая Улуг-Ак оглу Чувекей, который своим камланием предотвращал угрозу Аза-Куу. Шаман Чувекей, который вышел из племени албыс, имел связь с Дээр хайыракан — небесным божеством, с чер ээзи — духами земли. Холурааш узнал об этом от сестры шамана Акаа — дочери Манная из рода Саая — и поскакал в аал рода Хертеков. Он не забывал слова отца: «Учись не только у меня, но и у других шаманов».

Ночью он поднялся на перевал и увидел, как у корней лиственницы загорелся огонь. Подумал, что это костёр, и пошел к тому месту. Каково же было его удивление, когда не обнаружил ни костра, ни людей. Пошёл дальше. Отойдя немного, оглянулся и снова увидел огонь, а рядом с ним бегающие огоньки. Вернулся. Подойдя к корням лиственницы, увидел там бурое от времени седло. И тут же услышал загадочные звуки: плач младенца, колыбельную женщины и трубный голос мужчины. А бурое седло снова исчезло.

Холурааш вспомнил, что отец рассказывал ему о том, что когда-то на этом перевале ударом молнии был убит молодой парень. Его тело уничтожили хищные птицы и дикие звери. Осталось седло. С тех пор это бурое седло появляется перед глазами людей в ночное время. «Да, чего только удивительного не происходит в жизни человека», — подумал сын шамана.

Наконец-то прибыл в аал Хертеков. Камлание началось с алгыша:

*В аал рода Хертеков меня пригласили.
Моя гора, Великая Монгун-Хайыракан,
Обращаюсь к тебе: «Оог?» — спросите.
Моя малая гора, Монгун-Хайыракан,
Обращаюсь к тебе: «Ааг?» — спросите.
Я — брызги мочи рода Саая.
Кровь Каксаанов во мне течёт!
Река бурная Моген-Бурен,
Верхние, Нижние Сайырлары,
Мои сестры — Шегетейи,
Великая, Малая Деспеннери!
Золотые, серебряные вершины,
Задние, передние мои хребты,
Дайте нам чистый воздух,
Чистую воду аржаанов.
Очищаю себя дымом можжевельника.
Пусть уходит дальше,
Исчезает любая болезнь.*

Шаманская мистерия захватывала Холурааша.

*Глаза ваши зоркие,
Уши ваши чуткие,
Нюх ваш отличный,
Чутьё ваше тонкое,
Прошу вас вызвать счастье
И благополучие!
Кожа козерога служит
Обтяжкой моего бубна.
Тонкая её кожа лучше звучит.
Пусть звенит мой бубен
До небес Кудайлар:
Тук-тук-тук-тук, так-так-так-так!
Всем телом дрожу, упаду в обморок.
Звени моя колотушка.
Исполняю песнопение.*

*Я – шаман небесный.
Меня зовут Чувекей.*

Шаман легко разговаривал с божеством Неба и хозяином Земли и потому знал, где блуждает душа человека. В этих алгышах (песнях) шаман нашел причину ухода души старика – Куу-Аза, превратившегося в Красный вихрь. Чувекей сумел возвратить хозяину потерянную душу в виде волоса. После того как вернулась душа к больному, тот выздоровел. Араты обрадовались – жизнь пожилого человека спасена.

Шаман Саая Чувекей был ещё чуве дужурер хам – шаманом, который доставал то, чего нет. Например, во время камлания он может достать табак, чай или давно потерянную вещь: аркан, огниво, кольцо...

Когда кончался табак, соседи непременно обращались к нему. Камлание проводилось при всех. С наступлением рассвета через хараача (верхнее отверстие в юрте) в бубен падала целая пачка табака, которую шаман дарил всем присутствующим, но сам его не курил. Говорили, что если он будет курить этот табак, его шаманская сила иссякнет.

Холурааш вернулся в свой аал. Там дядя Балдып рассказывал о своих путешествиях:

– Я был в Саянских хребтах, где есть Эргек-Дыргак-Тайга (дословно: Большой палец с ногтем).

– В высоких Саянских горах есть тайга с именем Большой палец с ногтем? – переспросил Холурааш.

– Да, – уверенно ответил Балдып.

Все просили его рассказать об Эргек-Дыргак-Тайга, после чего он поведал:

– В седую древность в Саянских хребтах со стороны Черного неба вниз прилетел страшный ураган. Люди и звери покинули эти места. Могучие деревья попадали с вывернутыми корнями. Один шаман небесного происхождения своим даром сумел приостановить удары страшного урагана. Но порыв ветра вырвал колотушку из правой руки шамана. «Пусть Саянские хребты останутся родиной моих предков. Пусть мой народ останется хозяином этой земли!» – камлал шаман. Страшный ураган и смелый шаман продолжили жестокий поединок. И ладонь левой руки шамана превратилась в ущелье. Десять пальцев шамана превратились в десять горных вершин. Ладонь левой руки, держащая рукоятку бубна, превратилась в большой плоский камень. Большой палец левой руки шамана остановил полёт большого плоского камня, прилетевшего со стороны Черного неба. Ноготь большого пальца шамана превратился в вечный снег. Так погиб шаман небесного происхождения, но осталась вечно живой его душа. Вот откуда с седых времён пошло название Эргек-Дыргак-Тайга, над которой пролетает только лишь черный орёл, – закончил Балдып и добавил: – В верховьях Улуг-Хема и Бии-Хема уже очень давно поселились русские, а в других кожуунах несколько лет назад. Народ стоящий, есть чему у них поучиться, – Балдып показал ружьё: – Выменял за двадцать белок у одного бородатого русского купца.

– Это дешево, у китайцев дороже, чем у русских, – заметил Конгур.

– Чем торгуют русские?

– Русские привозят с собой чай, табак, скобяные товары, посуду. Столица Урянхайского края теперь – Хем-Белдири¹.

Прежде Урянхай считался границей мира, за которой нет ни земель, ни людей. И другое говорили: будто за горами-перевалами находится таинственная Шамбала. Давно позабылись сказки. Не только в Сибири прознали про Урянхайский край и населяющих его людей.

Фрагмент 3. «Мыкылая больше нет»

1917 год с самого начала заявил о себе тревожными вестями из России. В Урянхай стали проникать новые слова и понятия. Даже араты насыщены были о Ленине, о большевиках. Все более настойчиво распространявшиеся слухи не миновали и Монгун-Тайгу. Облетело известие, в которое и поверить было невозможно: в Петрограде – хувискаал (революция), царя больше нет. От аала к аалу передавали: «Нет больше Ак хаана (Белого царя)!» Не могло не наделать переполоха такое известие.

Что ни день – новые слухи, один другого невероятнее. В Монгун-Тайге такой суматохи не было с той поры, когда против маньчжуров в поход на Хомду собирали аратов. Тогда люди знали, куда, и против кого пойдут, а тут попробуй разберись...

– Ак хаана – царя Мыкылая больше нет! Россия на две части разделилась! Одну часть красной называют, другую – белой.

¹ Хем-Белдири – столица Урянхайского края, которая находилась на слиянии двух рек – Каа-Хема и Пуй-Хема.

Вести-новости совсем с толку сбили не только простых аратов, но и чиновников Монгун-Тайги. Ничего они не могут понять, ни в чем не могут разобраться. Что они в своей Монгун-Тайге способны изменить, когда весь мир перевернулся. Думают, что лучше переждать, перетерпеть, затаиться. Себя бы спасти, свою власть, свои права...

У аратов — другие разговоры. Им терять нечего. Старым тувинским законам больше не бывать, значит, пыток не будет, шаагаями наказывать не станут? Плохо верится. Не только в Монгун-Тайге — по всему Урянхаю тревожно, неясно, смутно. Со всех сторон подстерегали беды.

Весной восемнадцатого года в Урянхайском крае были образованы первые Советы. Комиссара Временного правительства Турчанинова¹ арестовали и выслали в Усинск. Но всего три месяца с небольшим просуществовала советская власть в Урянхайском крае.

— В Минусинске красные!..

— В Минусинске белые!..

— В Танну-Туве тоже революция будет. Всех нойонов прогонят. Самим аратам власть дадут!..

— У белых вместо царя главный нойон Кулунчак²...

Недолго продержались в Хем-Белдире красные — жаль! Вот кто за бедняков. Вот с кем у аратов одна дорога. А кулунчаки эти — хуже бандитов...

То радость, то горе, то тревога, то надежда.

Ожили нойоны. Ожил и двухэтажный особняк в центре Хем-Белдири — воротился в свою резиденцию Турчанинов, представлявший теперь в Танну-Туве власть Колчака. У Хем-Белдири теперь другое название — Белоцарск. Белогвардейцы, обозлившись на свой народ, издевались над аратами, несли в Урянхай разруху.

Широко разинули пасть китайцы под руководством Янь Ши-Чао, назначенного комиссаром Урянхая, — вот-вот проглотят. Правитель Даа кожууна Буян-Бадыргы, правители салчаков, маады, чооду и глава Бейси хошуна Чымба пока твердо держались России. Темные араты не знали об установлении протектората России и о провозглашении независимости Тувы.

— Есть о чем поговорить, над чем задуматься. Как нам быть? По-моему, наше присоединение к царской России в 1914 году было ошибкой. Пока люди в России решают, кто из них белый, а кто красный, может, нам стоит быстрее отделиться? — начал Чымба нойон.

— Отделимся, а что потом будет? — прервал говорившего Буян-Бадыргы. — Зачем спешить? Без покровительства и защиты большого и сильного иностранного государства Урянхай не может быть. Пока не стоит метаться и спешить отделяться от России. Лучше — выяснить ситуацию в России, отправить нашего представителя в Омск, чтобы он встретился с Колчаком.

В конце концов решили объединить чиновников двух кожуунов, призвать их жить в мире и согласии.

— Содунам-Балчыр и Тонмут с давних пор противились присоединению к России. Они и сейчас поддерживают связи с Монголией и Китаем, — объяснил Буян-Бадыргы.

Также принято соглашение: под руководством Лопсан Чамзы камбы-ламы отправить в Омск к адмиралу Колчаку представителей из Тувы. Чтоб никто не заподозрил его, оставил свою поездку так, будто по своим церковным делам куда-то направился. С желтым флагом над обозом, с четками в руках. Через три дня в Хем-Белдире он был принят комиссаром Турчаниновым. Тот дал камбы в сопровождающие двух своих переводчиков — Самойлова и Шурова. Еще через три дня Чамзы уже плыл на плоту вниз по Енисею.

За двадцать дней, проведенных в Омске, камбы четырежды был принят адмиралом Колчаком. На последней встрече ему торжественно вручили орден Святой Анны 2-й степени, выдали на расходы для предотвращения мятежей и на нужды желтой религии двадцать тысяч серебром. В честь Лопсана Чамзы был дан обед с участием чиновников адмирала, министров правительства. На нем был зачитан указ о назначении Лопсана Чамзы верховным духовным руководителем Тувы. Тут же Чамзы камбы сообщили, что адмиралом пожалованы ему личный легковой автомобиль и моторная лодка.

Из Красноярска Чамзы камбы разъезжал на собственном авто. Но дальше Минусинска ни его, ни сопровождавших его лиц из-за мятежей не пустили. В Верхнеудинске у бурятов камбы перезимовал. Только по весне смог он верхом на конях кружным путем через Монголию добраться в Самагалтай. Но из-за сражения в Тарлашкыне ему пришлось поворачивать обратно. Только в середине шестого месяца,

³ Турчанинов — комиссар Временного правительства, опираясь на казачий отряд и реакционных тувинских феодалов, всеми мерами старался подавить революционное движение в Туве.

⁴ Кулунчак — Колчак.

сделав еще немалый крюк на Улясутай и Кобдо, камбы достиг Хондергея. В Чадане шли бои с белыми, из-за чего он искал убежища в хурээ Барлыка, но и тут Чамзы не повезло. Пока он, вконец измотанный и издерганный, тащился до Барлыка, восставшие араты прогнали оттуда колчаковских заступников.

Пока Чамзы камбы искал покровительства у Колчака, пока скитался на обратном пути из Омска, многое переменилось в Туве. Сюда все сильнее и сильнее проникали новые идеи из России, все больше аратов начинали разбираться в событиях, понимать, что к чему. Даже среди тех, кто поначалу радовался захвату власти колчаковцами, наступило отрезвление. Простой народ искал защиты у красных, сам поднимался на борьбу с истинными своими врагами.

Чадан, расположенный на стыке многих дорог, как перед походом в Хомду, становился центром освободительного движения. Араты Монгун-Тайги, Шеми, Хондергея, Чыргакы, Барума — всего Хемчика поднялись против колчаковщины. Красное пламя восстания быстро разгоралось и в других кожуунах. Тут и там возникали по всей Туве ещё разрозненные и малочисленные отряды патриотов, смело выступавших против белогвардейцев.

Осенью 1919 года через перевал Саадак в местечко Чангыс-Доргун Монгун-Тайги, к аалу Балчыра, прискакал взвод белогвардейцев. Они с ходу открыли огонь по юртам. Жители аала по слухам знали о белогвардейском терроре. Все с испугу убежали в горы. Белые застрелили несколько баранов, стали варить мясо. Балчир в это время прискакал на своем вороном коне в Каргы-Бажы к Уртунай и сообщил о случившемся. Эта весть быстро распространилась по близлежащим аалам. Из Тоолайлыга прибыли на сбор Чакшагар, Намгай-оол, Комбу-Сурун, из Каргынского рода Саая — Узун-Анарат, Чивен-Дарган, Белек, Биче-оол и еще десять человек, два сына старика Уртунай — Очур и Шожал, братья Дурной-Анарат, Дадарык, Сайын-Хоо, Дугур и другие. Отряд аратов выбрал своим командиром сына Улут-кадай (Большой бабы) Уртуная.

Араты поднялись на вершину горы Бурээ. Оттуда долина реки Каргы была видна как на ладони. Командир Уртунай приказал пятнадцатилетним подросткам Шогжалу и Намгай-оолу собрать араку с юрт. Шустрые мальчишки весь вечер до наступления ночи собирали араку с близлежащих юрт, которую налили в когээржики — кожаные фляжки. Перекинув на лошади таалын (переметные сумы) со всеми фляшками с аракой, всадники поехали в аал, занятый белогвардейцами. Когда они приблизились, прибежали три солдата с ружьями и кричали на непонятном языке. Тогда Шогжал стал жестикулировать, показывая на фляжки:

— Здесь арака, угощаем, пейте!

Солдаты попробовали араку, обрадовались, забрали все фляжки.

С наступлением ночи араты спустились по холмику в Доргуне, приблизились к аалу Балчыра. Были слышны пьяные песни и смех. Араты условились с трех сторон подкрасться, снять часовых и перестрелять или пленить белогвардейцев. Те, не ожидая встретить достойного врага в лице простых пастухов, ели мясо, пили араку в юрте Балчыра и были за считанные секунды частью отстреляны, а частью пленены. Но в скоротечном бою пал командир тувинского отряда Уртунай.

Эта весна для монгун-тайгинцев оказалась нелегкой. Мужчины с верховыми лошадьми ушли из аалов. Белогвардейцы, вытесненные из Монголии народной революцией, вторглись в Туву. Как волки, металась они в жажде мести.

Холурааш присоединился к партизанам Овюра во главе с Донгаком Хенче-Кара, которого знал с Кобдинского сражения. Они наносили удары колчаковцам, нападая на них в неожиданных местах. Отряд Хенче-Кары встретился в верховье Хондергея с бойцами Чурмит-Дажы Сат. В одном месте дорога превращалась в кочевую тропу, проходившую по ущелью, настолько узкую, что даже всадник едва проезжал по ней. Над ущельем возвышалась древняя крепость. Местные жители называли это местечко Шивээ.

Лагерь белых расположился на небольшой поляне над ущельем. Командирам было поставлено пять юрт. Палатки солдат стояли возле леса. Однажды ранним утром, когда солнце только проглянуло на востоке, партизаны бросились в атаку на белых, не давая им опомниться. Белые бежали. В лагере находился полицейский инспектор Урянхайского края Александр Днепров. Он спасся бегством и в своем рапорте в полицейский департамент Омского правительства сообщил:

«Войска, посланные на защиту этой страны, забыли о своей присяге. Ни бдительности, ни боевой готовности — полный развал. Когда начали стрелять местные пастухи, солдаты, испугавшись, оставили оружие, погибших и раненых и бесславно удрали. Такая же обстановка и в других воинских подразделениях. В Чадане я видел, как шли группами в Чаа-Холь командиры и солдаты, удравшие от оборванных

сойотов. Власти кожууна, особенно Буян-Бадыргы, показали свою слабость. Нойон, оставив свой пост, скрылся в неизвестном направлении. Его супруга и приближенные уехали вместе с ним. Говорили, что нойон убит в Монголию. Я не сомневаюсь, что Буян-Бадыргы и его приближенные встали на сторону мятежников-сойотов».

Шла гражданская война. Несколько лет тувинский народ пребывал в состоянии смуты. То в одном, то в другом уголке Урянхая завязывалась перестрелка, гибли люди. Араты не успели взять власть, а красные партизаны были за Саянами. Царило безвластие в Монгун-Тайге.

Фрагмент 4. «Святой бандит»

Холурааш подкрался к своему аалу, словно волк. В юрте Конгура араты ведут беседу. Холурааш вошел в юрту и включился в разговор:

— После победы над колчаковцами под Чаданом Хемчик был освобожден от белых. У нас отсутствовало общее руководство. Под разными предложениями араты стали разбредаться по аалам. У того жена вот-вот родить должна, у второго овцы не стрижены. Большинство вспомнило, что пора перекочевков подошла... Причин хватало.

— А вас не заботило, что повсюду шатались недобитые беляки?

— Тогда об этом не думали, — ответил Холурааш.

— Нойоны и бай с радостью воспользовались вашим успехом и снова ухватились за свои права, — подытожил Конгур.

— Самая большая моя ошибка — спутался с бандитами Аскак-Чотчу.

— Кто такой Аскак-Чотчу? Как он выглядит?

— Аскак-Чотчу — монгольский лама. Он объявился из Нижнего хурээ Чаdana. На нем было орхимжо¹. У него вислые усы, голый череп, большая голова на тонкой шее, длинные руки, блудливые, бегающие глаза. На его поясе с двух боков висит по маузеру, за спиной — винтовка. К тому же говорун Аскак-Чотчу отменный и речами своими может кого угодно сбить с толку.

— Что именно он говорит? — спросил арат Чондан.

— «Я освобожу вас от гнета колчаковцев. Народ Тувы должен быть свободным. Идите смело за мной! Мы обретем свободу и счастье. Небо над нами будет чистое. Боги благословляют нас...» — закатывая глаза, вещал он. Когда спросил его один арат: «Вы же священный лама. Вам нельзя даже вошь убить, не то что человека», — он ответил: «Я ученик самого гегена! Мой учитель сказал: «Русские — в русской земле, монголы — в монгольской, тувинцы — в тувинской земле должны размножаться». — «Правильно! — кричали араты. — Белых солдат мы сами прогнали. С кем теперь будем воевать, учитель?» — «На тувинской земле будут жить только тувинцы. Не будем богов гневить. Те, кто пойдут за мной, и на том свете не пропадут. Весь народ Танну-Тувы от Хемчика до верховьев Улуг-Хема будет меня благодарить», — вещал Аскак-Чотчу.

— Кое-кого из аратов Аскак-Чотчу все же сбил с толку своими речами?

— Да. Среди них и я. Мы потянулись за ним. Под его командой мы отправились по Шеми и Чыргакы. Через Кызыл-Мажалык вышли к Кара-Дашу. Незадолго перед тем эти места нами были полностью очищены от белых.

— Зачем снова поехали туда, если там белых нет? — спросил Конгур.

— Это всё Аскак-Чотчу. Он кричал: «Я ученик самого гегена!» — и приказал выгнать из Кара-Даша русских крестьян. Дома велел сжечь. Плакали дети... Так поганю я себя никогда не чувствовал.

— От такого зверя надо было уходить, — кричали араты.

— Уйти из этой банды я не смог. Дезертиров Аскак-Чотчу стрелял без пощады.

— Где еще был?

— От Кара-Даша Аскак-Чотчу двинулся через Сесеге на Чаа-Холь. В Чаа-Холь Аскак-Чотчу ворвался со стрельбой. Небольшое село запылало со всех сторон. Пожары в Шагонаре, грабежи в Белдир-Кежиге, насилия и убийства открыли глаза нам. Бессмысленная жестокость ламы отрезвила меня и некоторых аратов.

— Куда бай смотрели? Почему его не остановили?

— Аскак-Чотчу поддерживали настоятели хурээ и нойоны. Он был им нужен и полезен.

— Почему?

— Потому, что он сбивал с толку бедноту. Он восстанавливал одних аратов против других, а всех вместе — против русских поселенцев.

— Какие хитрые бай! Аскак-Чотчу был их оружием.

— Святой бандит исчез так же внезапно, как и появился. А я с тяжелым сердцем ехал и думал: зачем с бандитами спутался? Стыдно вспоминать! Теперь я среди

¹ Орхимжо — оранжевый халат с перекинутой через плечо красной лентой.

партизан Овюра во главе с Донгаком Хенче-Кара. Его знаю со времен битвы за Кобдо.

— Где сейчас Аскак-Чотчу?

— Говорят, он примкнул к монголам. Пока колчаковцы держались прочно, ожидавшие поживы отряды монгольских феодалов под руководством Маскаржапа и китайского генерала Янь Ши-чао вели себя смиренно...

— Максаржап? Тот самый, что водил тувинцев в Хомду в 1912 году? — перебил сына Конгур.

— Да, тот самый, — ответил Холурааш и продолжил: — Но как только обнаружили признаки шаткости режима верховного правителя, как только начали подниматься против белогвардейцев араты, те и другие ринулись в Туву, словно на кусок мяса собаки и волки. Китайцы и монголы на правах хозяев насильно вербовали лучших тувинских стрелков с западных кожуунов. Тувинские нойоны и чиновники бегали между этими всеильными сторонами, поджимая хвосты, словно шакалы, стараясь угодить и тем, и другим.

Прискакал на коне Балдып, спешился и вошел в юрту Конгура. Тот Балдып, который умертвил грозу Монгун-Тайги — Кок-Бору. После обвинения по доносу лже-свидетеля Балдып за семь дней принял четыре вида пыток, но не сдался. Холурааш помнит дядю после этих пыток. У Балдыпа вместо головы был поставленный на плечи котел без носа, с кровавыми белками вместо глаз. Кожа на ногах полопалась, источая кровавый гной. У лодыжек была видна голая кость — мышцы и кожа были сорваны кандалами. Бабушка плакала: «И он всё живой!» Лечили его разными средствами: зарезали козу и обложили еще горячим нутряным жиром. Варили разные корни, готовили мази, делали всякие примочки и кормили густым холодцом, считая, что это очень питательно. Изуродованный Балдып не только не стонал, но даже находил в себе силы для шуток. Не минуло и месяца, как дядя начал ходить и даже садиться на спокойного коня. Балдып всё выдержал и еще сильнее возненавидел баев.

— Скажи нам, Балдып, где был зимой? — стали спрашивать Балдыпа араты.

— Зимой друг Тараачи позвал меня к себе, когда неподалеку от озера Убса-Нур расположился со своей армией русский белый генерал. Нам, кочевникам отроду, жалко было вьючных лошадей: у некоторых железное оружие оказывалось прямо на голой спине и боках, стирая их едва ли не до кости. С армией в обозе шли женщины, дети и старухи с лицами, дочерна обмороженными. Многие были в коротких овчинных шубах, на головах лисьи малахаи, на ногах стоптанные, рваные башмаки, валенки, просто куски войлока или овчины, обмотанные вокруг ступни.

— Эти голодные и раздетые люди по аалам не ходили?

— Сначала они просили теплую одежду и обувь на обмен, потом по пустым юртам пошли. Араты всполошились, стали уносить в тайгу и зарывать кошмы, шубы, обувь, меха, угонять скот.

— Долго стояла армия?

— Долго стояла. Начались болезни, люди умирали. Даже баи шептались: как избавиться от нашествия белых?

— Чем всё кончилось?

— На помощь пришел наш храбрец Тараачи. Он появился у белых на хорошем коне с серебряной сбруей, в одежде большого чиновника и сумел уговорить генерала напасть на красных. Генерал поверил Тараачи — его армия от холода все равно за зиму погибла бы. Кругом говорили: «Озеро Убса-Нур дымится, значит, скоро начнется такой мороз, от которого птица к ветке примерзает, а у коров рога лопаются». Белые двинулись в Элегест в сопровождении Тараачи. Он нарочно путал дорогу. Когда они вышли к Суг-Бажы, со всех сторон замелькали конники. Красные напали на белых и перебили или пленили.

Фрагмент 5. Белоцарский бой

За спиной Колчака набирала силы Степно-Баджейская Советская республика и партизанская армия Кравченко и Щетинкина. Колчак отправил против них карателей. В июне девятнадцатого армия партизан начала отступать. Решили идти через Саяны в Урянхай, чтобы там собраться с силами и вернуться назад или через Монголию выйти на соединение с частями Красной армии.

Обойдя Минусинск, занятый колчаковцами, партизаны шли в Урянхай. На три тысячи бойцов — шесть пулеметов. Много раненых. А маршрут — врагу не пожелаешь. Несколько раз вброд и вплавь пересекли Ус — быструю горную реку, петляющую по склонам. Наконец, армия Щетинкина-Кравченко вступила в пределы Тувы. Тепло, сердечно встречали красных партизан араты. Целыми обозами везли им продовольствие.

Маленький Хем-Белдир, названный после присоединения к России Урянхайского

края Белоцарском, не мог вместить партизанскую армию. По этой причине Манский полк расквартировали в Усинске, Канский — в Туране. Они прикрывали тылы армии. Остальные части расположились в Белоцарске и вокруг него. В баджейские полки влилось около пятисот человек из жителей поселений у подножья Танну-Ола. Среди красных партизан был и дядя Холурааша Балдып.

Вблизи появился отряд белых с пушками и пулеметами под командой есаула Бологова. Он прежде служил в Урянхайском крае, хорошо знал тамошние места и был уверен в легкой победе. Ему удалось с ходу отрезать в Усинске Манский полк, захватить Туран и вынудить канцев без боя отойти в Белоцарск.

Пришлось спешно занимать оборону. Рыть окопы вдоль берега Енисея помогали и жители города, и араты. Выше Белоцарска окопался Манский полк, сумевший скорым маршем через тайгу вырваться из окружения. На берегу залегли бойцы Тальского полка. У переправы канцы приготовились первыми принять удар колчаковцев. А на подступах к городу проходил рубеж Ачинского полка.

В жаркий день 29 августа колчаковцы под прикрытием пулеметного огня форсировали Енисей на лодках, не считаясь с потерями. Партизаны отошли на южную окраину Белоцарска, следуя замыслу командования. Отряд Бологова ворвался в город. Опьяненные мнимым успехом, белогвардейцы занялись разбоем и празднованием победы. Есаул телеграфировал в Омск об окончательном разгроме жалких остатков красных банд. Но красные сидели в засаде. Под вечер грянул знаменитый Белоцарский бой.

Балдыпу казалось, что над ним раскалывается синее небо. Сверху сыпались куски раскаленного железа, свистели пули, заставляя вжимать голову в плечи.

— Вперед! — раздался зычный голос второго командира красных партизан Щетинкина.

Привстав на стременах, он размахивал маузером. Конь плясал под ним, шарахаясь от взрывов, поднимался на дыбы, но крепкая рука Щетинкина уверенно держала повод. Партизаны пошли на штурм города. Застигнутые врасплох, колчаковцы стали в панике отходить к берегу Енисея. Первым прыгнул в лодку есаул. Когда все было кончено, улицы Белоцарска и берег Енисея были усеяны трупами белогвардейцев числом больше тысячи. Около трехсот колчаковцев попали в плен.

Комиссар края Турчанинов в сопровождении шести солдат убежал в сторону Тоджи. В глухой тайге Биче-О-Хема солдаты убили Турчанинова, прикарманили его деньги и ушли в Иркутскую губернию. Помощник Турчанинова Казанцев с несколькими солдатами бежал через хребет Омул в Минусинск. Начальник полиции Днепров вместе с судьей Фамуловым пытались уплыть на плотках вниз по Улуг-Хему, но араты Урбун-Кашпала с партизанской группой Тулуш Чулдума уничтожили плоты с белыми.

Красные партизаны потеряли в Белоцарском сражении всего тридцать семь бойцов. Их похоронили на высоком берегу Енисея, отсалютовав им залпом из орудий, захваченных у белогвардейцев. Отсюда, с высокого берега, было хорошо видно, как сливаются Бий-Хем с Каа-Хемом, образуя Улуг-Хем — Великую реку — Енисей.

К самой воде спускалась тополиная роща, сбегали кусты черемухи. От воды тянуло свежим влажным ветерком. Подавляя рыдания, Балдып прощался с павшими:

— Пусть седой Улуг-Хем бережет ваш вечный покой...

Тем временем монгольские войска стояли лагерем неподалеку от Белоцарска. После победы над китайцами под нажимом монгольских феодалов Маскаржап несколько изменил своё доброе отношение к Туве, и понадобилось время, чтобы этот славный воин окончательно перешел на сторону революции и стал одним из ближайших соратников Сухэ-Батора.

Монгольские части имели задачу не допустить красных партизан в Танну-Туву, не оказывая в то же время поддержки белым отрядам. Армия Щетинкина и Кравченко оказалась значительно крупнее, чем предполагалось, и ввязываться в прямое столкновение было бы рискованно. Маскаржап выжидал исхода Белоцарского боя и после сокрушительного разгрома белогвардейцев разрешил красным партизанам проход через территорию Монголии на Туркестан для соединения с частями Красной армии, вместе с которыми они должны были возвратиться в Сибирь и рассчитаться с Колчаком. Но воспользоваться разрешением монгольского командующего не пришлось: партизаны пошли другим путем.

После ухода партизан недобитые колчаковцы подняли голову. Из Монголии приглядывались к Урянхайскому краю Унгерн и Бакич. С установлением в Монголии китайской власти неограниченные полномочия получил генерал Янь Ши-чао. Ему были подчинены и монгольские войска. Но революционный перелом в Туве свершился и был необратимым. В мае 1920 года возник крупный партизанский отряд под командованием Сергея Кочетова. К нему потянулись тувинские араты. Среди них оказался и Балдып,

который однажды в юрте Конгура поведал землякам о Белоцарском бое.

Войска генерала Ян Ши-чао продвинулись из Чадана и местечка Даг-Ужу под Шагонаром вверх по Улуг-Хему и расположились у горы Отгук-Даш. Там проходила главная дорога в западные кожууны Урянхайского края. Справа — река, слева — неприступные горы. Фактически китайцы разрезали Туву надвое. Из Отгук-Даша было совсем близко до города Красного (Кызыла), как стали называть Белоцарск, и до партизанской столицы — Атамановки¹. Янь Ши-чао подчинил себе отряды, сформированные русскими купцами и «кулаками», и остатки колчаковцев, включая насильственно мобилизованных аратов.

Китайцу предложил переговоры особоуполномоченный Сибирского революционного комитета Иннокентий Сафьянов². Тувинцы его называли Экендеем. В условленное время 28 октября на переговоры никто не явился. Тувинцы любили Экендея и не выдали его, когда за поимку Экендея белогвардейцы обещали 10 ящиков зеленого чая³ и 10 кип далембы.

Фрагмент 6. Великий Всетувинский хурал

Сафьянов приехал в Чадан и встретился с хемчикским нойоном Буян-Бадьргы из рода Монгушов. Договорились провести местный хурал в Чадане с целью обсудить будущее Урянхая и подготовить Великий Всетувинский хурал.

Местный хурал состоялся и решил: открыть точки советской торговли в Шагонаре, в местечке Чанагаш, где река Чадаана соединяется с рекой Хемчик, и в Чыдыг-Кара-Суге, что в долине Хемчика. Это очень обрадовало аратов, так как ликвидировались торговые точки китайских и русских купцов, у которых араты брали товары в кредит и рассчитывались скотом и пушниной. Теперь установили единую цену на товары и разрешили расчеты бумажными и металлическими советскими рублями. Сафьянов объявил, что советская сторона обеспечит организационную подготовку Великого хурала, где представители западных кожуунов примут участие в создании проекта конституции будущего тувинского государства.

— Главный красный чиновник Экендей приехал на Хемчик. Он знает тувинский язык, — распространились слухи. — Экендей будет выступать перед народом. Кто хочет слушать его, пусть приезжает в Чадан.

25 июня 1921 года в местечке Ортаа-Дыт, что между Алды-Хурээ и Устуу-Хурээ, утро подвигалось к рассвету, поляна наполнилась птичьими песнями, шелестом листвы тополей, ив, лиственниц. Видно, как птица поёт на сучке, и каждое пёрышко дрожит у неё от усилия. Холураашу казалось, что в это утро жаворонки, журавли, гуси, турпаны, кукушки пели, стараясь выговорить общее всем, единое прекрасное слово: «Здравствуйте!»

На поляне, что на берегу Чадааны, собрался народ. Появился русский человек среднего возраста и богатырского телосложения, с черной пышной бородой. Постелили ширтеки, на которых сели Сафьянов, его товарищи, нойоны и чиновники двух кожуунов. Араты шептали: «Экендей, Экендей». Каждому хотелось поближе побраться и посмотреть на Экендея. Буян-Бадьргы поднял руку:

— Тише, тише! Сядьте в круг. К нам приехал высокоуважаемый гость, посланец великой русской страны товарищ Экендей.

Сафьянов встал:

— Дорогие граждане, товарищи, мои земляки! — начал он на чистом тувинском языке. Многие араты захохотали от восхищения, что перед ними русский человек без акцента говорит по-тувински. — Не-ет, не думайте, что я ошибаюсь. Я же ваш настоящий земляк. Ведь я вырос среди аратов. А сейчас я выполняю задание советского правительства.

Сафьянов передал братский привет аратам Даа и Бээзи кожуунов от народа России и от его революционной власти. Говорил увлеченно и убедительно о том, что происходило в России, о революции, о Ленине, о том, что все люди должны быть равными и принимать участие в управлении страной и что тувинскому народу предстоит создать свое независимое государство и построить новую жизнь.

¹ Атамановка — Суг-Бажы, ныне село Кочетово Тандинского кожууна Республики Тыва.

² Сафьянов И.Г. (1875-1954) — крупный политический деятель, внесший большой вклад в создание Тувинской Народной Республики. Сын богатого купца Георгия Сафьянова. В 1920 году как представитель советского правительства в Туве Иннокентий Сафьянов (Экендей) на десятом хурале выступил с докладом «Тува в прошлом и настоящем времени» и добился восстановления договора 1918 года между русским и тувинским народами. 4.01.1921 на заседании ЦК РКП(б) Экендей предложил помочь тувинскому народу в создании национальной республики. По его же предложению Белоцарск переименован в Кызыл, по-русски — Красный.

³ Полпачки чая тогда стоили годовалого быка.

В местном хурале участвовало около восьмидесяти аратов и до сорока чиновников. Хурал подтвердил правильность выбранного Тувой пути. Чиновники впервые вынуждены были уступить воле представителей народа.

Держал на хурале слово и гун-нойон Буян-Бадьргы. Он признал, что злоупотреблял властью, и клятвенно заверял аратов, что впредь такого не повторится. Араты спрашивали себя: «Слыханное ли дело?»

Учитывая военную угрозу со стороны монгольских феодалов и недобитых белогвардейцев, хурал обратился к командованию Красной армии и красных партизан с просьбой провести боевой поход вдоль южных границ Танну-Тувы, чтобы остудить горячие головы врагов.

В помощь хемчикским аратам был собран партизанский отряд под командой Экендея. К отряду примкнули пятьдесят вооруженных тувинских всадников. Среди них и Баддып. Араты Хемчика, Улуг-Хема и Чаа-Холя предоставили участникам похода лучших коней и продовольствие. Над колоннами развевались алые знамена и полотнища с лозунгами: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы Востока, соединяйтесь!», «Свободу угнетенным народам!», «Да здравствует мировая революция!»

Как отличался этот поход от всех предыдущих! Как гордо шагал Баддып! Шла по Туве армия освободителей, армия народа. Всюду с радостью встречали бойцов Красной армии и красных партизан. Всюду помогали вылавливать и ликвидировать скрывававшихся белогвардейцев. И всюду с воодушевлением встречали весть о скором созыве Всетувинского Великого хурала.

Завершился этот поход в монгольском городе Улангоме, где когда-то тувинские араты брали штурмом крепость. Красный поход всколыхнул аратские массы. Повсюду развернулась подготовка к Великому хуралу под централизованным руководством Экендея-Иннокентия Сафьянова. Он неустанно вел разъяснительную работу среди кочевых аратов, вкладывая в головы главную идею: «Урянхайский народ сам должен решить свою судьбу».

Даже самый быстрый скакун не сможет опередить слухи. Молва о созыве Великого хурала, первого в истории Урянхая народного форума, распространилась с невероятной быстротой. От аала к аалу, от юрты к юрте летела весть: 13 августа 1921 года в селе Атамановка начнет работу Всетувинский Великий хурал.

У коренных жителей Суг-Бажы (Атамановки) русские крестьяне-переселенцы учились разводить скот. В подавляющем большинстве это были политические ссыльные. Они построили первые деревянные жилые дома в Атамановке, распахали землю и жили в дружбе с тувинцами.

Восточнее Элегеса виден Чал-Кежиг. Эта река течёт с севера Суг-Бажы. Около караганников с белых юрт доносятся детские голоса. Юрты, домики. Лошади, коровы, овцы, козы, свиньи. Куры с петухами. Чёрные собаки с длинными хвостами. За юртами поют турпаны, гуси, журавли. Из-под земли журчит ручей, из-за чего этому месту дано название Суг-Бажы. В сторону Улуг-Хема течёт река Межегей. Недалеко от Межегея высится гора Могай. После дождей вдоль горы Могай начинают блестеть серебряные сабли — это змеи, из-за чего гору ещё называют Чылангыг — Змеиная. С гор Танды стремительно бегущие реки Улуг-Шанган и Биче-Шанган издали напоминают две полосы тёмного леса.

Со всей Тувы съехались люди в Суг-Бажы на Великий хурал, одетые в яркие шелковые национальные халаты. Князей и чиновников сопровождали слуги и коневоды. Всего было триста делегатов. Среди них более двухсот простых аратов. На возвышенном месте села стоял дом Сергея Кочетова, украшенный красным знаменем и лозунгами. Рядом с ним — множество белых юрт для делегатов.

В повестке Великого хурала — двадцать шесть вопросов, в том числе, о провозглашении Урянхая народной республикой, об утверждении Конституции, о налаживании дружественных связей между народами Урянхая, Советской России и Монголии. Собравшихся приветствовали Сафьянов — от Сибревкома, Чугунов — от Красной армии, Стрелков — от русского населения Тувы, Кочетов — от красных партизан. Был избран президиум в составе четырех князей, семи чиновников и секретаря — помощника Амбын-нойона Дарыма. Монгуш Буян-Бадьргы был единогласно избран председателем хурала. Председатель революционного комитета края Стрелков, представитель секретариата Коминтерна Востока Цивенджап, заведующий отделением русского посольства Павел Медведев выступили с докладами о международном положении.

Феодалы попытались проташить свою линию, кое-кто выступал против народной республики. Лопсан мээр из Тоджи заявил, что тоджинцы будут подчиняться Монголии. Его поддержал Шагдыржап, аргументируя тем, что тувинцы и монголы одного происхождения, значит, Туву надо присоединить к Монголии. Но как ни

противились феодалы, Всетувинский Великий хурал принял постановление о провозглашении Урянхая народной республикой. А по предложению Сафьянова съезд единогласно решил закрепить за Урянхаем официальное название Танды-Тыва – Танну-Тува, впоследствии – Тува.

После провозглашения Народной Республики Танну-Тува, первого государства аратов в центре азиатского материка, возник вопрос, где будет столица и за счет чего будет функционировать правительство. Делегаты хурала понимали, что без помощи Советской России народная республика невозможна. Экендей объявил:

– Из имеющихся зданий в городе Кызыл будет выделено два дома в подарок правительству Тувы. Берем обязательство оказать вам помощь силами наших плотников в строительстве жилых домов и зданий для учреждений республики.

– Скоро зима, а у нас нет дров. Как быть? Для служебных лошадей нужны корма, овёс и сено, – обратился к делегации России Буян-Бадыргы.

Краевой революционный совет взял обязательство заготовить 300 кубометров дров для правительства ТНР, обеспечить лошадей овсом и сеном, помочь в строительстве конского двора и ежегодно, до стабилизации финансового положения в республике, безвозмездно обеспечивать правительство ТНР мукой в объеме 500 пудов.

Первая Конституция Танну-Тувы была самой короткой – всего 22 параграфа. Тувинцы согласились с предложением русской делегации об отмене пыток, и в Конституцию был включён параграф: «Наказание палками, заковывание в колодки и пытки при допросе заменяются штрафами и принудительными работами». Важнейший пункт Конституции гласил: «Республика Танну-Тува Улус является свободным, ни от кого не зависящим в своих внутренних делах государством народа Танну-Тува. В международных отношениях республика выступает под покровительством Советской России»¹.

Заключительное слово взял председатель хурала Буян-Бадыргы:

– Уважаемые делегаты! Выражаю огромную благодарность Советской России, русским делегатам во главе с Экендеем за оказанную нам помощь, именно за провозглашение Танну-Тувы народной республикой. Да здравствует Танды-Тыва Улус Республика!

Так новое солнце взошло над Тувой.

Картина 8. СМЕНА ПОКОЛЕНИЙ

Холурааш стоял, прижавшись к двери юрты, пытаясь услышать, что творится внутри. Луна и звезды вместе с ним ждали рождения человека.

– Ребенок родился! Родился мой внук! – с радостью закричала Севил. Холурааш вбежал в юрту. Севил завернула ребёнка в пелёнку и вручила Холураашу: – Его зовут Успун-Доржу, в честь моего деда.

– Хорошо, пусть будет Успун-Доржу, – согласился Холурааш.

Когда отпал пуповинный остаток, Анай положила его в подушечку и зашила со всех сторон, по углам сделала бахрому. Затем подушечку с кончиком пуповины пришила к дужке колыбели. Так заведено: сколько раз рожала женщина – столько подушечек свисало с дужек. У Анай – пока одна подушка.

Прошло три года. Успун-Доржу начал разговаривать. Анай каждый день рассказывала сыну, что можно делать, а чего нельзя:

– Когда старшие входят в юрту, молодые должны вставать в знак уважения. Детям нельзя проходить впереди взрослых. Ребенок не должен вмешиваться в разговоры взрослых. Детям не положено прямо называть старших по имени. Когда взрослый человек дает детям гостинец, то они должны принимать обеими руками. Дети не должны бросать что-либо в реку или в посуду с молоком. Дети не должны рвать цветы. Детям нельзя баловаться при гостях.

Перед сном Успун-Доржу всегда просил мать:

– Хочу сказку!

Анай рассказывала сказки, пока сын не уснёт:

– Сказка про Беляка-шамана. Снег начал жаловаться на головные боли, слабость и стал таять. Снег просил зверей, чтоб помогли ему. Все звери, кроме Беляка-зайца, отказались помочь. Заяц вызвался в помощники потому, что его тёплая белая шуба была белее снега. Если снега не будет, то жизнь зайца окажется на волоске от смерти. Поэтому Беляк каждый вечер камлал, кричал, шаманил:

¹14 сентября 2021 г. правительство Советской России в торжественном послании приветствовало тувинский народ с освобождением и установлением братской дружбы с русским народом и заявило о своем признании права тувинского народа на самоопределение, также подтвердило свои гарантии всемерной помощи народу Тувы в хозяйственном и культурном строительстве.

Пусть в утро-вечер голова твоя не болит. Тот-тот-тот!

Хотя точно не знаю, но благословляю. Тот-тот-тот!

В вечер-утро голова пусть не болит. Тот-тот-тот!

В будущем я не знаю, что будет. Тот-тот-тот!

Однажды к вечеру во время камлания Беляк посмотрел на себя и заметил, что его шуба стала серой. Тогда он стал камлать и кричать:

Пусть снег с горы спускается. Тот-тот-тот!

Пусть в черной земле нежится. Тот-тот-тот!

Пусть будет вода в каналах-канавках. Тот-тот-тот!

Пусть будет напиком для всех живых. Тот-тот-тот!

Беляк побежал в ту сторону, я пришла с песней домой, а снег совсем растаял.

Успун-Доржу рос. Шли годы. Однажды под конец зимы началась эпидемия быжар-дымаа — оспы.

Зимовье аала Конгура стояло на верховьях Хем-Бажы. Соседей по зимовке было много. Конгур поехал по вызову к больному. Его не было больше десяти дней. Наступил очередной вечер. Вся семья ждёт Конгура. Темна зимняя ночь, как в норе — никакого просвета. Если выйти из юрты — самого себя не увидишь. Телки, сарлыки, овцы и козы давно разбрелись по своим местам. В юрте слышно, как блеют овцы, шумно вздыхают сарлыки. Залаяла собака. Приехал Конгур, медленно спешился, кое-как привязал коня к коновязи. Зашел в юрту. Там сидели Холурааш, Анай с сыном, Севил около очага. По кровле юрты бегали блики огня от костра в очаге. Как волчий глаз, светился огонек на конце трубки бабушки.

— Я заболел. Эта болезнь, как чума, очень заразная. Мама, ты оставайся, а вы все идите в свою юрту, готовьтесь к поездке. Из России приехали доктора и делают тувинцам прививки против быжар-думаа.

— Всем оспу прививают? — спросил Холурааш.

— Конечно, всем. После прививок эпидемия потухает, говорят. Люди не врут, когда говорят, что русские врачи могучие.

Холурааш с женой и сыном ушли в свою юрту.

— Почему так долго тебя не было? — спросила Севил.

— Я не мог оставить больных. Они жаловались на головную боль, озноб, слабость, боли в мышцах, пояснице. И ещё сыпь. Эта сыпь на лице, туловище, конечностях. Когда оспины нагнаиваются, зуд в коже усиливается, больному хуже и хуже.

На другой день Холурааш и несколько соседей отправились к врачу. Он взял себе в седло сына Успун-Доржу. Дочка соседей Долума села сзади Анай. Прибыли на поляну перед утесом, а на ней дом.

— Ох, как у них много окон, все светятся, прямо глаза режет!

Лошади всхрапывали, сопротивлялись, не хотели идти к дому.

— Русским пахнет! — вскрикнула Долума и ухватилась за нос.

— Ш-ш, замолчи, так не говорят! Это лекарства так пахнут.

Холурааш тоже почувствовал какие-то запахи, они напоминали ему приятные запахи лета, богородской травы и еще чего-то.

Из дома выбежала молоденькая русская девушка в белой одежде, сказала по-тувински:

— Манаар, манаар! Бичии манаар! — еще что-то добавила по-русски и, точно овца копытцами, стуча острыми каблуками, убежала назад. Люди зашептались:

— Какая она миленькая. И говорит по-тувински.

Все выходившие из дому натягивали рукав на оголенную руку. Одна женщина выбежала в слезах, из открывшейся двери слышался отчаянный рев ребенка, будто его кнутом секли.

Холурааш сказал сыну:

— Сынок, докажи всем, что ты у меня храбрец!

Успун-Доржу пошел за отцом, а сердце его так прыгало, что, казалось, сейчас выскочит через рот. На табуретке в комнате, куда они вошли, сидел мужчина в белом халате, а белая красивенькая девушка подошла к Успун-Доржу, ласково улыбаясь, обняла мальчика за плечи и подвела к орус-эмчи — русскому доктору. Врач потер белым пушком руку Успун-Доржу, сильно запахло чем-то, похожим немного на запах пихты. Тогда он стал не очень сильно царапать по руке маленьким железным ножичком, остался серенький след. Затем из стеклянной иглы капнул на поцарапанные места три капли воды. Успун-Доржу стоял и ждал, когда же врач начнет резать его. Но этого так и не случилось. Девушка завязала руку тонкой белой материей и погладила по голове:

— Ваш ребенок эр-хей — молодец!

Вернулись в аал. Холурааш вошел в юрту отца. То место, где стояло ложе отца, было

занавешено белой кошмой. Конгур лежал не на кровати, а на полу, на подстеленной кошме, а лицо его было накрыто шелковым хадаком.

— Ах, беда, беда! — причитала бабушка. — Ах, лучше бы на его месте лежала я...

Севил, словно верблюдица, потерявшая детеныша, так протяжно плакала, что хотелось куда-нибудь спрятаться. Вспомнились слова отца: «Из всего сделанного мною значимо только то, что было сделано ради других. В этом подлинный смысл жизни, сынок, — быть полезным другим». И вот он лежит, и ничто его не поднимет. Погасший огонь вспыхнет, а умерший человек не встанет.

Конгура завернули в тонкую белую выделанную кожу, согнутые ноги не стали распрямлять. Вынесли, положили на войлок-волокушу. Севил произнесла прощальные слова, окропляя молоком последний путь умершего сына.

До кладбища Конгура, ушедшего за кызыл-дус, провожали семеро мужчин. Усопшего повезли не очень далеко от аала — в местечко Доргун к большому кусту караганника, к навесам. Положили тело на войлок, под голову — плоский камень, укрыли белой выделанной тонкой кожей сарлыка. Так и оставили на открытом месте. По предсмертному наказу, бубен шамана прикрепили к навесам. Мужчины, проводившие усопшего в последний путь, завернули рукава и ушанки внутрь и отправились домой, ни разу не оглянувшись. Вблизи юрт помыли руки водой с можжевельником.

Поминальный ужин проходил в печали и молчании, которое нарушила Севил своим рассказом:

— У человека объединены два духа. Когда человек живой, то у него имеется один дух. А когда он умрёт, то его дух живёт до сорока девяти дней в том месте, где стоит его юрта. Этого невидимого человека, то есть духа умершего, близкие совсем не замечают. Самое страшное для духа, когда близкие плачут. Слёзы близких, словно льдинки града, бьют по нему. Вот пройдёт сорок девять дней, тогда умерший человек думает про себя: «Что со мной случилось? Почему мои близкие меня не замечают, не обращают на меня внимания? Я умер, что ли?» Умерший человек походит по золе, а там нет следов его ног. «Раз следов моих ног нет, значит, я умер». Осознав это, чистый дух умершего человека отправляется в Верхний мир, а его серый дух уходит в землю. Вот так двойной дух человека разъединяется по смерти».

На другой день Холурааш пас отару недалеко от кладбища. Араты говорили ему: «Когда наступает ночь, там слышится звон шаманских бубнов». Холурааш решил проверить слухи и ночью пошел на старое кладбище в Доргуне, где похоронены мать и отец. Сначала он услышал звон одного бубна, затем — второго, а потом один за другим начали звенеть другие бубны, создавая самые разные мелодии вокруг кладбища. Волнение овладело Холураашем: это умершие души вызывают звон бубнов. Он быстро пошел к аалу.

Картина 9. ЛЕНТА ВРЕМЕНИ

Люди шли за помощью к Холураашу как к потомственному шаману, сыну шамана.

Как-то вечером Холурааш молился у себя в юрте, Анай доила сарлыка. В юрту вошли мать с сыном. Женщина рассказала историю сына. Парень по имени Дамдын был, что называется, дурачком. Он работал сторожем, но начальник уволил его, сказав матери: «Слабоумные нам не нужны». Мать добавила в этой связи, что сын нечаянно спилил дерево в святом месте, после чего последние полгода ему снится один и тот же дурной сон, наутро он встает невыспавшимся и раздражительным, жалуясь на головные боли.

Шаман возложил ладони на голову молодого человека и прочитал про себя лечебные молитвы. Заметил шишку в затылочной области.

— Кто-то ударил по голове?

— Да, мой начальник, когда бывал пьян, бил меня по голове чем под руку подвернётся.

— Травма головы — основная причина недомоганий Дамдына, усугубленная чувством вины за то, что спилил дерево в святом месте. Я постараюсь вам помочь, — шаман уложил парня на кровать и, глядя ему в глаза, говорил: — Я считаю до трёх. На цифре три твои глаза закроются, и ты погрузишься в глубокий сон. Но во сне ты будешь слышать мой голос и погружаться всё глубже и глубже. Раз! Смотри мне в глаза, веки моргают, они тяжелеют. Два! Мои слова благотворно действуют на тебя. Веки наливаются свинцом, в глазах появляется лёгкое напряжение и растёт. Твои глаза начинают утомляться. Они утомляются всё сильнее. Веки продолжают тяжелеть, они слипаются. Глазам хочется закрыться. Три! Закрывай глаза. Выравнивай голову. Слушай мой голос. Отбрось все посторонние мысли. Дыши спокойно, равномерно, глубоко, — Дамдын впал в глубокий транс. Убедившись в этом, шаман стал разматывать ленту времени Дамдына назад. Он говорил: — Туман сновидений окутал твою голову, а лента

времени начинает разматываться назад. Время побежало назад, года побежали назад. Лента времени разматалась до точки, когда тебе 18 лет, ты идёшь по аалу и у тебя хорошее настроение. Я хотел бы знать: этот аал тебе знаком? Ты можешь говорить, и ты говоришь легко и свободно. Я слушаю тебя, Дамдын, — тот ответил, что идёт по аалу Салчаков. — Хорошо, очень хорошо. Посмотри на небо, оно ясное или в облаках?

— Голубое.

— Хорошо. Лента времени продолжает разматываться назад. Теперь тебе двенадцать. Где находишься?

— В чайлагской школе.

— Посмотри, кто сидит рядом с тобой?

— Мальчик.

— Как его зовут?

— Каддар.

Шаман продолжал отматывать ленту времени до тех пор, пока Дамдын не оказался у мамы в матке. Тогда шаман начал разговор с его глубинным разумом:

— Глубокоуважаемый разум Дамдына, я хочу, чтобы, когда Дамдын родится, вырастет и ему будет полных 25 лет, ты сжёг раковое образование на затылке Дамдына. Сколько дней понадобится для исчезновения рака? Один месяц? Или 10 дней? Я слушаю тебя, глубокоуважаемый разум Дамдына.

Последовал ответ из уст Дамдына:

— 15 дней.

— Я благодарю тебя, глубокоуважаемый глубинный разум Дамдына.

Дамдын открыл глаза.

Через 14 дней шаман навел подопечного по месту жительства. Мать показала место, где Дамдын спилил лиственницу, под кроной которой шумел родник. Тувинцы считали лиственницу символом силы. Шаман разложил дрова для костра особым способом, положил на дрова еду, приготовленную Тараа, матерью Дамдына. Попросил её сесть поближе к огню и научил, что нужно говорить во время обряда: просить хозяина здешних мест вернуть разум её сыну.

Костёр разгорался, шаман потихоньку начал бить в свой бубен, оживляя огонь: по мере того как огонь становился сильнее, звуки бубна тоже усиливались и произносились громче молитвы. Эхо уносило эти звуки в горы. Холурааш кружился и бил в бубен, обходя мать и Дамдына со всех сторон. Шаман общался с хозяином этого места и просил вернуть разум человеку, простив ему вину. Хозяин местности согласился. Камлание близилось к концу, огонь угасал, удары колотушкой становились тише, молитвы произносились почти шёпотом. Шаман отошёл в сторонку, положил бубен и привязал колотушку на плетёную змейку своего костюма. Поклонился огню, взял тос-карак (обрядовую ложку с девятью углублениями) и брызнул с молитвами на четыре стороны из неё молоком. Бросил также на четыре стороны пшена, шепча свои молитвы. Сделал три глотка из пиалы с молоком, брызнул чуть-чуть в угасавший огонь и передал пиалу матери, она тоже отпила ровно три глотка и подала чашку сыну, придерживая её, чтобы он нечаянно не уронил. Затем шаман вылил часть молока в огонь, а остатки брызнул на закат солнца. И снова поклонился огню. Сделал вокруг него три круга. Вслед за ним прошли мать и сын. Мать держала руку сына в своей руке, помогая ему держать ладонь над огнём и прося, чтоб здоровье вернулось к нему. Шаман усадил их на место, а сам стал смотреть духовным взором, как хозяин места простил Дамдына с условием, чтобы взамен спиленного дерева тот посадил новое деревце. Шаман передал этот наказ матери.

— Завтра утром ваш сын будет в порядке, только не будите его, пусть он проснётся сам.

Все вместе они подошли к роднику, умылись и положили туда немного еды. Потом вошли в юрту и беседовали. Вечером мать уложила сына в кровать и проводила шамана домой. Наутро Дамдын проснулся, чувствуя себя исцелённым, и рассказал матери, что ему приснился странный сон, будто кто-то приходил к нему и разговаривал, а он не хотел просыпаться, боясь, что его безумие вернётся.

— Не беспокойся, сынок, болезнь больше не вернётся. Так сказал шаман Холурааш. Давай выкорчем корни спиленного дерева и посадим новое.

Так и сделали. Через пару недель нарост на затылке исчез. Дамдын стал нормальным.

Картина 10. КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ТУВЕ

Тувинскую Народную Республику возглавил Монгуш Буян-Бадыргы. Его заместителем стал Ананды. В 1922 году в Кызыл переехало из Турана первое правительство ТНР, Центральный комитет Тувинской народно-революционной партии (ЦК ТНРП), исполком Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК) и райбюро РКП (б).

В столице было больше юрт, чем домов. И Буян-Бадырғы, и Ананды жили в юртах неподалеку от правительственного здания.

В первые годы правительство приняло меры по реставрации старых и строительству новых буддийских монастырей. Было построено более 20 храмов. Десятки лам учились в Тибете и Монголии. Был проведен всетувинский форум лам. Детишки аратов начали учиться в монастырях. Так было до 1929 года.

Не хватало учителей и врачей, хотя открывались школы и медпункты. Правительство ТНР обратилось за помощью к России и Монголии. Началась подготовка тувинских кадров за рубежом. В 1924 году первая группа юношей и девушек отправилась на учебу в Монголию, затем в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) в Москву. Дети аратов стали учиться в Ленинграде, Иркутске, Улан-Удэ, Ойрот-Туре и других городах России. Там подготовили специалистов для сельского хозяйства, учителей, медработников. А военные кадры воспитывались в училищах Томска и Тамбова.

Наступил тревожный 1929 год. В соответствии со специальным решением Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии (ЦК ТНРП) была объявлена чистка её рядов. Если во властных органах попадались люди, в прошлом богатые, их исключали из партии, увольняли и объявляли врагами народа, в чье число попал и Буян-Бадырғы. Два месяца работала комиссия по партийной чистке, переезжая из сумона в сумон.

На VIII съезде ТНРП решили конфисковать имущество феодалов, чтобы навсегда сломить их. Хурал принял план хозяйственного и культурного строительства. Постановил создать тувинскую письменность, укреплять братскую дружбу с Советским Союзом и идти по пути марксизма-ленинизма.

В столице Тувы разгорелся острый спор по поводу того, какой алфавит положить в основу будущей тувинской письменности. Одни предлагали — русский, другие — латинский. В русском алфавите не было букв, передающих три специфических звука тувинской речи, похожих на русские «о», «н», «у». Нашлись специалисты, в совершенстве владевшие русским и тувинским языками, и разработали тувинский алфавит на основе кириллицы. Но одновременно был создан тувинский алфавит на латинской основе. За это дело взялся лама Верхнего Чаданского хурээ Лопсан-Чимит Монгуш, получивший высшее образование в Тибете.

28 июня 1930 года вышел Декрет о тувинской государственной письменности на основе новотюркского латинизированного алфавита¹. Во всех городах, кожуунных центрах и сумонах были созданы курсы ликвидации неграмотности. Так началась культурная революция в Туве. Стала формироваться тувинская интеллигенция. Появилась первая газета «Тувагийн унэн». Также стала выходить на русском языке газета «Тувинская правда».

Как молния с облачного неба, как огонь по сухому селу, распространилась в народе весть: вновь появилась тыва бижик! Так называлась давно вышедшая из употребления древнетюркская руническая письменность, бывшая в ходу в Туве после покорения «лесных народов» старшим сыном Чингис-хана Джучи (1207). Тыва бижик — этими волшебными словами были околдованы каждый кожуун, сумон, арбан, каждое стойбище, каждый аал и юрта... от мала до велика. Говорили: «Бижик — это значит видеть глазами слова, которые слышат ушами. Вот в чем волшебство».

Заволновались араты Монгун-Тайги. Собирались группами, удивлялись, обсуждали:

- Трудно ли выучиться бижик?
- Говорят, девять лет надо.
- Моя бедная головушка не выдержит!

Работа по внедрению тувинской письменности забурлила, словно молоко в котле. Учителей готовили на специальных курсах в Кызыле и Шагонаре. В селах открылись пункты ликвидации безграмотности (ликпункты), красные уголки. Каждый аал, стойбище стали школой. Учителя выезжали в арбаны, аалы, юрты. Летом 1931 года появились чайлаг школалары — кочевые школы на летних пастбищах. Они помещались в юртах. Занятия проводились под открытым небом.

— Надо же, тувинская письменность появилась! Буду изучать тыва бижик. Буду читать и писать на родном языке! — с радостью сообщил жене Холурааш.

— Неграмотный как немой. Учись, Холур, потом и нас научишь. Без знаний и утро ночь, — горячо поддержала мужа Анай.

Однажды Холурааш и Амыр прибыли на летнее стойбище аала Опана. Башкы (учи-

¹ Через 11 лет, 16 июля 1941 года, был введен новый алфавит на кириллице из 36 букв, 33 из которых полностью совпадали с буквами русского алфавита, а дополнительные три передавали особые звуки тувинского языка, похожие на русские «о», «н» и «у».

тель) Седен отрывал по листку из тетради и раздавал аратам с маленьким карандашом. Каждый учитель мог получить лишь один карандаш, который аккуратно делился на несколько частей. Опоздавшим аратам не хватало карандашей. Но голь на выдумки хитра. Араты брали деревянную дощечку, одну её сторону обмазывали маслом и посыпали чистой золой, потом заостряли палочку в виде карандаша.

Учитель писал на листочках задания, а ученики старались «изобразить» то, что требовалось. Холуру, который даже не слышал о карандаше и бумаге, было непривычно держать их в руках. Учитель говорил:

— Смотрите, вот значки. Каждый знак имеет свое значение, как тавро на лошадях. Люди, взглянув на тавро, знают, кто хозяин лошадь.

— У лошади Комбуя из рода Хертеков тавро в виде топора...

— Вот-вот. Значки надо узнавать так же, как тавро. Сегодня заучим для начала пять, — Седен касался палочкой то одного, то другого знака и тянул нараспев: — А-а-а. Э-э-э. И-и-и. О-о-о. У-у-у.

Все повторяли за ним:

— А-а-а. Э-э-э. И-и-и. О-о-о. У-у-у, — и писали.

По поручению старосты сумона самые активные араты кормили учащихся по очереди. К обеду добровольно пришедшие повара кипятили на большом чугунном котле воду и кричали:

— Учащиеся! Вода вскипела, варите мясо!

Все развязывали свои узелки с мясом: говядина, баранина, козлятина, конина. Холур с Амыром приносили мясо дичи, свои куски помечали палочками и бросали в кипящий котёл.

Днем учитель учил детей и стариков, а вечером при свете лучины или костра учил тех, кто днём был занят на работе. Ночью спали на кошме юрты, не снимая одежды. Пока Амыр спал, Холурааш и там учился.

— Редкий человек бижик выучит, наверно, дарга?

— Не надо говорить, что редкий человек выучит. Азбуку выучить легко. Она создана людьми для людей, — улыбаясь, ответил башкы Седен.

Молодая девушка, стесняясь, спросила:

— Это труднее, чем простегивать войлок, дарга?

— Сколько дней ты стегаешь войлочный ковер?

— Примерно месяц.

— Я в кожууне учился десять дней. Теперь читаю и пишу. Ведь всего тридцать букв. Почему бы человеку не запомнить за день где-то пять-шесть букв? Ведь вы наизусть знаете поголовье своего скота.

Выходит, любой учащийся, одолевший букварь, мог называть себя башкы — учителем. Каждый выучившийся грамоте учил остальных.

— Хо-о! — удивилась девушка, — Тогда есть смысл.

— Ничего трудного. Вы все скоро станете грамотными. Без письменности не сможем построить новую жизнь. Да здравствует тувинская письменность! Араты, давайте учиться тыва бижик!

Седовласый старик покачал головой:

— Наш дарга умный, черт!

— Как называется вот эта буква, похожая на колечко? — спросила молоденькая Биче-кыс.

— Это «о».

— А вон та, как червячок?

— Это «з».

— А у этой и хвост есть, дарга?

Араты замеялись.

— Без хвоста никто не бывает. Лошадь, корова, овца, коза. У верблюда короткий хвост. Вот буква «у» — тоже с хвостиком.

— А буквы тоже бывают маленькими и большими, как хвосты?

— Конечно. Все в мире делится на маленькое и большое. Так и буквы.

— А вот ягненок, у которого на брюшке чокпек — какая эта буква?

— Это маленькая «а».

— Как называется буква, похожая на верхнее отверстие юрты?

— «О».

— А эта, похожая на брошенный аркан?

— «Р». И числа тоже есть.

Араты учились не только писать, но еще и арифметике. Этот предмет назывался — тумен бойдус. Седен начертил цифры до десяти. Араты сгрудились возле него и молча изучали.

— Эта цифра остра, как копьё, — сказал Холурааш.

- Это цифра один.
- А это что за цифры, похожие на петли?
- Та, что вниз петлей — цифра шесть, вверх петлей — девять.
- А цифра, круглая, как колечко?
- Это ноль.
- А это что за цифра, похожая на лебедя, сидящего на воде?
- Это цифра два.
- А цифра, похожая на муравья?
- Это восемь.
- Вообще-то нетрудно запомнить буквы и цифры, — переговаривались араты. —

Давайте учиться.

Люди помогали друг другу, старались не отстать. За два месяца тридцать человек разного возраста, среди них Холурааш и Амыр, усвоили алфавит, научились читать по слогам, сносно писать. На уроках башкы рассказывал аратам также о разных странах мира, объяснял цели и задачи революционной партии. Учеба походила на путешествие в сказку.

Перед отъездом в красную юрту привезли газету. Холурааш увидел знакомый портрет. Водя пальцем по буквам подписи, прочел: Ленин. Не веря, еще раз прочел имя человека, который дал счастье аратам. Первые изданные на тувинском языке книги — это «Букварь» и «Учитель Ленин».

Уходя, учитель сказал:

— Я иду учить людей на другой чабанской стоянке. Дальше учитесь дома сами и учите других.

Холурааш приехал в свой аал и стал учить других тому, чему научился сам. Приготовил деревянные дощечки, палочки, большие листы фанеры, на которых можно писать буквы. Араты к нему обращались, как к учителю Седену: «Дарга». Дарга Холурааш, как и башкы Седен, учил сразу пяти буквам. Палочкой указывал на значок на листе фанеры и тянул нараспев:

— А-а-а. Э-э-э. И-и-и. О-о-о. У-у-у...

Холурааш применял метод — сравнивать начертание букв и цифр с животными, предметами, птицами. Весело и быстро араты запоминали уроки по методу Холурааша.

У аратов не было ни бумаги, ни карандашей, поэтому, чтобы закрепить знания, писали, где возможно: на плоских камнях, на деревьях, кошарах, шкурках животных, на влажной земле, на белом снегу между аалами.

Ученики Холурааша загадывали друг другу загадки:

— На войлочный ковер высыпалось просо, но все по рядам. Что это?

— Буквы на бумаге.

Вместе пели:

*Октября хувискаал
К нам пришла из России.
Как избавиться от гнета,
Показал арат русский.*

Со временем в продаже появились дешевые и яркие ситцы, бумага и карандаши. Соседние юрты и аалы начали писать письма друг другу. Парни пишут, чтобы попросить на время коня. Женщины пишут, чтобы попросить кусок чая. Анай пишет Холураашу: «Шлю тебе горячий привет! Несмотря на дальнейшее расстояние, эта белая бумага станет моим лицом, этот черный карандаш — моим языком...»

Картина 11. ШАМАН – ВРАГ НАРОДА

Революционные процессы шли в аалах, сумонах, юртах и меняли вековые традиции. В аале Холурааша была создана коммуна. Секретарь Монгун-Тайгинского комитета партии Долдаш собрал аратов аала, холодно оглядел сидящих на лугу людей и спросил:

— Тут есть такие, кто носили чинзе (шишки) или шаманили? — араты молчали.

Голова Холурааша вздрогнула после вопроса дарги Долдаша. Он не посмел поднять глаза на народ. Долдаш добавил: — В коммуну не должен войти ни один феодал, чиновник, лама, шаман. Это указание сверху.

Холурааш тихо встал и пошел прочь. Придя домой, лег на кровать, повернувшись лицом к стене юрты. «Что я плохого сделал? Как потомственный шаман, лечил людей. Теперь об этом совсем забыли», — думал он. Зашла бабушка Севил:

— Ты заболел, внук?

— В коммуну не должен войти шаман. Приносил пользу народу, а сейчас никому не нужен.

— Не забывай народную мудрость, Холурааш: не унывай, когда трудно; не спеши,

когда круто.

— Не всякий горбатый — верблюду.

— Без коммуну проживем. Не увидев горы, не откидывай полы. Не увидев воды, не снимай сапоги. Время покажет.

Холураашу вспомнилось, как недавно он был в Чадаңе по вызову к больному и заглянул в Верхний хурээ — прославленный чаданский монастырь. Деревянные ворота были распахнуты и поскрипывали от ветра. По двору, шурша, скользили смятые, порванные листы священных книг, разрубленные пашкой статуэтки. Ни во дворе, ни в избах, где жили ламы, не было ни души. Двери всюду сорваны с петель или косо висят, отвечая жалобным скрипом на порывы ветра. Холурааш растерянно озирался: «Кто это сделал?»

Дверь юрты открылась, и вошел Успун-Доржу, который был уже совсем взрослый. Холурааш сказал сыну и бабушке:

— Меня очень беспокоит то, что начали разрушать храмы-монастыри и арестовывать лам и шаманов. Меня тоже могут арестовать. Если такое случится, то вы слишком не переживайте. Все знают, что я шаман потомственный. Шила в мешке не утаишь. Отнеси мой бубен в пещеру Чер-Аксы, сын.

— Сделаю, папа, как ты сказал.

— Повторяю тебе, сынок, что мне наказывал мой отец: не забывай, кто ты и откуда ты.

— В незнакомых аалах спрашивают меня: «Откуда родом? Чей сын?» Услышав ответ, люди хвалят деда и тебя, отец, что вы много людей вылечили, трудные роды принимали.

— Ой, молодец, Успун-Доржу! Войлок растягивается, человек растет, — похвалила правнука Севил.

— Я горжусь своими предками. А что еще самое главное? — спросил сын.

— Главное — это душа человека, сын. Душа человеческая — это дух и мысль. Прежде всего надо быть человеческим.

— Как узнать это человеческое?

— Ты живешь среди людей. У каждого свои человеческие заботы, тревоги, мысли, переживания. Уважай это в каждом и научись быть человеческим. У тебя будут свои дети. Учить и воспитывать детей — значит учить человечности. Умей жалеть и любить, сынок, и закаляй волю. Надо тонко чувствовать три вещи: «можно», «нельзя» и «надо». Кто чувствует эти вещи, тот имеет чувство долга. Живи и трудись так, чтобы Родина гордилась тобой.

— Что такое Родина?

— Родина — это земля твоих предков. Люби ее, как мать. Родине больно, как матери, если сын стал плохим человеком. Плохой — это ленивый, бессердечный, слабовольный, лицемерный, нечестный человек. Запомни, сынок: от работы убежишь — в нужду попадешь, от знаний убежишь — ошибку совершишь.

С мая 1931 года в Тувинской Народной Республике проводилась конфискация собственности баев и их депортация с родовых территорий в другие кожууны. Бывшие батраки приехали в аал бая Кара-Чейзен и стали описывать скот. Пьяный чейзен бросал им ядовитые слова:

— Что это, вы, паршивцы, выдумали? Разве вас, нищих, не я поил и кормил?

— Не забудьте, чейзен, пословицу: валежник, и тот когда-нибудь перевернется. Вот и пришло наше время.

— Вот как залаяли собаки, кормленные мной.

Жена чейзена пальцы кусает, чтобы не зареветь. Кроме составителей описи скота, пришли составители описи имущества. Они переписывали всё, что было в юрте.

— Шкуры сурка, лисы и волчьи шкуры... — перечислял Балдып, наслаждаясь испугом баев. — Сквозь ноздри продета веревочка. Висят связанные десятками. Ой, много! Шелка и мануфактура китайская, шубы, шапки... Седла, серебром отделанные... Если отсюда что-то пропадет, то вам плохо придется, — пригрозил Балдып. — Все это добро конфискуется государством.

Баи уничтожали свое добро, прятали его, женили несовершеннолетних детей и делили между ними скот.

Отобранный скот распределяли по аалам для выпаса. Потом его стали отдавать по десять голов бедным. Возникло много вопросов, от которых болела голова сумонного и арбанного начальства. Некоторые бедняки, услышав о выдаче скота, забивали своих коров и овец на мясо, чтобы получить дармовых. Но постановление правительства, предписывавшее строго учитывать количество скота у населения, выполнялось неукоснительно. Поэтому такие хитроумные перехитрили самих себя и остались ни с чем. В целом оказалось, что в Монгун-Тайге мало кто нуждался в дополнительном

скоте, поэтому государственный скот распределяли по дворам для выпаса. Позже он стал «скотом госэкономов». Стада созданных в Туве первых государственных сельскохозяйственных предприятий — «госэкономов» — состояли из байского скота.

Все богатые люди были высланы в другие кожууны.

В аале Холурааша описали все имущество и скот. Холураашу оставили двух сарлыков, десять голов мелкого скота (овец и коз) и одного бычка. Потомственный шаман ко всему относился спокойно, никому не перечил. Но однажды ночью пришли вооруженные люди во главе с секретарем комитета партии Долдашем и увели Холурааша.

Успун-Доржу вышел из юрты. На фоне темного неба вокруг бесновалась шальная метель. Среди воя метели Успун-Доржу услышал голос отца, услышал не ухом, а сердцем: «Родина — это земля твоих предков, сынок. Береги ее, как мать».

Конфисковали всё имущество Холурааша вместе с юртой, забрали скот, коня Эмдик-Ой, семье оставили одного сарлыка-вола, десяток овец и коз.

— Бабушка, как же мы будем жить без отца, без юрты? — спросил Успун-Доржу.

— Ничего, Успун-Доржу. На свете ничего не бывает гладко. Запомни пословицу: деревья ветер волнует, правду народ подымает. Отец вернется.

— Моего коня Эмдик-Ой забрали. Меня как сына «врага народа» исключили из чайлагской школы.

— Не унывай. Отец тебя научил читать. Учись дальше самостоятельно всему, не поскользнешься и на месте не будешь стоять. Не грусти, что забрали вашу юрту. У меня будете жить. Назло всему надо выжить. Однажды время станет другим.

Как вчера, Успун-Доржу помнит отца, сжимающего свои камни в переплетенных пальцах рук. Камней было 41. Вот что-то шепчет над ними, раскладывает и перекладывает в три ряда, меняя расположение по своей особой системе. О результатах гадания отец говорил иносказательно, кто мог понять — понимал. Был непревзойденным мастером по гаданию на бараньей лопатке. К нему стояла очередь из людей, потерявших скот.

Хорурааш лечил людей собственными снадобьями. Рано утром отец с сыном собирали травы с росой. Перед тем как брать траву, шаман сперва благословлял ее нужными словами и пробовал корень травы. «От любой болезни в природе непременно существует растение. Надо только знать какое и уметь его приготовить», — утверждал он.

А вот лежат добытые и обработанные отцом сушёная кровь горного дикого козла, желчь кабана, мумиё, кабарговая струя, жир и желчь тарбагана, коготь медведя. Успун-Доржу вспомнил, как с отцом ездили за тарбаганами. Жир тарбагана (сурка) применяется при заболеваниях верхних и нижних дыхательных путей, для заживления ран, а желчь — при заболеваниях полости рта, горла, глаз, желудочно-кишечного тракта, суставов.

Успун-Доржу вспомнил, как однажды на охоте отец с вершины горы указал в ту сторону, где бежали два волка: один матёрый, другой молодой. Молодой нёс на спине зарезанного козлёнка, держа зубами за ногу. Матёрый волк бежал позади. Успун-Доржу вместе с Мойнаком бросился спасать козлёнка. Увидев собаку и людей, старый волк догнал молодого, выхватил у него козлёнка, перекинул себе на спину, и оба волка прибавили ходу и скрылись из глаз. Отец тогда сказал: «Волк очень умный. Когда пришла беда, старый оставил ученье и сам взял козлёнка».

Как-то раз обидели Успун-Доржу, отец спросил: «Обидели? Теперь думаешь о мести? — и тут же добавил: — Сколько зла тебе причинил человек, столько же добра ты должен сделать ему».

Когда Успун-Доржу сказал прабабушке: «Ненавижу Долдаша, арестовавшего папу», — та ответила: «Забудь о нём. Ведь отец учил тебя спокойно относиться к обидчикам».

Картина 12. ОГНЕННАЯ ТЕЛЕГА И ЖИВЫЕ КАРТИНЫ

До аала Холурааша доходили какие-то странные слухи, будто бы в Чадане, в Овуре появились огненные телеги. Это автомобили и трактора.

— Я их своими глазами видел, эти огненные телеги! — похвалялся Хаважык, сын охотника. Анай и Севил подойники побросали, слушали с открытыми ртами, ахали и всплескивали руками. Слушал и Успун-Доржу, хотя делал вид, что занят своей ступкой, в которой толок тарау (ячмень). — Копыта у этих телег точно брюхо огромного удава. Протянул я руку, чтобы потрогать, а она как пыхнет жаром!

— И-ий! — завизжала Анай. — И правда огненные!

— Огненные! — кивал Хаважык. — Внутри в ней, как в кипящем чайнике — пыхтит, свистит.

— А ты не врешь, парень? — спросила мудрая Севил. — Где это видано, чтобы телега пыхтела, будто живая?

— Я вру? — у Хаважыка от возмущения даже уши покраснели. — Да спросите жену Чамбала, она вам порасскажет! Она говорила, что русские посадили Чамбала на огненную телегу прокатиться. И его начало после рвать.

— Ай, беда-беда, страх какой! — причитали напуганные женщины.

— Днем, когда огненная телега подбежала к юрте Баву, лошади и сарлыки в загоне перепугались, проломили изгородь и умчались в степь.

— И никого в аале не было, чтобы их перехватить? — заахала Анай.

— Одна старуха в юрте была, и та от страха шубой накрылась и лежала как мертвая, — нашелся Хаважык.

— Бедная, — пожалела Севил.

— Ты все услышал, мальчик? — глядя на Успун-Доржу, спросил Хаважык.

Тот промолчал, сглотив обиду. Как он завидовал сейчас Хаважыку, его нарядному халату, хорошему коню под ним, тому, что он старше его и свободен. Ему очень хотелось увидеть огненную телегу!

Приехал Балдып.

— Огненную телегу вы видели? — спросила Анай у него.

— Конечно видел.

— Возьмите с собой меня, дедушка, очень хочу увидеть огненную телегу, — попросил Успун-Доржу.

— Хорошо. Птенец оперится — всюду полетает, ребенок вырастет — везде побывает. Я возьму тебя. Конь для Успун-Доржу есть?

— Ни одного коня нам не оставили.

Пока Успун-Доржутрудились, Балдып попросил коня у друга. Дальние родственники, соседи дали на временное пользование седло, потник, аркан, конские путы, уздечку, недоуздок.

— У подножия Большой Монгун-Тайги на берегу реки Мугур находится аал твоей двоюродной бабушки Севил — моей тетки. Она из рода Каксаан-Иргитов, вышла замуж за Бурушкака из рода Салчаков. Обязательно заезжайте к ним, Балдып. С их детьми познакомитесь, — покуривая трубку, сказала Севил. — Близки вершины двух гор, а не сойдутся, далеко два человека, а встретятся.

Путники отправились в дорогу верхом на лошадях. От ожидания таинственного Успун-Доржу радовался, тихонько напевал:

*Ум одинокий покоя не знает —
Все потому, что других обгоняет.
Горный поток остановки не знает —
Все потому, что излучи срезает.
Человек рождается не конным, а пешим,
Не вдвоем с подружкой, а одиноким...*

Балдып ехал молча, и Успун-Доржу тоже замолк.

Мягким зеленым ковром расстилались сочные травы, луга тянулись бесконечной чередой. Сколько вокруг чудесных полевых цветов: голубых, оранжевых, фиолетовых! Небольшие чистые речушки неслись вниз с горных вершин, покрытых ледниками. Оттуда тянуло прохладой, и было приятно ощущать ветерок и подставлять ему грудь и щеки. Как хорошо жить здесь под этим бездонным синим небом, под этим щедрым золотым солнцем, среди запахов лугов и гор! Сердце замирало в восторге, Успун-Доржу был счастлив.

Показалась Большая Монгун-Тайга со сверкающими ледниками. Путники увидели аал на берегу реки Мугур — аал Бурушкака Салчак и Севила Каксаан-Иргит. Здесь стояли три юрты, словно три ножки ожук — очага. Залаяли собаки. Быстро спешившись, привязали коней к коновязи. Балдып стащил с седла таалын — перекидную суму. Зашли в юрту.

— Амыр менди! — дедушка и бабушка протянули Балдыпу и Успун-Доржу руки ладонями вниз, а они поздоровались ладонями вверх.

— Кто вы? Откуда? — внимательно разглядывая гостей, спросил хозяин юрты.

— Это сын Холурааша Успун-Доржу из рода Каксаан-Иргитов, а я его дедушка Балдып. Едем из Моген-Бурена Биче Монгун-Тайги.

— На отца похож. Войлок растягивается, человек растет. Значит, вы родственники моей жены. Молодцы, что приехали. Сейчас познакомитесь с нашими детьми. Дружите с ними. Дружба силу множит, опора крепость даёт. Любовь братьев крепче скалы.

— Гостю — честь, а хозяевам — гостинцы, — вытаскивая из таалына вареное мясо, когээржик (фляжку) с аракой, материю, — сказал Балдып.

— О, да дай им! Что это у вас такое? — обрадовалась подаркам хозяйка Севил, тезка прабабушки Успун-Доржу.

— Так и знал, что гость будет: с утра у жены нижнюю губу дергало.

Маленькая, шустрая Севил никогда не перечила мужу:

— Да, я говорила. Но я не ждала сына Холурааша с дедушкой, — Севил налила гостям чаю, подала обеими руками, подвинула еду. — Проголодались, наверное, ешьте. Я сбегаю к соседям, — и проворно вышла.

Бурушкак поинтересовался:

— По каким делам приехали?

— Познакомиться с родственниками, да еще внуку огненную телегу показать хочу.

— Об огненной телеге и у нас говорят. Такому молодцу, конечно, надо показать.

Вернулась Севил, достала пиалы и подала мужу:

— Соседей позвала, придут сейчас. Наши дети там играют в кажык и шахматы.

Вскоре вошли старик со старухой, бодрые такие. Севил засуетилась:

— Айт, проходите на дор, — (почетное место), — кому, как не вам, занимать его, — за руку провела сперва старика, затем старуху. — А дети почему не пришли?

— Потом придут.

Бурушкак бережно разлил араку, первую пиалу подал жене. Она, по обычаю намочив указательный палец, побрызгала аракой на четыре стороны и в огонь. Потом пустила пиалу по кругу, каждый пригубил вино, последним выпил хозяин. Балдыпу и Успун-Доржу налили отдельно, но они отказались.

Открылась дверь. Вошла молодежь. Все несмело поздоровались. Хозяин юрты представил их:

— Это старший сын Метпээ с женой Кулак. Дочери Сенмит и Ошку-Саар. Сыновья Хунан, Молдурга, Бызаа. А Биче-оол пасет отару.

— Из Моген-Бурена приехали мои родственники Каксаан-Иргиты — сын Холурааша Успун-Доржу и его дедушка Балдып, — сказала Севил.

— Вот и познакомились. Пожилые остаются в юрте, а молодые идите в соседнюю юрту, там поиграйте, — строго сказал Бурушкак.

Все молодые вышли из юрты подышать свежим воздухом. Вечер был ясен и прохладен. Ветер доносил с гор приятный запах, отдающий смолой и диким луком. Все вошли в юрту.

— Почему вас всех называли именами животных? — поинтересовался Успун-Доржу.

— Все так спрашивают. Это всё папа, — ответил Бызай-оол. — Я теленок. Хунан — теленок яка на третьем году. Это Молдурга — теленок яка на втором году. Ошку-Саар — козодойка. Она на самом деле любит коз доить.

— А я ревсомолка, — сказала симпатичная Сенмит.

— Так даже хорошо, вас ни с кем не спутаешь. Что с рукой? — спросил Успун-Доржу у Молдурги.

— В детстве повредил руку, так и срослась.

Начали играть в кажык и шахматы. Успун-Доржу первую партию проиграл Хунану, но вторую — выиграл. Вдруг сверкнула молния, послышался отдаленный удар грома, и вскоре дождь лил как из ведра.

Все легли спать на кошме вокруг остывающего очага в юрте.

Проснувшись утром, Успун-Доржу удивился. В юрте, кроме него, никого не было. Он осторожно встал, оделся и вышел из юрты. В безоблачном небе солнце играло золотыми лучами так ярко, что Успун-Доржу невольно зажмурился. А природа ликовала после ночного дождя. Поля и луга были как умытые. Качали головками под ветерком степные цветы, взмывали в небо жаворонки. Где-то далеко расплзались последние клочья тумана. У подножия горы на широком лугу паслись отары овец, стада сарлыков, табуны лошадей.

В соседней юрте бабушка уже давно сварила чай и поставила чайник около очага, чтобы не остыл. Завтрак был готов. Старики, видимо, встали рано.

— Зайдите к нам в юрту и попейте нашего чайку, — навстречу Балдыпу вышла невестка Кулак и пригласила гостей. — Проходите на почетное место!

Они сели у очага на кошме. Кулак налила в пиалы душистый зеленый чай с молоком сарлыка и подала обеими руками поочередно гостям. Поставила перед ними сырбыштак, ааржы — сушеный творог, свежее ореме — пенки, далган — прожаренную ячменную муку.

Она забросала их вопросами: как живут родители с бабушкой, как здоровье?..

После беседы и угощения путники попрощались и двинулись дальше.

— Скоро увидишь огненную телегу, — сказал Балдып.

Впереди клубится пыль. Цокают копыта лошадей, кричат всадники. Перед скачущими людьми движется какое-то животное из железа, оно кашляет, пыхтит,

чихает, скрипит, из него идет дым! Точно как рассказывал Хаважык.

— Что за чудовище такое? — спросил Успун-Доржу у Балдыпа.

— Это огненная телега — трактор.

В кабине сидит смеющийся человек, крутит черную баранку. Успун-Доржу увидел морду огненной телеги: выпучены горящие глаза, закушена зубами железная перекладина, пышут жаром шершавые ноздри. Телега на ходу дымит.

Но вот трактор остановился, все смолкло. Из груди чудовища вылез человек. Жители аала облепили трактор. Маленькие дети расплакались. Путники спешили, подошли к трактору. Успун-Доржу принюхался — пахнет жженым копытом. Ощупал «сердце» трактора, отдернул руку — ой, как горячо! А колеса у чудовища — точно рога у матерого горного барана, спина — плоская.

Один старик восхитился:

— Четыре лапы, два глаза!

Старуха заглянула под трактор и, увидев, как оттуда капает вода, известила людей:

— Дети мои, да это женщина!

Народ восхищался и любовался трактором: весь из железа, из маленькой трубы идет дым. Тракторист выглядел настоящим молодцом. Одет он был в комбинезон, длинные сапоги.

— Это огненная телега? — спрашивали люди.

— Да, это огненная телега — трактор. Чай не успеешь сварить, как он обработает поле, где может поместиться отара овец, — объяснял тракторист.

— Интересно, как этот зверь будет пахать?

Попинав колеса, тракторист проверил сзади два плуга, сел на сиденье, завел машину, газанул, мотор взревел.

— Дорогу! — закричал.

Трактор тронулся с места. Всадники и пешие бросились вслед за ним.

Успун-Доржу размышлял: «Будет, что рассказать друзьям, бабушке и маме».

— Ты понял, Успун-Доржу, что трактор нужен для земледелия?

— Да. Но основное богатство Монгун-Тайги — скот: овцы, козы, сарлыки, лошади.

Там земледелием никто не занимается.

— С тобой согласен. Из-за сурового климата в Монгун-Тайге земледелием не занимаются. Но время покажет. У нас тоже огненные телеги появятся.

Путники продолжили свой путь до Кызыла.

— Кызыл — центр всех кожуунов и округов, там находятся все главные руководители аратской партии. У меня есть красный партийный билет. Меня вызвали, — сказал Балдып. — Остановимся на ночлег у моих знакомых русских.

До Кызыла было два дня пути. Показалась деревня. Спешились у избы. Их приняли с радостью. После чаепития хозяин пригласил гостей в баню.

Отродясь не бывал Успун-Доржу в бане, знать не знал, что это за штука такая. Балдып привел его в темную, жаркую и душную избу, велел раздеваться. Там нагишом уже мылся хозяин. По велению дяди, стесняясь, Успун-Доржу снял с себя одежонку. Дядя намылил его с головы до ног, обдал из шайки теплой водой. Глаза дерет, но ладно, надо терпеть. Едва стерпел Успун-Доржу все это и решил, что мученьям его пришел конец. Не тут-то было!

— Ты куда? — окликнул его Балдып и, ухватив за руку, поволок за собой в другую половину бани, плотно прикрытую дверью. Там, за дверью, нечем было дышать и куда-то под самый потолок вели ступени. Жар, пар — ничего не видать. Балдып с другом затащили Успун-Доржу за самый верх.

— Дедушка, помираю! — взмолился Успун-Доржу и попытался сползти вниз.

— Лежи! — удержал его Балдып и давай хлестать веником...

Вышел Успун-Доржу из бани — чудно! Теплынь, солнце светит, а его холодит. Да хорошо так, приятно. И легкость во всем теле, будто похудел сразу. И одежда вроде свободней стала. Лег в землянке на топчан — и вставать неохота. Словно на качелях качает. И в сон клонит. А ничего, однако, штука-то эта — баня. Не заметил, как и заснул...

— Вставай! — вернул его к действительности голос деда. — Едем в Кызыл.

Жена русского крестьянина позвала путников к столу, нарезала большими ломтями белый хлеб и свиное сало. Сало Успун-Доржу показалось очень соленым, зато чай со смородиновым вареньем пил с удовольствием. Угостившись на славу, они засобирались. Друг деда вынес им две большие ковриги. Успун-Доржу взял в руки одну — хлеб был еще горячий.

К вечеру следующего дня подъехали к Кызылу. Успун-Доржу, взглядевшись, различил два двухэтажных здания среди сереньких домиков, юрты, кусты караганника, столбы с проволокой.

— Пойдем прямо в дом ЦК, — сказал Балдып. Вошли в здание. — Амыр-ла! — улы-

баясь, Балдып протянул руку человеку, сидевшему за столом.

В комнате было тепло. В углу стояла огромная, до потолка, черная бочка. Дежурный подошел к ней и, прикоснувшись ладонями, предложил:

— Погрейтесь. Закоченели, наверно?

Балдып обнял бочку. Успун-Доржу прижался к ней спиной. Бочка была горячая.

— Что за странный свет? — показывая на пузырьки на шнурке, спросил Успун-Доржу.

— Это и есть электричество, — объяснил Балдып. В пузырьке не было масла, огонек сиял сам по себе, не мерцая. — Пошли в столовую.

Следуя за Балдыпом между столами, за которыми сидели чисто одетые люди, Успун-Доржу с удивлением оглядывался. Сели за свободный стол. Молодая, красиво одетая женщина принесла им две тарелки горячего супа. Балдып взял стоящую на столе маленькую табакерку, потряс над своей тарелкой, оттуда закапало что-то густое, желтое.

— О, вот это самое подходящее угощение для того, кто замерз! — он принялся с удовольствием хлебать суп. Успун-Доржу последовал примеру деда — потряс табакеркой над тарелкой. Но едва он проглотил первую ложку, как чуть не подскочил:

— Что это за суп? Рот обжег!

— Это «харчиса». Хорошее лекарство от простуды, весь мороз выгонит.

Преодолевая жжение во рту, Успун-Доржу принялся глотать суп, не в силах сдерживать слез.

— Ноги у меня уже запылали, вот так снадобье! Как бы не сгореть от него совсем. О-ох! — застонал он, вытирая слезу, катившуюся по щеке.

Убрав тарелки, женщина принесла им мяса, приправленного пшеном и луком, и еще по два стакана горячего чая. Балдып и в мясо стал трясти желтую глину из табакерки, но Успун-Доржу сказал, что с него, пожалуй, хватит.

— Пойдем смотреть дириг чурук¹, — сказал Балдып и повел племянника в ойнаар-бажын².

Они вошли в комнату, где сидело много народу, а на стене висело белое большое полотно. Все переговаривались. Заработал электродвижок. Погас свет. Белое полотно ярко засветилось, оттуда помчалась конница. В одну секунду Успун-Доржу нагнулся, закрыл голову руками, чтобы спастись от копыт бешено скачущих лошадей. Послышался дружный смех зрителей. Опустив руки, приоткрыл глаза и увидел, что все сидят, как сидели, только он струсил. Балдып ему шепнул:

— Сейчас смотри, неопасно.

После кино Балдып нашел Кочетова:

— Сергей Кузьмич, моего Холурааша арестовали. Как узнать, что с ним?

— Это тот родственник, который присутствовал на Великом хурале?

— Да. Как шаман, он только пользу людям приносил.

— Сейчас спрошу у знакомого дарги. Ты не ходи со мной. Если узнают, что ты его родственник, то тебя тоже посадят в тюрьму. Время такое, понимаешь? — Кочетов вскоре вернулся и сообщил: — Твой родственник-шаман Холурааш ждет суда в тюрьме Кызыла, а после суда его отправят за пределы Тувы.

— Можно ему передать еду?

— Можно. Давай мне, я отнесу.

Балдып с племянником пустились в обратный путь.

Холурааш в это время ждал в тюрьме своей участи. Поначалу каждый день его вызывали на допрос.

— А ну-ка, покажи этих албысов-шулбусов — чертей и духов своих!.. Ты почему обманывал народ, пудрил людям мозги?

— Я не обманывал. Я лечил людей, принимал роды.

— Ты хотел вернуть феодальный порядок? Хотел обратить вспять хувискаал в Туве?

— Нет, дарга. Я поддерживал и поддерживаю хувискаал — революцию.

— Ты хотел присоединить Туву к Японии?..

Картина 13. ТУВА РЕВСОМОЛЬСКАЯ

В конце августа в Монгун-Тайге начинало холодать. «Араты уже перекочевали, наверное, на кузег (осенние пастбища)», — подумал Успун-Доржу. Ему казалось, что совсем недавно в середине июня монгун-тайгинские араты перегоняли скот на чайлаг (летние пастбища). Вместе со всеми он ликовал. Как не радоваться новым впечатлениям, конным путешествиям по берегам рек и в горах, скачкам, состязаниям

¹ Дириг чурук — живые картины (кино).

² Ойнаар-бажын — дом игр (клуб).

в национальной борьбе (хуреш) и бросании аркана! Переселение с одного пастбища на другое — с чайлага на кузег, а затем — кыштаг (зимнее стойбище), чазаг (весеннее стойбище) диктовалось самой природой. Каждая перекочевка была праздником для жителей аала. У всех было приподнятое настроение в связи с надеждой на лучшие пастбища. Холурааш говорил: «Скот за лето хорошо нагуляет и войдет в зиму упитанным». Горные травы способствовали нагулу скота, он прибавлял в весе. А рядом со стоянками скотоводов, на вершине горы были вечные ледники. Тут же паслись дикие животные: горные козлы, архары, полярные куропатки, было очень много косуль. Здесь же и рысь, и ирбиш — снежный барс.

В высокогорьях Монгун-Тайги лёд никогда не тает. Его многолетние толщи образуют ледники и снежники. Особенно когда солнце сияет вовсю, от красоты сверкающих ледников перехватывает дыхание. Когда долго смотришь на них, то замечаешь, как образуются длинные ледовые реки. Нижние концы горного ледника тают, давая начало рекам. С высоких хребтов многочисленные роднички с веселым журчанием, сливаясь в небольшие горные речки, шумно, наперегонки сбегают вниз. Одна из таких рек — Мугур. Река Мугур, текущая по горным склонам Монгун-Тайги, сливаясь с рекой Каргы, впадает в озеро Нуурук-Хол на границе Монголии.

Близкие аалы объехал посыльный, оповещая, что молодежь созывается на собрание в Бай-Оваа. Успун-Доржу пришел пешком к назначенному месту. Возле коновязи стояло много лошадей и быков. Прибывшие на собрание расселись на поляне. Многие были разодеты, точно на праздник. Председатель из ЦК и местные командиры ревсомола расположились в центре лужайки, остальные — кольцом вокруг них.

— Смотрите! — услышал Успун-Доржу шепот возле себя. — Вот тот, без косы, по-русски который пострижен, это и есть дарга из ЦК. А рядом с ним — наш, из кожууна.

Оба ревсомольских вожака были молодые славные парни, в русских хромовых сапогах и шелковых красивых халатах. Девушки хихикали, поглядывая на них, и подтакивали друг друга локтями. Оба были коротко подстрижены, без косы. Успун-Доржу потрогал свою толстую косу за спиной. Коса у мужчины, а тем более у женщины — это украшение. Девушки заплетали волосы в одну косу, которую свободно опускали за спину, в ее конец вплетались чалан-кара — мягкие шелковые черные нити с бусинками. Выйдя замуж, женщина заплетала две или три косы, закрепляя их чавага — серебряной прямоугольной заколкой с орнаментальными насечками и бусами.

Дарга из ЦК говорил сначала по-монгольски, потом повторил по-тувински. Слова у него лились складно и быстро, точно вода из родника, но Успун-Доржу ничего не понял. Следом выступил монгун-тайгинский дарга. Говорил он понятней, хотя и не так складно:

— У нас в Монгун-Тайге есть много молодежи, которую можно принять в Революционный союз молодежи, — сказал в заключение и начал перечислять поименно. Успун-Доржу не услышал своего имени.

— Член ревсомола должен не щадить жизни в борьбе за дело аратской революционной партии. До умов и сердец призван он донести учение Маркса, Энгельса и Ленина и смело говорить правду, — сказал дарга из ЦК.

— А девушек примут в ревсомол? — выкрикнула Минчеймаа из рода Хертеков и спряталась за спины подруг.

Дарга ответил, что при аратской власти женщина имеет равные права с мужчинами, и призвал девушек вступать в ревсомол.

— Кто будет учить грамоте ревсомольцев? — спросил Хаважык.

— Кто заплатит за учебу? — спросил Успун-Доржу.

— Вы назвали наше правительство аратским. Почему же у нас правят богатые, знатного происхождения?

— Ой, халак! Ой, Эжен! — послышались со всех сторон испуганные возгласы.

Успун-Доржу почувствовал, что весь вспотел и дрожит от волнения.

— Дельные вопросы задали, — ответил дарга из ЦК. — На учебу будут посылать в Кызыл самых лучших ревсомольцев. Для ликвидации неграмотности партия организует в районных, сумонных центрах кружки. Сейчас не хватает грамотных людей из простонародья, чтобы полностью заменить старых чиновников из знати.

Через какое-то время после собрания в аалах участились свадьбы. Если раньше подбор жениха и невесты, церемонии сватовства длились годами, то теперь отдавали девушку быстро за любого, кто посватается.

— Надо женить, чтобы скот разделить поскорее, а то за лишний скот большой налог будут брать, — на свадьбе, захмелев, матери выдавали тайные горести. — Ой, оммани! Все четыре свадебные церемонии забыты! Даже на три косы доченьке волосы не переплели, так торопились. Вытолкнули, словно паршивого козленка из стада. Видно, несчастливой родилась она, раз такая долюшка ей выпала. Ни с одним парнем

даже не переглянулась, никто её, горемыки, рукой не коснулся...

Случалось, что у невесты не всегда и своя лошадь находилась, чтобы ехать к жениху. Это раньше сочли бы великим позором, а сейчас девушку, точно попутный груз, посадят за седло отца или матери — и вся свадебная процессия.

— Да, — соглашалась мать другой, такой же наспех сосватанной невесты, — по чужому выбору замуж идти — светлого солнца не видеть, в аду жить. Сколько соленой воды из глаз она, бедная, прольет...

Люди не знали, откуда такая напасть пришла. Пошли слухи о причине свадебной эпидемии. Говорили, что всех парней и девушек будут посылать в Кызыл учиться в школе письменности и счета. Там молодежь стыд теряет, всех заставляют на занятиях чуть ли не голыми сидеть. Оттуда возвращаются без кос. Из Кызыла путь для молодежи лежит в Россию, а там едят змей и лягушек, точно дикие. «О-ох, беда-беда!..»

Однажды Успун-Доржу пошел пешком в аал Минчеймы из рода Хертеков. Он скучал по ней. Они познакомились в чайлагской школе и дружили. Теперь она стала ревсомолкой. Приблизившись к ее аалу, Успун-Доржу увидел, что Минчеймаа пасет отару.

— Амыр-ла, Минчей! — радостно поздоровался Успун-Доржу.

— Амыр-ла! — улыбнулась в ответ Минчеймаа. — Как ушел с чайлагской школы, тебя не видела.

— Не ушел, а выгнали меня.

— И ты пригорюнился?.. Мне без тебя скучно.

— Как учиться мне дальше?

— Ты приходи, когда мы учимся. Сквозь стену юрты всё слышно. То, что будем писать, я тебе после занятий буду показывать.

— Я так и сделаю.

Вдруг его плечи обвили ласковые руки Минчеймы — Успун-Доржу почувствовал тяжесть серебряных колец и услышал, как звенят серебряные сережки-колокольчики.

— Какие вопросы задавали тебе для вступления в ревсомол, Минчей?

— Например: «С чего ты просишься в ревсомол? Что такое классовая борьба? Сколько человек ты обучила грамоте?»

— На все вопросы ответила?

— «Как быть с этим человеком?» — спросил после моих ответов председатель хурала у собравшихся. Кто-то сказал: «На вопросы отвечает хорошо. Сама грамотная и других учила грамоте. Можно ее принять». Остальные согласились и приняли меня.

— Без тебя мне одиноко, моя ревсомолка. Покажи свой ревсомольский билет.

Из-за пазухи тона Минчеймаа вытащила бумагу с таинственными знаками. Успун-Доржу посоветовал завернуть билет в бересту и зашить в пазуху тона:

— Так твой билет не потеряется и не истлеет от того, что ты без конца прикасаешься к нему пальцами.

— Умница! Ты всегда дельные советы даешь.

Успун-Доржу каждый день стал приходиться в чайлагскую школу к началу урока. Не заходя в юрту, он подслушивал объяснения учителя за юртой и запоминал. После занятий в условленном месте поджидал Минчейму. Домашнее задание делали вместе.

Однажды при подслушивании его застала Чучак, дочь Улара Хертека:

— Меня тоже исключили из школы. Моего отца увели под конвоем и расстреляли, всё имущество, весь скот забрали. Потом умерли мои братья и мама. Меня полуживую нашел охотник Сурунмаа Хертек и привез в свою юрту. Приемные родители меня на ноги поставили, дали мне новое имя Ошку, отправили учиться в чайлагскую школу. Но дарга Долдаш Донгак выяснил, что я дочь «контры» Улара Хертека, и меня исключили из школы.

— Моего отца Холурааша тоже забрал Долдаш.

— Я знаю твоего отца. Он приходил к нам тайно несколько раз и оказывал помощь. Мои приемные родители хвалили его.

Горя, какого довелось хлебнуть Чучак-Ошку, с лихвой хватило бы на десятерых. Успун-Доржу подумал, что ему легче, чем ей.

Аресты невинных людей продолжались. Родственники, друзья, знакомые расстрелянных или осужденных третировались, изгонялись из учебных заведений и лишались работы. Но при этом теперь каждый арат имел хорошего скакуна, сарлыка с молоком к чаю, десяток овец и коз. Люди досыта наедались и могли справиться хорошую одежду. Все это, говорили араты, появилось у нас благодаря народной революции, заботе партии и правительства. Араты были преданы делу хувискаала — революции. Они это слово понимали как свободу и послушно повиновались начальству, собирались на сходки и хуралы — собрания. Хуралов было много, они следовали один за другим.

Однажды по аалам разнеслась весть: в сумоне будет хурал молодежи. Успун-Доржу

отправился на собрание. Вот вышел вперед молодой человек — ревсомольский вожак из ЦК в русских хромовых сапогах, коротко подстриженный, без косы.

— Того, кто не согласится отрезать косу, мы не будем считать хувискаалчы — революционером. Он пережиток позорного прошлого, противник нового порядка. Все парни и девушки, считающие себя хувискаалчы, обязаны расстаться с косами. Кто первый? — спросил вожак и взял со стола ножницы. Наступило гробовое молчание.

— Дадайым ай!¹ Что это такое, а? — послышался тихий шепот.

— Наверное, придется начать с членов революционного союза молодежи, — развернув список членов ячейки, вожак стал называть имена и род.

У первой подошедшей девушки полетела коса — девичья краса и гордость. Затем — у второй, третьей. Красивые чавага и чалан-кара с бусами отбрасывались в кучу вместе с косами. Девушки плакали. Успун-Доржу узнавал их: месяц назад эти девушки хихикали, подталкивали друг друга локтями, поглядывая на подстриженных ревсомольских вожаков. А теперь они плакали. А лысые парни с удивлением оглядывали друг друга.

Услышав имя Минчеймы, Успун-Доржу похолодел. Вот подошла Минчеймаа. Какая она красивая с толстой косой и вплетенной в косу чалан-кара. Полетела ее коса, ее волосы встали дыбом. Минчеймаа заплакала навзрыд.

Собрание закончилось разведением костра и сжиганием «пережитков феодализма». В воздухе стоял запах паленых волос. А юный дарга из ЦК продолжал гнуть свою линию:

— Все участники этого хурала по приезде домой должны организовать стрижку кос у своих родителей. Надо выбросить все статуэтки божеств. Ни один хувискаалчы не должен молиться бургану. Если кто оставит себе бургана в юрте, он будет считаться классовым врагом, понятно вам?

Успун-Доржу пошел за плачущей Минчеймой и успокаивал:

— Не плачь, Минчей. Волосы быстро растут. У тебя снова будет коса.

— Зря вступила в ревсомол. Хоть мою чалан-кару отдали бы...

— Это собрание совсем бесполезное. Коса у мужчины, а тем более у женщины — это украшение, а не пережиток. Я так считаю.

— Я согласна.

— Мама мне показывала думаалай — свадебное головное покрывало, очень нарядное, роскошное. На нем было много украшений и бус. Мама мне рассказывала, что приехала в наш аал на белом коне: седло и сбруя украшены серебром, на ней был красивейший халат, личико закрывало думаалай.

— Я видела невесту из богатой семьи. Шелковые нити ее думаалай с бусинками касались гривы коня, ярко сверкая на солнце и переливаясь всеми цветами радуги. По твоим рассказам, твоя мама похожа на нее.

— Мой отец тогда стал победителем поединка с байским сыном Суге за честь матери во время ойтулааша. Ты не представляешь, какая свадьба у них была! Моя мама на белом коне и сваты на лошадях прибыли, трижды объехали юрту по ходу солнца. Повели нарядную маму в юрту дедушки. Он подносил чашу с молоком невесте и напутствовал: «Будь достойной хозяйкой этого аала».

— Твоя мама вышила молоко?

— Конечно. После таких напутствий как же не выпить. Моя бабушка открывала думаалай, нюхала, а затем целовала лоб моей мамы. На свадьбе веселились, пели частушки, загадывали загадки, играли в шахматы...

— Это не то, что сейчас происходит.

«Милая моя Минчей...» — подумал Успун-Доржу, и отчего-то его сердце щемило так сильно, что еле дышал.

Картина 14. «НАРОД – ОДЕЯЛО»

Вокруг рваной юрты на войлочных подстилках всё завалено кожами да шкурами. Перебирая их, Севил и Анай откладывали в одну сторону те, которые идут на арканы, в другую — для пошива перемётной сумы. Отдельно складывали те, что пойдут на одежду. Рядом с труженицами Успун-Доржу. Без него бы не справились. Он помогал и мять шкуры, и выделывать их. Парню уже девятнадцать, со сверстниками не водится, по чужим аалам не шляется, а как исключили из летней школы, без нужды даже в соседнюю юрту не зайдет.

Однажды не успели закончить выделывать шкуры к вечеру. А шкурки надо мять влажными, отложишь ненадолго — высохнет, весь труд насмарку. Спать хочется, но Успун-Доржу мнет и мнет и на маму смотрит. В середине ночи он не выдержал, заснул.

¹ Дадайым ай! - Ой, как страшно! Страх-то какой!

Бабушка тоже заснула. Анай так и не прилегла. Шкуры выделала, а там уже рассвет.

Успун-Доржу удивлялся трудолюбию мамы. Анай могла и лошадь объездить, и ночью пуститься в поиски отары овец, возвращающихся с пастбища, и пригнать их. «Кто я? Буду ли похож на своих родителей?» — думал Успун-Доржу. «Без корней дерево не растёт, без истории человек не живёт», — говорила мудрая прабабушка. Успун-Доржу гордился ею. В роду Севил мужчин было мало, и ей самой приходилось справляться с хозяйством. Говорили, что она была отличным табунщиком. У нее был дар подчинять себе животных.

Дедушка Балдып сам видел, как мужчины тщетно пытались объездить молодого коня, конь брыкался и норовил укусить, никто к нему не мог подступиться. Севил подошла, прикрыла коню глаза рукой, ласково погладила по шее, и животное было покорено.

Однажды тувинские конокрады увели лошадей у монголов и прогнали табун через Моген-Бурен в Каргы. Монголы выследили воров, но поймать не смогли и в отместку увели попавшихся по пути бабушкиных лошадей. Севил взяла в напарники Балдыпа и кинулась вдогонку. Оказалось, что ее лошадей увели пять братьев. Отличались они крутым нравом и были скоры на расправу. Севил приехала, когда самих братьев в аале не было. Были их старенькие родители, которые попытались отговорить от намерения вернуть свой скот. Но Севил и слушать не стала: отбила своих лошадей и вернулась домой.

Не раз ей приходилось и по ночам охранять табун лошадей от волков. «Не страшно было, бабушка?» — «Страшно, конечно. Особенно зимой, когда морозные, бесконечно длинные ночи приходилось проводить, не слезая с коня, в темноте палить из ружья. Страшно, особенно если одна...» Успун-Доржу не верилось. Севил была тихая, скромная, незаметная.

Однажды он спросил:

— Что такое природа, бабушка?

— Природа — весь окружающий человека мир с животными и растениями.

— А для рыбы природа — это река или озеро?

— Да. У каждого живого существа есть своя «юрта». Каждое живое существо, даже травинка, веточка, принимает в себя дух вечного неба — октаргай. Он проникает в каждый сосудик, оживляет его.

Очаг в юрте горит весело, в чугунной чаше потрескивает желтое просо, становится коричневатым. Спокойный по характеру Успун-Доржу держит в руках деревянную мутовку и перемешивает тараа — зерно. Дым ест глаза, щёки пылают огнём, но он терпит, перемешивает, вдыхает вкуснейший запах жареного зерна. Вдруг он почувствовал, что со дна раскаленного котла идёт дым. Неужели пережарил? Просяные зернышки начали лопаться от жара и вылетать из чаши. Так и есть. Мать первая учуяла дым, проворно вскочила:

— Ой, халак, ой, беда! А ну, дай мне скорей! — вырвала из рук сына мутовку, высыпала почерневшее зерно в деревянное корытце. — Да ну тебя! Сколько раз я тебе говорила, не берись, если не умеешь. Лучше погляди за козлятами и ягнятами.

Успун-Доржу опрометью бросился из юрты. Увидел табун лошадей. Нахлынули воспоминания.

Он запомнил ту счастливую весну, когда на празднике трёхлетия ему дедушка подарил гнедого жеребенка. Вместе с ним рос жеребенок Эмдик-Ой. Отец обучал сына всему: как поймать хариуса или подбить на лету куропатку, как укротить скакуна или заставить его лечь, чтобы нагрузить мешками с зерном. Эмдик-Ой стал занимать призовые места на скачках. После того как Холурааша увели вооруженные люди, коня тоже назвали «контрой» и конфисковали. Затосковал тогда Успун-Доржу и вспоминал: вот гнедой жеребенок на тонких, длинных ногах тянется к соскам матери, его глаза крупные, милые, доверчивые, вот годовик с блестящими боками, вот скачет иноходью, как и его мать. Холурааш, знаток лошадей, знал все их особенности.

«Никогда я не видывал белой лошади, которая не была бы кроткой. Ну, а вороная лошадь всегда упряма, как осел, и зла, как бес. Дай ей когти — она справится даже с барсом. Твой конь с норовом, поэтому зовем его Эмдик-Ой, — говорил отец. — Конь, сынок, это половина мужчины. Даже если с голоду будешь умирать или замерзать в степи, конь тебя вывезет и спасёт от голода. Возьмешь немного крови из вены на ноге, дашь отдохнуть ему — с голоду не умрешь сам, и не пропадете оба. Это самый близкий друг человека, цени его».

Успун-Доржу узнал, что конфискованного Эмдик-Оя отдали семье бедного арата Кодур-оола из рода Иргитов в сумоне Хурен-Тайга. Чтобы увидеть своего коня хоть одним глазом, Успун-Доржу поехал туда. Решил познакомиться с членами семьи, чтобы

разрешили побыть с конём. Вот и юрта Кодур-оола и Хорлуу Иргитов. У них было шестеро детей, а самый младший Маадыр-оол. Получив разрешение взрослых побыть с Эмдик-Оем, Успун-Доржу отправился в сторону холма, где паслись овцы, козы и табун лошадей.

— Эмдик-Ой! — радостно закричал Успун-Доржу.

— И-ий-хо-о! — заржал Эмдик-Ой, узнав голос хозяина, и бежал, бежал к нему своей иноходью, хвост и грива развевались.

По морде Эмдик-Оя скатывались слезы. Успун-Доржу застыл и тоже со слезами на глазах смотрел на своего замечательного Эмдик-Оя. С любовью гладил его морду и место с клеймом Холурааша в виде подковы. Обнимал за шею.

Успун-Доржу подружился с Маадыр-оолом, который был потомственным стрелком, с малых лет учился охотиться. Успун-Доржу рассказывал новому другу об Эмдик-Ое, о его быстроте, о его поступи и чутье.

— Мой Эмдик-Ой с черной гривой и блестящими зеленоватыми глазами никогда не сбивался с иноходи в галоп, Маадыр-оол.

— Кто такой иноходец? Я охотник, мало общаюсь с лошадьми.

— Ты еще не знаешь коня? Иноходец — конь, который в беге один шаг делает одновременно двумя левыми ногами, другой — двумя правыми.

— Вот как?

Успун-Доржу, как когда-то его отец, наставлял коренастого, невысокого Маадыр-оола:

— Лошадь, Маадыр-оол, всегда умеет отыскать дорогу к лучшему пастбищу. Даже если с голоду будешь умирать или замерзать в степи, Эмдик-Ой тебя вывезет. Запомни, Маадыр-оол, это самый близкий друг человека, цени его.

Началось строительство деревянных домов, в первую очередь школы¹. Однажды Успун-Доржу проснулся от непонятного грохота. Казалось, что земля трясется под тяжестью шагающих по ней великанов. Выглянув из юрты, он увидел, в чем дело. Мимо юрты, рысью взбираясь на склон речной террасы, бежали черные лохматые быки-сарлыки, погоняемые всадниками. На их горбах были укреплены толстые бревна, связанные по два верхними концами, а нижние концы бревен с грохотом волочились по земле, поднимая облако пыли. Животные ровной рысцой бежали в гору. Успун-Доржу вспомнил про начавшееся строительство деревянных домов и понял, что происходит.

При заготовке строительной древесины учитывалось благосостояние каждого аала, сколько в нем волов и работников. Аал Холурааша имел одного вола. Успун-Доржу дали задание привести четыре бревна. Дарга объяснил ему, что лесина должна быть длиной около шести кулаш², тонкий конец бревна — узун карыш³ и четыре илиг.

— Хоть ночуй в тайге, но к сроку бревно доставь, — сказал Кечил.

Как и все араты, Успун-Доржу выбирал в тайге дерево, валил его, очищал «добела» кору, делал отверстие на тонком конце, продевал в него аркан и тасил волоком в Бай-Оваа на своем воле. И радовался:

— Бабушка, это будет настоящая школа из брёвен!

Вот засветились свежей древесиной стены. В комнатах было светло, пахло смолой. Одна комната — жилая для учителя, другая — ученический класс. Тридцать ребят пришли в новую школу. Их родители по очереди один раз в месяц кормили всех учеников, становясь снабженцами и поварами. Готовились к этому дню очень серьезно, чтобы не ударить в грязь лицом.

Появились учебники на тувинском языке, изданные в Москве. Стали строить школы-интернаты. Успун-Доржу прочитал в газете: «Кочевой образ жизни тувинцев диктует необходимость создания школ-интернатов, где дети могли бы учиться и жить в течение всего учебного процесса...»

Однажды Баддып, вернувшись из Кызыла, где был делегатом X Великого хурала, собрал народ и сообщил:

— Началась война. Фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Тува на стороне Советского Союза.

— У нас с русскими одна дорога. С их помощью тувинский народ строит новую счастливую жизнь, — сказал арат Кечил.

— Отдаю своего единственного лучшего коня Красной армии. Если потребуется, отдам и жизнь для общей победы, — сказал арат Опан.

¹ До революции в Туве не было школ, а было 5000 лам, 20 монастырей, 800 шаманов. Только два процента народа знало монгольскую грамоту.

² Кулаш — расстояние между кончиками средних пальцев рук, вытянутых в стороны.

³ Узун карыш — пядь.

Успун-Доржу известил своих домашних:

— Война, мама и бабушка! Дедушка Балдып перед народом речь держал. Придется нам вола отдавать фронту.

— Успун-Доржу, ты заметил наши лиственницы, прогнувшиеся от сильных ветров?

— Да, бабушка, они совсем прогнулись от ветров.

— Вот ты тоже, как лиственница, должен всё вынести, не падая.

Севил и Анай шили безрукавки, варежки для аратов, уходящих на войну. Посоветовавшись с бабушкой, Анай отдала фронту единственного сарлыка — вола. Успун-Доржу читал им газеты с новостями. Из газет они узнали о телеграмме Сталина тувинцам: «Победа советского народа в борьбе против немецко-фашистских завоевателей также является победой братского тувинского народа».

В Тоолайлыге обустроили склад. Оттуда отправлялись на фронт дары тувинцев Красной армии: шерсть, кожа, топленое масло, теплая одежда, сшитая руками женщин, пушнина, мясо.

Летом 1942 года приехали военные из Красноярска за лошадьми для Красной армии. Огромное количество коней со всех концов Тувы согнали в Кызыл. Среди них был и Эмдик-Ой. Ржание, топот, крики табунщиков были слышны за километры. 50 тысяч боевых коней араты сами перегоняли до железнодорожной станции в Абакан. Метпээ Салчак говорил, что, когда грузили коней в вагоны, каким-то образом Эмдик-Ой выскочил из вагона и поскакал в сторону Тувы. Кое-как его поймали и погрузили обратно в вагон.

Каждая семья внесла свою лепту в фонд помощи фронту. Бабушка Хорлуу безвозмездно передала 270 голов скота и много акша (денег). О ней написал поэт Степан Сарыг-оол поэму «Хорлуу кадай». Семья Салчака Ховутгеевича Кара-оола отдала весь свой скот: 20 коров, 70 овец, семь лошадей. Много скота сдали и другие.

Успун-Доржу прочитал в газете «Шын»: «2 апреля 1942 года на действующий фронт был отправлен первый эшелон — 53 вагона подарков фронту, собранных населением ТНР. Для их доставки была отправлена делегация во главе с генеральным секретарем ЦК партии С.К. Тока. Она прибыла на Западный фронт 22 апреля. В глухом лесу в двухэтажном доме их тепло встретил улыбающийся легендарный полководец генерал армии Г.К. Жуков и сказал: «О-о, мы же знакомы, я помню, как вы были гостем на Великом хурале в Монголии». С. Тока вручил прославленному генералу орден республики. Г.К. Жуков рассказал гостям об обороне Москвы и высоко оценил материальную помощь тувинского народа Красной армии».

Не только молодые тувинцы, но и тувинки просились на фронт добровольцами, но правительство СССР в 1941 году не дало согласия на участие малочисленного народа ТНР в войне. Да ведь к тому же многие тувинцы еще не знали русского языка.

До войны монгун-тайгинцы получали зерно в Хемчике. Теперь там всё отправляли на фронт. Пришлось самим выращивать зерновые на скудных почвах. Ведь кругом камни, скалы, песок — «лунный пейзаж». Летом даже в июле может выпасть снег. Ветры, дожди, можно месяцами не видеть солнца. Но жить надо. Весной 1943 года араты сумонов Каргы, Моген-Бурен, Хурен-Тайга, объединившись, решили посеять ячменя на 200 гектарах в степи Чеди-Тей (Семь горок). Распахали и посеяли.

Сторожить урожай назначили мастера горлового пения хоомейжи Кара-Сала Хурен-оола. Он поставил свою кибитку поближе к полю. Каждое утро восходил на горки Чеди-Тей, осматривался, прогонял блудную скотину, верблюдов от посевов, охранял гнездившихся поблизости даг кастары — горных красных гусей, пел аратам и соседям-монголам свой хоомей — горловые эпические песни, рассказывал сказки.

В то лето особенно хорошо поработали поливальщики, и к концу лета, по сравнению с 1942 годом, вырос отличный для этих мест урожай ячменя. До уборки оставались считанные дни. Вдруг однажды вечером в конце августа со стороны Каргы и Мугура надвинулась темная туча, подул сильный ветер, подняв вдоль степи густую пыльную завесу, послышался громкий шорох ударявшихся о землю градин, словно беспрестанно гремел гром. Как раз в это время подъехал к Чеди-Тею Успун-Доржу из Бай-Оваа, чтобы посмотреть выросший ячмень, и увидел, как за считанные минуты весь урожай был уничтожен градом. Остались лишь сломанные стебельки.

Хурен-оол, как сумасшедший, бегал по полю и рыдал, кричал в небеса: «Ах, что вы делаете? Как жалко моего зерна! Что мне, подол подставлять или полы расправлять, чтобы спасти урожай?» С чем можно сравнить глубину его горя? Пожалуй, ни с чем. Да, слепа природа и бывает так глупа, что не зря Хурен-оол поднял свой голос на небеса. Успун-Доржу подумал, что Хурен-оол не только красиво пел, но и умел гневно кричать, когда у него душа болела.

Погоревав вместе с Хурен-оолом, Успун-Доржу поехал в Мугур-Аксы. С горы

узрел за поселком широкою долину Каргы и стену хребта Цаган-Шибету, отделяющую Монгун-Тайгу от бассейна Хемчика. Сам поселок Мугур-Аксы был расположен на просторной степной площадке на мысу, образованном слиянием рек Мугура и Каргы. Проезжая мимо Кара-Дага, Успун-Доржу увидел бревенчатые домики с маленькими окнами, раскиданные по пустынной степи под необъятным небосводом. Приблизившись, заметил, что домики свободно разбросаны вокруг центральной площади, где находилось районное отделение связи с громадной деревянной мачтой радиостанции. В поселке не было улиц и между домами не было заборов. В центре — школа, клуб, фельдшерско-акушерский пункт и районные учреждения. «Ого! Какой поселок! Ведь в 1936 году здесь был только майгын-бажын — торговая палатка», — подумал Успун-Доржу.

Послышался сигнал сирены. Площадь заполнила молодежь.

— Смирно! — раздалась команда.

Оказалось, это военные учения. Успун-Доржу с интересом наблюдал и после занятий подошел к командиру с вопросом:

— Можно мне учиться с вами военному делу?

— Присоединяйся с завтрашнего дня.

Успун-Доржу окликнула красивая смуглянка Сенмит: черные кудрявые волосы, румяные щеки, блестящие карие глаза под ровными дугами черных бровей. Она еще красивее становилась, когда улыбалась, обнажив белые зубы. Сенмит носила летнюю девичью одежду: зеленый шыва тон (летний халат), тубетейкообразную шапку доурзак, обувь кадыг идик.

— Из Мугура сестру Сенмит помнишь? — спросила она.

— Такую красавицу-сестру я запомнил. Ты дочь моей бабушки Севил из рода Каксаан-Иргитов?

— Да. Значит, запомнил.

— У тебя очень красивая одежда. Сама шьёшь?

— Этот шыва тон сама шила, ношу весной и летом как повседневную одежду. Чтобы не показывать швы, обязательно пришиваю подкладочный материал.

Когда Успун-Доржу присмотрелся, то заметил, что подкладка халата пришита к основе вертикальными мелкими стежками, которые с трудом можно было разглядеть.

— Мама и бабушка тоже шьют одежду. Но я не обращал внимания на такие тонкости шитья.

— Успун-Доржу, шыва тон носят и женщины, и мужчины, и дети, и пожилые люди. Так что надо обращать внимание на тонкости шитья и на цвет материала.

— Говорят, что скоро запретят нашу традиционную одежду.

— Тогда что будем надевать?

— Орус (русскую) одежду будешь шить.

Выехав из поселка Мугур-Аксы, к обеду Успун-Доржу приблизился к Ак-Адыру. Ак-Адыр — это река, берущая начало с ледников Монгун-Тайги, бегущая между двумя высочайшими хребтами, впадающая в земли Монголии. Летом река становится совсем мелкой. Из-за отсутствия деревьев скотоводы разжигают костёр кизяком и инек мыя — сухими коровьими «лепёшками». У подножия гор из-за множества норок ступить некуда, а сами тарбаганы спокойно сидят, как ступки. Скот за лето становится жирным, упитанным. Араты четвертого арбана сумона Хурен-Тайга проводили летний нагул скота в местечках Ак-Адыр, Керзи, Харагайты.

Подъехав к Бугуту-скале, Успун-Доржу очень удивился отсутствию двух юрт, в которые заходил проездом в Мугур-Аксы. Приехал в аал семьи Сорунзан и Чызыкай в отрогах гор Шулуусту и там услышал о случившейся беде:

— Позавчера вечером в сумерках, — рассказывал старик Сорунзан, — со стороны хребта Кара-Хажы налетел шквальный ветер со штормовым дождем. И вдруг резко поднялись воды двух маленьких речушек — Кошкарлыг, Бырааты. По руслу реки Ак-Адыр на летнем стойбище находились три аала с восьмью юртами. Так вот, устремившиеся с гор вниз водные массы двух речушек, объединившись в русле Ак-Адыра, образовали сплошную водную стену и шквалом обрушились на мирно спавшие юрты. Водная масса, говорят, выглядела как огромный жёлтый шар, скатившийся с такой скоростью, что даже от одной его ударной воздушной волны перехватывало дыхание. Увидев с высокой местности плывущие по воде горящие ещё керосиновые лампы из юрт, я побежал туда.

Включился в разговор Монге, племянник Сорунзана:

— Я выбежал из юрты и увидел, как в пригорок, где пряталась скотина, впиалась молния. Раздался оглушительный треск. Запахло кремнёвыми искрами. Гроза разрасталась, везде гремело и сверкало. Ливень хлестал, усиливаясь. Я бросился к пригорку. Оглянулся назад: волны, как тёмные верблюды с большими тюками, унесли мои юрты. Это было страшно по-настоящему. Даже дышать стало нечем, так густо

лилась вода. Меня звали жена, родители: «Монге, Монге!» Я до сих пор слышу их крики, плач дочери Сайдай. Ринулся к реке. Долго бежал. Внезапно дождь перестал лить. Иду по течению реки. Волна смысла и юрту Шожалов. Дед, баба, старший сын Санаа стояли около кошары и плакали: «11-летнего сына Дадарык река унесла». Вместе с ними продолжил искать своих близких. У валуна на берегу заметил хана — решетки юрты. Чиркнул спичкой, а там лежит моя жена. Поднял её, уже мёртвую... — заплакал Монге.

— Тогда всю ночь люди искали родных, — произнес Сорунзан.

— Затем нашел родителей, — продолжил свой рассказ Монге. — А дочери нет. Вдруг услышал, вроде кто-то позвал меня с пригорка. Посмотрев вверх, заметил дядю Сорунзана, держащего ребёнка. Поднялся, хватаясь за скалы, спрашиваю: «Жива?» Дочь жива. Обнял её, поцеловал, а она начала сосать мой язык. Только тогда я успокоился. Дядя позвал нас к себе, вот так и живем теперь здесь.

— Такой счастливый ребенок! Как не стукнулась о валуны? Ведь по течению проплыла более 30 километров от стоянки своей юрты, — удивлялся Сорунзан. — У валуна в кошме она лежала. Нашел её, услышав плач.

Наутро к месту катастрофы прискакали на лошадях заместитель сумонной управы Ирбит Седип и строитель Кара-Сал Сандык. Увидев страшное зрелище на берегу Ак-Адыр, ужаснулись, ведь их юрты находятся за горой, на берегу реки Керзи. Поднявшись на гору, заставляли друг друга: «Сначала смотри ты!», «Нет, сначала ты!»

Волна смела с лица земли шесть юрт с людьми, всю скотину, ягнят, телят, коня с коновязи. Погибло восемь человек. По руслу рек погибло огромное количество сурков, сусликов и другой живности. Похоронили останки погибших на ровной, солнечной возвышенности недалеко от этих мест, а пострадавшим оказали посильную помощь в приобретении жилища, утвари, одежды и скота. Тувинская поговорка гласит: «Народ — одеяло». Люди не оставили в беде пострадавших: приютили, согрели, укрыли от беды.

В каждой юрте читали газеты. Успун-Доржу по просьбе близких вслух читает газету «Шын»: «16 марта 1943 года делегация Тувы на подмосковном аэродроме «Чкаловский» передала командиру 133-го истребительного авиационного полка ВВС Красной армии майору Т.Ф. Амельченко 10 истребителей Як-7Б, построенных на средства тувинского народа. В августе 1943 года — пятый эшелон из 52 вагонов. Всего фронту доставлено 369 вагонов подарков. И.В. Сталин направил пять телеграмм с выражением благодарности тувинскому народу. Саны-Шири Ооржак был в составе делегации из Тувы в Советский Союз».

Бывший батрак, плохо говорящий по-русски арат Саны-Шири Ооржак отдал фронту 15 овец и коз, трех лошадей, вола. Его наградили Орденом Республики и поручили сопровождать «кызыл коьш» — «красный обоз»: подарки для фронта. Сопровождать «красные обозы» до фронта доверяли самым лучшим. Этого права из Монгун-Тайги удостоился передовой скотовод Саны-Шири Ооржак. О нём написал поэму «Саны-Мого» (изменив имя Саны-Шири на Саны-Мого) народный писатель Тувы Степан Сарыг-оол. Успун-Доржу наизусть знал эту поэму о тяжелой дореволюционной жизни мальчика-батрака Саны-Шири, о переменах в его жизни благодаря Октябрьской революции, о перековке арата в передового скотовода, в борца с пережитками прошлого. В детстве Саны-Шири видел горе и жестокость баев, его молодое сердце жаждало лучшей доли. Прежняя жизнь породила в нем ненависть и отвращение к богатым.

Успун-Доржу посчастливилось побывать на встрече с Саны-Шири Ооржаком. Он смотрел на опалённое знойным солнцем и обожжённое морозами лицо скотовода, на огрубевшие в труде его руки и думал, что от самого сердца тувинского народа написаны строки в поэме «Саны-Мого». Запомнил его вдохновенный рассказ с прибаутками:

— Возглавлял нашу делегацию Салчак Тока Калбак-Хорекович. Я очень обрадовался чабану из Дзун-Хемчикского района Ынаажык, с которым познакомился на Хурале животноводов. Он лучше меня говорил по-русски. По совету Салчака Тока я и Ынаажык надели фуражки, голубого и темно-синего цвета ховенниг тон (простеганная одежда на вате). По росту, по одежде мы были похожи, из-за чего Ынаажыку дали прозвище «Ынаа-Шири», а мне — «Саны-Шири». О, если бы вы увидели эту железную дорогу! Днём и ночью поезд бежит, временами кричит-воет. Иногда останавливается, но выйти из вагона я очень боялся, так как около поезда в толпе можно потеряться. Когда вышел один наш русский сосед, я испугался, но он быстро возвратился с горячими грибными пирожками. Когда мы приехали в Москву, нас тепло встретили работники посольства Тувы, русские начальники и военные люди, довели нас до многоэтажного здания гостиницы. Там везде стоят такие высокие дома, как горы в Тоолайлыге и Барлык-Бажы. И москвичи, как я заметил, не ходят спокойно, а бегают. Не посмотрев Москву

как следует, мы срочно поехали в действующую 6-ю армию Западного фронта. По пути видели разрушенные города и посёлки. А сколько людей умерло! Один Бог знает. Я увидел столько горя, что мне хочется сказать людям: не надо войны. Как хорошо, что в нашей Туве всё спокойно, никакой войны нет. Пусть так и будет! Мы приехали в военную часть, стоявшую в лесу. Перед строем солдат слово взял сначала командир, затем С. Тока, в конце речи воскликнул: «Ура!» Солдаты подхватили: «Ура-а!» Когда вручали подарки солдатам, надо было по-русски что-то сказать, а я не умею по-русски, сказал какому-то бойцу по-тувински: «Эрес-дидим дайылдаш, оглум, тиелелге дээш бурунгаар!» (Борись отважно, сынок, за победу вперёд!) Он как будто понял мои слова, руку пожал и обнял меня. О, как крепко обнял он меня! Бедный мой мальчик, чей-то сын. Сейчас, может быть, жив, а может быть, убит. Потом нам показывали, как стреляют из пушки. «От нашего имени этой пулей будут стрелять», — объявил Тока и на длинной пуде пушки вдоль дарга написал по-тувински: «Смерть немецким фашистам!» «Закройте наглухо уши, откройте рты!» — перевел Тока нам слова русского командира, после чего пушка выстрелила. Земля и небо загремели, такой грохот. Там, где упала пуля пушки, ничего живого не останется, наверное.

Успун-Доржу вместе с Бавуу и Маадыр-оолом решил пойти на войну добровольцем, но ему отказали как сыну шамана-контры. Бавуу и Маадыр-оола ожидали решения после проверки. Они дети бедных аратов, выросшие в юртах, в семьях пастухов. Их заявления отправили в правительство — в Кызыл. Осенью пришел положительный ответ. Их родители даже не знали, что сыновья просились на фронт.

— Едем бить фашистов, гадов! А то они и на Туву нападут, — сообщил родным Маадыр-оол.

— Маадыр-оол, мой и твой конь Эмдик-Ой на фронте с начала войны. Если встретишь коня-контру там, то передай ему мой привет, — сказал другу Успун-Доржу.

— Если встречу с ним, обязательно твой привет передам.

Родственники отобрали для Бавуу и Маадыр-оола лучших коней. Окурили артышом-можжевельником добровольцев и коней.

— Бейте фашистов и возвращайтесь с победой!

Бавуу Салчак и Маадыр-оол отправились на фронт из Кызыла 1 сентября 1943 года. Из них двоих с войны вернулся Бавуу и рассказывал землякам:

«29 января 1944 года на подступах к украинскому селу Деражно на Вольни тувинский гвардейский полк получил приказ взять этот населенный пункт. 31 января в четыре часа утра мы ворвались в Деражно на своих тувинских лошадях. Тогда погибли двое — Тюлюш Сенгин и Монгуш Сат. Пленный немецкий офицер на допросе сказал, что тувинцев немцы называют «шварце тод», что значит «черная смерть», и очень боятся солдат из «дикой дивизии», прибывшей из Сибири и состоящей из свирепых азиатов. Незадолго до этого в наш 31-й кавалерийский полк были зачислены десять девушек-добровольцев. Капитан Кечил-оол доложил командиру полка, что все девушки обучены стрельбе и джигитовке. Комполка Ефим Абрамович Попов прошел перед строем и, удивленно хмыкнув, остановился перед хрупким подростком: «Как тебя зовут? Сколько тебе лет?» Юная тувинка подтянулась, но смущенно молчала. «Она плохо знает русский», — объяснил Кечил-оол. «Ну и ну! — Попов глянул на заместителя. — Её и всех барышень — на кухню. У меня кавалерийский полк». Кечил-оол перевел слова командира. Тувинка птицей взлетела на коня и пустила его с места в галоп. Перемахнула придорожную канаву, взмахнула клинок, взмахнула, и срубленные с кустов ветки уткнулись в снег. Бросив поводья, сорвала с плеча карабин, звонко прокричала по-тувински: «Видите шишку на вершине сосны?» — перевел Кечил-оол. Прогремел выстрел. Шишка разлетелась на мелкие щепки. Тувинка Ооржак Байлак вернулась в строй. «Все у вас такие, капитан?» — командир Попов не скрывал восхищения. «Все, товарищ гвардии полковник. Дети гор и степей, с детства в седле». — «Приказ отменяю! Эскадрон тувинских добровольцев в полном составе зачислить в полк»... Маадыр-оол воевал храбро. Было в действиях Маадыр-оола на поле боя что-то шаманское, от ритуала камлания. Ведь он охотник, а его самая старшая сестра Хандынмаа — шаманка. Поверх сапог надевал бродни, сплетенные из конского волоса, чтобы ступать бесшумно. Умел быть незаметным, маскироваться, сливаться с окружающим миром. При освобождении города Ровно Маадыр-оол был ранен, но поля боя не покинул и принял к исполнению приказ: «Восстановить прерванную связь!» Маадыр-оол с добровольцем Хомушку Эртинеевичем Чудуруком успели соединить провода одной линии и принялись за вторую, когда рядом взорвалась мина. После сражения нашли Маадыр-оола и с трудом отсоединили пальцы его рук, намертво вцепившиеся в провода. Сослуживцы и жители Ровно говорили: «Какой герой тувинец! Низкий поклон и вечная память великому сыну Тувы!» Маадыр-оол с почестями похоронен на кладбище Ровно. Он вспоминал родную Монгун-Тайгу,

свое заветное местечко, где любил ловить хариусов. Вспоминал, как играл с сестрами Дугер, Тас-Уруг во время Шагаа...»

Как-то летом 1944 года в Монгун-Тайге распространился слух: в Кызыле летает в воздухе ужар-хеме — летающая лодка, самолет. Успун-Доржу горячо желал прикоснуться к сказке, посмотреть на «лодку», парящую в небе, как птица.

— Человек не Бог, как он может подняться в воздух? — люди задавали друг другу вопросы. — Из чего сделана эта летающая лодка?

— Наверное, она создана из бумаги, железо ведь тяжелее воздуха, — кто-то отвечал.

— Сын Мургуулчу Хунан-оол отправился на курсы летчиков еще в 1938 году. Может, он в Монгун-Тайгу прилетит на ужар-хеме?

«Летающая лодка» летела от перевала Саадак, летела низко над землей, и Успун-Доржу увидел летчика.

— Это прилетел Хунан-оол! Наш Хунан-оол! — закричали люди.

Самолет сделал круг над поселком Мугур-Аксы и приземлился. Народ повалил на поле к месту посадки. Оказалось, что это прилетел действительно Хунан-оол. Из маленького двухместного винтомоторного самолета вылез Кара-Сал Мургуулчу огу Хунан-оол и принялся забивать в землю колья, а потом, как скакуна к коновязи, привязал к ним самолет. Успун-Доржу удивленно смотрел на молодого и крепкого парня, который сошел с «летающей лодки» и, как обычный человек, ходил по земле.

— Экии! (Здравствуйте!) Как долетел? — с летчиком здоровались люди, трогали руками «летающую лодку».

— Экии! Вот ужар-хеме — самолёт! — улыбался Хунан-оол.

— Как на перевале Саадак?

— На перевале, как всегда, погода непостоянная. Когда ветер начал кидать моего небесного коня из стороны в сторону, он начал клевать носом вниз — еле-еле выровнял.

Заметив, что крылья самолета немного потеряны, араты в догадку говорили:

— Наверное, он в смерти побывал.

В 1938 году правительство Тувы приняло решение открыть курсы летчиков в Кызыле при Тувинском авиаотряде, и со всех концов Тувы по призыву ревсомола стали набирать молодежь по конкурсу на курсы. Среди ста претендентов был и Хунан-оол. Отбор проводили командир Тувинского авиаотряда майор Василий Дагбаевич Кидиспей и первый секретарь Тувинского революционного союза молодежи Иргит Ужун огу Бадра. Хунан-оол прошел конкурс с отметкой «отлично».

Около самолета Успун-Доржу увидел сестру Сенмита с молодым человеком.

— Успун-Доржу, познакомься с моим женихом.

— Я — Шомбул Кыргыз Сундуевич, зоотехник.

— Я — Успун-Доржу Холурааш огу Иргит. Скажите, друзья, из какого рода Хунан-оол? — спросил Успун-Доржу.

— Деда Хунан-оола по отцу звали Хонай, и он жил в верховьях Барлыка. А его бабушка Допураш Чапаевна Ооржак — родная старшая сестра знаменитого в Туве сказителя Чанчы-Хоо Ооржака, — ответила Сенмит. — Хонай и Допураш произвели на свет девять сыновей и одну дочку. Мургуулчу был четвертым сыном. Его братья — Шагаанчап, Хорек (отец Дамбы Бурбуй-оола), Хурен-оол Кара-Сал по кличке Хертеш-Кара, удививший монголов-дорбетов своим горловым пением. В такой дружной и большой семье родился и вырос Хунан-оол.

Шомбул был одет в шаровары, свитер, черный пиджак и серую вязаную шапку. На вид ему было лет 30. У него был прямой открытый взгляд, светившийся умом и добротой. Со своими светло-каштановыми волосами, с сине-голубыми глазами был больше похож на русского, чем на тувинца. Среднего роста, сухощавый, жилистый, без единого грамма лишнего жира. Посадка его головы и неторопливые, плавные движения говорили о чувстве собственного достоинства. Мягкая улыбка Шомбула и вся манера держать себя внушали к нему уважение. Успун-Доржу он сразу понравился.

Молодая пара пригласила его к себе в гости. Сына «контры» не каждый пригласит.

Занимали они маленькую комнату в бараке. В комнате кровать, стол и две табуретки. После ужина за пиалой душистого крепкого чая Шомбул поведал историю своей жизни в Монгун-Тайге. Он был сыном неграмотного арата-бедняка, учился в чайлагской школе в Тарлаге Пий-Хемского района. В школе Шомбул научился держать в руке карандаш, причёсывать волосы, мыться с мылом, чистить зубы, освоил основы грамоты, арифметики, географии, истории и естествознания, правила поведения в быту и в общечитии. После школы поступил в сельскохозяйственное училище в городе Ойрот-Тура (ныне Горноалтайск). Получил специальность зоотехника и сам выбрал для работы этот отдаленный животноводческий район, где его знания были нужнее. Теперь хочет поступить институт, стать дипломированным специалистом в

своей профессии, которую считает самой интересной на свете. А еще он альпинист. Обучаясь в Ойрот-Туре, в 1938 году в команде советских альпинистов покорил высочайшую вершину Алтая — гору Кадын-Башы Белуха, 4506 метров.

— А на Монгун-Тайгу не поднялся?

— Много раз, когда ездил в командировки по кочевьям, я смотрел с разных сторон на эту гору. Есть поверье, что каждого, кто на нее взойдет, духи сейчас же сбросят в пропасть. Но однажды я с двумя товарищами, одевшись потеплее, отправились к Монгун-Тайге, чтобы на нее взобраться. Оставили коней у подножья и полезли по скалам, а как добрались до снега, увидели, что не сможем одолеть гору. Ноги в сапогах скользили по снегу, одежда была слишком тяжелой, метель слепила глаза — не видно было, куда идти. Пришлось вернуться. Старики смеялись над нами, говорили, это духи нас с горы согнали.

— Ничего, в другой раз подниметесь. Когда я был маленьким, нас, ребят, старшие пугали разными духами и сами их боялись не меньше, — вспомнил Успун-Доржу, выслушав рассказ Кыргыза про поверье, связанное с горой «Страшного медведя», как раньше Монгун-Тайгу звали. — Самым страшным из духов считался странствующий черт. Говорили, он живет в песчаных местах и охотится на людей. Мужчине черт представляется красавицей, женщине — красавцем. Спереди у него обыкновенный вид, а сзади — видны все внутренности. По поверью, странствующий черт поселяется внутри человека, овладевает им, и доводит до гибели.

Вернувшись домой, Успун-Доржу прочитал в газете «Шын» указ Президиума Верховного совета СССР о принятии Танну-Туvinской Народной Республики в состав СССР. Это событие стало всенародным праздником. Араты стали гражданами великого государства. Газета «Шын» напечатала стихотворение Степана Сарыг-оола «Я — гражданин Советского Союза». Алексей Чыргал-оол написал музыку к стихам, и вся Советская Тува запела эту песню. Звучала она и в Монгун-Тайге:

*Пусть слышат все: и недруг наш, и груг —
Тувинца песнь свободную, как сокол.
Идем мы, глядя с гордостью вокруг,
Впервые вскинув голову высоко.*

*Во тьме мы жили, словно взаперти,
Но сброшен гнёт — постыдная обуза,
И горд любой из нас произнести:
«Я — гражданин Советского Союза!»*

*Теперь мы стали частью той страны,
Той солнечной, незыблемой державы,
Которой вражды козни не страшны,
Где всем дано на труд и счастье право.*

*Закон советский нас теперь хранит,
Закон, где слово каждое священо.
Тверды в своем единстве, как гранит,
За партией идем мы неизменно.*

*Мы с ней дойдем до сказочных высот,
Где солнце незакатное сияет...
И нет певца счастливее, чем тот,
Кто этот путь орлиный воспевает!*

Вышло постановление Совета министров Российской Федерации о мерах по содействию социально-экономическому развитию Туvinской автономной области. В нем указано: во всех районных центрах откроются средние школы, а в селах семилетки. Учителей для новых школ и врачей для больниц не хватало, и потому со всех концов Советского Союза по приглашению или по распределению прибыли в Туву педагоги и врачи, а также специалисты из сфер культуры, торговли, финансов.

В Мугур-Аксы приехала фельдшер Феодосия Федоровна, по национальности хакасска, и заведовала районной амбулаторией. Ее сарлычиха паслась вместе с аратским стадом и стояла в общем загоне. Каждое утро Феодосия Федоровна ходила ее доить.

Заведующим отделением связи в Мугур-Аксы был специалист русской национальности. Женщины-активистки Мугур-Аксы во главе с инструктором райкома партии Севила Чымба обустроили в поселке ясли.

Коренное население начало понимать и говорить по-русски.

Тувинцы с нетерпением ждали конца войны и земляков с фронта. По утрам на занятиях по военному делу пели песню: «*Вставай, страна огромная...*» Все пели с таким чувством и верой, что эта песня поможет победить врага и приблизит конец войны.

И вот настал май 1945 года. Радио, телефона тогда в сумоне Моген-Бурен не было. В солнечный теплый день прискакал нарочный верхом на лошади из райцентра Мугур-Аксы, размахивал флагом и кричал: «Ура! Победа!» Все побежали за ним и тоже кричали: «Ура! Война кончилась, война кончилась!» Сколько было радости!

Вечером люди жгли на поляне костры, варили мясо, хан — бухгалтер Настык-Доржу — специально выделил для такого дня барана. Пели от души. Всех ребятишек по очереди катали на коне. Тем, кто лучше споеет, дарили подарки. 9 мая 1945 года остался для Успун-Доржу самым незабываемым днем в жизни.

Картина 15. 25-ЛЕТИЕ РЕСПУБЛИКИ

После Великой Отечественной войны в Туве началась коллективизация. Араты спорили:

— Что будет, если я не стану колхозником и не сдам скот в колхоз?

— Все равно заберут, а тебя как противника советской власти посадят в тюрьму.

— Не поеду я ни в какой колхоз, пропади он пропадом! Неизвестно еще, что это такое.

— Постой-постой, ты что это говоришь? Все только и твердят про колхоз. А ты...

Лучше идти в колхоз...

Скот был обобществлен. Те араты, кому нечего было сдать в «общий котел», все равно становились колхозниками. После создания колхоза араты спорили о том, где лучше строить центральную усадьбу, кто будет строить дома. Прошло немного времени, и на пустырях, где не было ни кола, ни двора, запели пилы, летели щепки, весело звенели топоры, пахло досками, стружкой, запах смолы устойчиво стоял в воздухе. Каждый мужчина становился плотником. Строительный лес свозили конной и воловьей тягой. Как и все жители сумона Моген-Бурен, Успун-Доржу тоже помогал на стройке. В готовые дома заселялись араты, прикочевывшие из верховий рек.

— Всю жизнь жил в юрте, пас скот в горах. Жил самостоятельно, ни от кого не зависел. И дальше буду жить в юрте, дом мне не нужен, — сказал арат Опан, которого заставили переехать из юрты в дом.

«Конечно, — думал Успун-Доржу, — старика Опана можно понять. Ведь и мне бабушка говорила: не оставляй землю предков!» Дело в том, что каждый род жил целым аалом где-нибудь на берегу реки или под горой, на зимнике или на чайлаге — летней стоянке. Называлось это место именем знаменитого предка — «стойбище Иргитов», «зимник Конгура». Место принадлежало одному этому роду, в течение многих десятилетий несколько поколений жили только там. Потому и говорили: «земля предков». Народ пошел в колхозы, но понятие «земли предков» осталось. Некоторые араты, не желая оставлять землю предков, откладывали переезд и переход на оседлую жизнь. Были и такие, как Опан, которые вовсе отказывались оставлять насиженные места. Таких силой заставляли вселяться в дома.

Построили баню. Успун-Доржу обрадовался — он по опыту знал, что такое русская баня. На общем собрании колхоза приняли постановление, обязывающее каждого жителя ходить в баню. Кто не будет, того накажут. Создали комиссию во главе с председателем женсовета Борбак-кыс. Она должна контролировать исполнение решения.

Старик Чуглур наотрез отказался ходить в баню:

— Что это я буду перед всем миром голый ходить?

Дарга Борбак-кыс приняла жесткие меры: два дюжих парня привели деда в баню. Там как раз мылся Успун-Доржу, который стал объяснять деду:

— Не бойся, дедушка. После бани такая благодать появится! Если часто будешь ходить, то твои старые кости вообще не будут болеть.

— Правда? — заинтересовался дед. — У меня постоянно болят спина и шея.

И стал дед Чуглур каждое воскресенье исправно ходить в баню. Вдруг в бане испортилась печь, и долго не получалось её наладить. Прошел месяц, другой. Успун-Доржу предложил деду Чуглuru обратиться к даргаларам. Дед явился к председателю и поставил вопрос ребром:

— Почему вы закрыли баню? Не схожу в баню, не попарюсь — болит спина, шея. Скорее открывайте!

В средние лета 1946 года Успун-Доржу с дядей Балдыпом перегнали отару овец

высоко в горы. Там прохладно, овцы спокойно нагуливали жир.

О, как переменчива погода Монгун-Тайги! Утром горит яркое и спокойное солнце, всё затоплено солнечным половодьем, даже в тени воздух кажется золотистым. Кругом свежо, тихо, ласково. К обеду подул ветер, заворочался гром, хотя половина неба затоплена солнцем. Небо потемнело. Хлынул дождь. Могучий гром летал грозно и широко во все стороны из туч. Жёлтые молнии далеко вокруг освещали землю. Но вот гроза ушла на север. После обеда солнце снова улыбается, а небо ясное-ясное, синеголубое. Успун-Доржу вспомнил, как отец говорил: «Как прекрасен этот наш мир!»

Подошла очередь Успун-Доржу пасти овец. Овцы спокойно паслись у подножия горы. Звучали голоса певчих птиц, цвело множество трав, цветов. Все вокруг вызывало переживания, составляющие чувство родины.

Вдруг с высокой горы вниз скатился камень. Успун-Доржу почувствовал, что причиной какой-то зверь. Посматривая на отару, стал спускаться. Овцы чего-то испугались и побежали. Успун-Доржу побежал за ними, оглядываясь, и заметил красивого зверя с пятнами на боку. Увидев человека, зверь побежал на гору, там разлегся и посматривал вокруг. На месте, где паслись овцы, неподвижно лежала одна овца. Ружья у Успун-Доржу не было, и он быстро пригнал отару в аал.

— Какой-то большой кот убил нашу овцу, забрался повыше и стережет свою добычу.

Балдып вскочил на коня и поскакал туда. Вернувшись, сообщил, что зверь наелся и убежал. Зверя зовут ирбиш (он же ирбис: снежный барс).

— Ирбиш перебежал дорогу на левую сторону или на правую? — спросили Анай и бабушка почти одновременно.

— На левую, — ответил Успун-Доржу.

— Тебе повстречался очень редкий зверь, который не попадает даже заядлым охотникам. Радуйся, значит, сопутствует тебе удача, успех в жизни, — прищурив мурдые глаза, сказала Севил.

— Если перебежал ирбиш на левую сторону — это предзнаменование большой удачи, сынок, — сказала Анай.

В августе 1946 года Успун-Доржу услышал об альпинистах, прилетевших на самолете ЛИ-2 в Мугур-Аксы, чтобы совершить восхождение на Монгун-Тайгу. Успун-Доржу отправился из Моген-Бурена в Мугур-Аксы. Подъезжая к поселку, Успун-Доржу увидел на берегу Мугура лагерь. По другому берегу реки тянулась широкая урема, и среди лиственниц, прямо напротив лагеря, стояли две юрты и виднелись загоны с сарлыками. Дальше открывался вид на окрестные холмы и лиственничные рощи по берегам Мугура у места его впадения в более крупную реку Каргы, несущую свои воды в озеро Нуурук-Хол в Монголии. За поселком Мугур-Аксы виднелась широкая долина Каргы и стена хребта Цаган-Шибэту, отделяющая Монгун-Тайгу от бассейна Хемчика. Обилие света и открытые дали внушали покой и радость. Защищенный горами с севера, запада и юга, этот район получает только остатки обильных дождей, приносимых ветрами с запада. Здесь лето наступает рано, и к августу трава, покрывающая долины и нижние склоны гор, выгорает и блекнет.

Жители Мугур-Аксы готовились к 25-летию юбилею Танну-Тувинской Народной Республики, украшали дома красными полотнищами с лозунгами: «Да здравствует наша родина — великий и могучий Советский Союз!», «Слава нашему старшему брату — русскому народу!», «Да здравствует вождь советского народа — великий Сталин!», «Достоинно встретим 25-летнюю годовщину Тувинской Народной Республики», «С праздником!» На всех домах развевались красные флаги.

Издали Успун-Доржу увидел Шомбула Кыргыза, одетого по-городскому — в черный костюм и белую рубашку с воротничком и галстуком.

— Здравствуй, Успун-Доржу! Как вовремя ты явился, — обрадовался Кыргыз. — Завтра у нас праздник. А сейчас пойдем к нам.

Они подошли не к бараку, где раньше семья занимала маленькую комнату, а к домику из крупных бревен с маленькой дверью из грубо отесанных досок. Внутри дом оказался просторным. В обитом клеенкой углу около входа — рукомойник над круглым тазиком на табуретке. Через окошки, завешанные ситцевыми занавесками, сочился свет. Посередине стояла кирпичная беленая печка. У правого от двери окна стоял стол, покрытый зеленой клеенкой, рядом два стула. На спинках стульев висели рубашка, полотенце, детская одежда. На стенах — занавески, прикрывающие полки с посудой. У левого окна — широкая железная кровать, покрытая сверху стеганым ватным одеялом, две подушки в голубых наволочках, шкаф для верхней одежды и комод. Пол покрашен коричневой краской.

— Расскажи о восхождении, — попросил Успун-Доржу, едва они сели за стол.

— Из Москвы приехали восемь русских альпинистов, в Кызыле к ним присоеди-

нились трое тувинцев, в том числе я. Старики говорили: «Прощайтесь с Шомбулом Кыргызом! Больше живым его не увидим, уж на этот-то раз духи Кыргыза не отпустят – сбросят в пропасть». Но, как видишь, восхождение прошло благополучно. Русские альпинисты научили нас многим полезным вещам. На особо крутых местах мы вырубали в плотном снегу ступеньки. Всё время подстраховывали друг друга. Поскользнувшийся на крутом склоне мог сорваться в пропасть. Внизу сквозь клубящиеся облака чернели огромные, бездонные трещины. Чем выше мы поднимались, тем труднее было дышать. Все чаще и чаще приходилось останавливаться, чтоб дыхание пришло в норму. От ледяного ветра замерзали руки и ноги, и мы согревались в движении. Были отморожения, носовые кровотечения, но мы не сдавались. В борьбе с высотой и стихией терялось представление о времени – начинало казаться, что мы идем много часов, даже дней и что до вершины еще очень далеко. Но так только казалось. Бурану не удалось сбить нас с пути. Направление на вершину было намечено точно. Через десять часов после выхода из лагеря, шаг за шагом преодолевая тяжелый подъем, экспедиция достигла, наконец, вершины.

Это первое восхождение на вершину горы Монгун-Тайга – высочайшую вершину Тувы и всей Восточной Сибири – совершено 14 августа 1946 года.

У дальних холмов росло и ширилось облако пыли. Оно накатывалось на поселок широким фронтом, и вскоре можно было различить плотную массу скачущих коней. Живая лавина приближалась, уже видны были отдельные всадники. Их маленькие горячие кони, шедшие иноходью, в своем стремительном беге, казалось, расстилались по земле, хвостами мели степь. Всадники скакали развернутым строем – мужчины, женщины, старики, мальчики в разноцветных халатах и шапках.

– Это едут гости на праздник национального освобождения, – пояснил Кыргыз. – Летом наш поселок совсем небольшой, но осенью сюда приезжают с летних стойбищ на зимовку араты и ставят вокруг домов сотни юрт, тогда Мугур-Аксы вырастает в несколько раз. За сегодня и завтра он тоже вырастет.

Первая шеренга выстроилась полукругом на поселковой площади, затем вторая. За ними ехали пожилые женщины, старухи и дети, ведя в поводу вьючных лошадей, нагруженных разобранными юртами, ширтеками – войлочными коврами, посудой и провиантом. Со всех сторон в поселок вливались группы всадников-аратов, а на горизонте появлялись новые облачка пыли из-под копыт коней.

Мугур-Аксы наполнился пестрой, оживленной толпой. Араты, приехавшие из отдаленных мест, разгружали вьюки. Около домов и в лиственничной роще у реки вырастали юрты, к безоблачному небу поднимались десятки струек дыма. В толпе встречались старые друзья, сновали ребятишки, привлеченные яркими лозунгами на домах, пестрели красные, голубые, желтые, зеленые праздничные халаты. Для москвичей-альпинистов это было так интересно, что стали различать типы аратов:

– Вот эти араты-гиганты со скуластыми лицами явно имеют примесь монгольской крови.

– А у этих аратов тюркский тип лица. Они похожи на жителей центральных и восточных районов области.

На открытых площадках, заменявших в Мугур-Аксы улицы, было столько интересных костюмов, столько гордых лиц, обветренных и загорелых, что фотоаппараты москвичей, особенно «ФЭД» фотокорреспондента Валентина Соболева, щелкали беспрерывно.

17 августа праздник начался многолюдным митингом на стадионе Мугур-Аксы, находившемся в лиственничной роще на берегу реки Мугур. Стадион представлял собой обширную травянистую площадку, окруженную «трибунами» – рядами укрепленных на столбиках бревен, на которых сидели зрители. Для всех съехавшихся на праздник мест на бревнах не хватало, и араты располагались живописными семейными группами прямо на траве по краям стадиона. На одном его конце возвышалась высокая деревянная трибуна и стоял длинный стол, за которым сидели представители партийных органов и знатные араты-скотоводы. Весь стадион украшен знаменами и флагами. На больших полотнах начертаны по-тувински и по-русски слова приветствий.

На трибуну поднялся председатель Монгун-Тайгинского райисполкома:

– Товарищи! Граждане и араты! Сегодня у нас праздник! 25-летие образования Танну-Тувинской Народной Республики!..

Оратор говорил по-тувински. Содержание его речи москвичам переводил Тюлюш. Председатель райисполкома напомнил собравшимся о той жизни, которую вели араты под маньчжурским игом, о том, что терпели они от колчаковцев и различных интервентов в годы гражданской войны. Успун-Доржу заметил, что многие араты кивали головами. Значит, они еще не забыли эти годы нищеты и угнетения. Оратор рассказал затем вкратце о победе национально-освободительной революции, о провозглашении Танну-Тувинской Народной Республики с помощью Советского

Союза и о том, как Тува вошла в состав СССР, как участвовала в Великой Отечественной войне.

— Огромна помощь страны советов. Хотя им самим многого не хватает, они нам посылают технику, специалистов, и мы выражаем глубокую благодарность и любовь тувинского народа. Да здравствует дружба великого советского народа и Тувы! Да здравствует великий вождь Сталин! Ура!

По стадиону прокатилась волна рукоплесканий, раздавались здравицы в честь товарища Сталина. Громко и бурно хлопали араты непривычными к аплодисментам руками, им вторили их жены, сестры и дочери. Докладчик перешел к задачам, стоящим перед областью в послевоенный период. Он говорил просто, четко, подчеркивая основную задачу — развитие животноводства.

На трибуне один оратор сменял другого. Речи их были краткими и пылкими, находили среди слушателей самый живой и непосредственный отклик. Среди выступавших были и араты-передовики. Затем под аплодисменты были вручены подарки передовикам животноводства. Успун-Доржу горько сожалел, что отца нет рядом.

Официальная часть закончилась, и началось народное празднество с соревнования молодежи в беге, игры в волейбол.

— Волейбол — любимая игра тувинцев. Вы тоже можете принять участие, — предложил Тюлюш москвичам. Они, тут же составив команду, приняли участие в игре.

После небольшого перерыва состоялась вольные скачки. Группа молодых аратов на горячих маленьких иноходцах вскачь понеслась по степи. Дистанция шла по большому кругу и равнялась примерно тридцати километрам. Всадники исчезли из виду. Около финиша, отмеченного двумя большими флагами на опушке леса, собралось много народа. Друзья и родственники умчавшихся всадников оживленно обсуждали шансы на успех тех или иных претендентов. Успун-Доржу снова вспомнил о своем коне Эмдик-Ое, который побеждал на таких скачках.

Вдали показались всадники, мчавшиеся к финишу, растянувшись по степи длинной линией. Отставшие старались отыгаться и неслись, как ветер, подбадривая коней гортанными криками. Почти на полкилометра впереди всех вырвался миниатюрный всадник на золотистом коне. Ровный легкий бег коня стремителен и прекрасен. Стоя на стременах, пригнувшись к шее коня, всадник ведёт его по абсолютно верно рассчитанной прямой. Стоявшим у финиша казалось, что золотистый конь не приближается, а непрерывно и быстро растет, оставаясь на одном и том же месте. Внезапно толпа зрителей разразилась криками:

— Балчый-оол! Балчый-оол!.. Э-э-ой! Балчый-оол!..

Под шум и крики всадник промчался между шестью и круто осадил золотистого коня. Он оказался мальчиком лет тринадцати, раскрасневшимся, с развевающимися на ветру волосами, задышающимся от своего успеха. Со всех сторон к нему бежали мужчины, женщины, дети, а одна пожилая женщина, возбужденная и радостная, бормоча нежные слова, бросилась помогать юному победителю сойти с коня. Но он ловко соскочил с седла сам и, вынув из кармана большой кусок сахара, поднес его на ладони своему коню. Потом, не в силах дольше оставаться солидным и невозмутимым, совсем по-детски рассмеялся в лицо матери открытым счастливым смехом, взял коня за повод и повел его к стадиону, провожаемый завистливой толпой сверстников.

За Балчый-оолом к финишу прибыл второй всадник — коренастый арат в меховой шапке. За ним третий — худой, высокий старик. Остальные зрители уже не интересовались, и побежденные свернули в сторону, не доезжая до финиша.

Теперь предстояло заключительное и самое интересное состязание — хуреш — национальная борьба. На траве уже сидели борцы, одетые в содак-шудак — короткие кожаные трусы, подпоясанные продетым в петли ремнем, и в специальные легкие курточки и в идик — высокие кожаные сапоги. Грудь борца в такой куртке оставалась обнаженной.

Пока готовились к выступлению борцы, у стола президиума шло награждение трех победителей на скачках. Главный судья от имени райкома и райисполкома вручил всадникам отрезки материи. Юный Балчый-оол получил, кроме того, пакет с денежной премией и новый праздничный халат. Гордый, с сияющими глазами, Балчый-оол передал подарок своей матери. Под аплодисменты зрителей всадники один за другим отъехали от стола, за которым восседал главный судья, привязали своих коней к ближайшей лиственнице и заняли почетные места победителей на соседнем с трибуной бревне.

Вокруг группы борцов суетились моге салыкчылары — секунданты-посредники в длинных халатах и фетровых шляпах. Состязаться должны были шестьдесят четыре пары борцов. Борьба происходила по олимпийской системе, то есть побежденные в каждом отдельном туре выбывали из состязаний, а победители переходили в

следующий тур и боролись, пока не оставалась только одна пара. В последней схватке определялся абсолютный победитель состязания.

По сигналу главного судьи, трое судей-посредников хором объявили на весь стадион, что состязание борцов в честь Дня национального освобождения начинается. И началось оно парадом участников. Сто двадцать восемь атлетически сложенных борцов, в сопровождении арбитров-секундантов, устремились через поле стадиона к столу главного судьи. Они бежали, приплясывая, подпрыгивая на бегу то на одной, то на другой ноге, широко раскинув руки в стороны, как парящие птицы. Это был девиг – своеобразный и не лишенный грации танец орла, традиционный для участников национальной борьбы. Стадион рукоплескал. Борцы остановились, все разом отвесили судье и почетным гостям общий поклон и так же бегом вернулись в дальний конец стадиона.

Увидев среди них Кыргыза Шомбула, москвичи-альпинисты хором закричали:
– Смотрите, там наш Кыргыз!

От группы отделилось несколько пар борцов. В сопровождении своих арбитров они бежали, приплясывая, через поле на отведенную перед трибуной площадку для борьбы. Бежавшие, также вприпрыжку, рядом с борцами секунданты держали над их головами свои фетровые шляпы, каждый над головой своего борца.

Добежав до площадки, борцы встали друг против друга попарно, и начался первый тур состязания. Нагнувшись вперед, борцы несколько секунд примерялись, как бы удобнее захватить противника. Потом в каждой паре один схватил другого за плечи и соперники замерли, образовав своими телами устойчивую арку.

Некоторые пары заканчивали поединок быстро, другие боролись долго и упорно. Тяжело дыша, покрытые потом, они долго топтались на месте, пока кому-нибудь из двоих не удавалось воспользоваться промахом другого. Борцовские приемы были вольными и зависели от фантазии и инициативы борцов.

На смену окончившей борьбу паре выходила следующая, так что на площадке всегда боролось несколько пар. Побежденные одевались и занимали места среди зрителей. Наконец, на площадке осталась одна пара. Определился победитель и в ней и, выразив торжество победы «танцем орла», побежал на отдых.

После небольшого перерыва, во время которого секунданты подкрепляли борцов молоком, начался второй тур – борьба между победителями первого. Внимание зрителей заметно возросло. Снова борцы пробежали по стадиону в своем своеобразном танце – девиг. Снова схватились пары. На этот раз их было тридцать две, и тур окончился быстрее.

Жилистый, гибкий Кыргыз устоял в обоих турах. Начался третий тур. Успун-Доржу и москвичи увидели Шомбула Кыргыза среди шестнадцати пар. Против него вышел плотный, широкогрудый, коренастый арат-гигант лет тридцати. Крепко охватив друг друга за плечи, они выгибались, отводя назад нижнюю часть туловища. Ступни их широко раздвинутых ног глубоко вдавливались в почву. Сплетенная воедино арка их тел была напряжена, но неподвижна – очевидно, силы были равны. Оба секунданта пары криками подбадривали своих бойцов, бегая вокруг и не спуская с них глаз. Борцы начали медленно топтаться по кругу, немного раскачиваясь, – каждый старался обмануть бдительность противника и улучшить выгодный для себя момент. При полной почти неподвижности сцепившейся пары неистовство арбитров росло – они изливали по адресу своих борцов целые тирады, призывая их к действию, насмехаясь над нерешительностью. Они подбадривали их криками и, вертясь вокруг, легонько шлепали по спине. И вдруг Кыргыз подставил противнику подножку. На одну секунду тот потерял равновесие и покачнулся. Кыргыз ухватил его за пояс и хотел приподнять над землей, но коренастый арат-гигант сделал рывок, коснулся земли ногами и всей тяжестью тела обрушился на Кыргыза, толкнув его на свою выставленную вперед ногу. Через момент Кыргыз уже лежал на земле, а победитель, пританцовывая «орлом», поклонился судьям и, сопровождаемый гордым секундантом, побежал направо, где уже собралась группа победителей в третьем туре. Умывшись и одевшись, Кыргыз присоединился к москвичам.

Борьба длилась уже около полутора часов при неослабном внимании зрителей. Наступил четвертый тур, затем пятый, и вот уже идет шестой тур, в нем участвуют четыре сильнейших борца. И наконец – финальный седьмой тур. В нем участвовал победивший Кыргыза арат-гигант с широкой грудью и длинными ногами.

Перед финалом борцы отдыхали дольше обычного. Сигнал – и финалисты выбежали на площадку. Их девиг – танец-парад был на этот раз особенно торжественным. Гордо выпятив грудь и замысловато приплясывая, бежали за ними секунданты, держа над бойцами, как венцы, свои фетровые шляпы. Секунданты явно наслаждались славой, отраженной от их батыров.

В последней схватке против арата-гиганта, победителя Кыргыза, вышел

удивительно пропорционально сложенный борец, секретарь комитета комсомола. Соперники показали титаническую борьбу. Под лоснившейся кожей играли до предела напряженные мускулы. Секунданты старались не меньше в своей роли, по их движениям и мимике можно было судить о ходе поединка. И вот зазевавшийся на какую-то долю секунды гигант был стремительным броском повергнут на землю. Комсомолец — победитель победителей — в парящем танце девиц поклонился судьбе и вприпрыжку побежал одеваться. Вокруг него, видимо потерявший от восторга в весе, носился воздушными пируэтами его секундант. Казалось, что еще немного, и он взвонится в воздух над верхушками лиственниц.

Победителю еле удалось вырваться из плотного кольца восторженных поклонников, каждому из них обязательно хотелось одобрительно похлопать его по спине или хотя бы прикоснуться к нему пальцем. Овации гремели, не умолкая. Восемь победителей пятого тура предстали перед столом президиума, главный судья вручил им премии. Они получили по отрезку материи. Четверка, вышедшая в шестой тур, была премирована еще и халатами. А абсолютный победитель состязания был, сверх всего прочего, награжден денежной премией и особой почетной грамотой. Он был героем дня — непревзойденным батыром.

Празднество закончилось народным гуляньем на стадионе и в роще, плясками и пением при свете костров и общественным пиром, на котором было вдоволь мяса, араки и веселья. Гулянье, выступления самодеятельных коллективов, скачки по окрестностям и состязания по волейболу продолжались и на следующий день. А на третий день Мугур-Аксы опустел. Араты разъехались по кочевьям.

Успун-Доржу не хотелось ехать домой. Альпинисты задержались в Мугур-Аксы в ожидании транспорта. Все автомашины были мобилизованы на уборочную кампанию. Кыргыз предложил сыграть в шахматы у второго секретаря райкома партии Андрея Суруновича Кудерека. В доме дарги было много предметов быта, о которых Успун-Доржу, живущий в юрте, не имел понятия. Там были обеденный и письменный столы, кровати со стегаными одеялами и подушками в белоснежных наволочках, стулья, диваны и скамейки, шкаф для верхней одежды, буфет и комод. На стенах висели ковры и занавески, прикрывающие полки с посудой, на окнах — шторы. Стены были украшены репродукциями картин Третьяковской галереи и портретами Ленина, Сталина, Калинина. Около письменного стола хозяина дома висела большая карта Тувинской области, стояла этажерка с книгами на тувинском и русском языках.

На шахматной доске шло сражение. Успун-Доржу залюбовался фигурками тувинских шахмат. Шахматы были отлиты в национальном стиле из меди и алюминия. Король — ноян — в этом наборе шахмат представлял собой сидевшего, скрестив ноги, человека в большой шапке с загнутыми вверх полями. Королева — арзылан — была сделана в виде фантастической, похожей на дракона, китайской «собаки счастья», а ладья была отлита в виде колеса и называлась терге — телегой. Офицеры были изящно сделанными дугорбыми верблюдами — теве, а кони — аът — как две капли воды походили на порывистых тувинских лошадок. Оолдар — пешки — дети, представляли собой другой, уменьшенный вариант собаки счастья, с взлохмаченным, похожим на фонтанчик хвостом. Эти маленькие пешки-собачки особенно всем нравились — больше всех других фигур.

После партии Андрей Сурунович обратился к Успун-Доржу:

— Садись. Твоя очередь.

Успун-Доржу обыграл Соколовского, но проиграл Промштову и дарге. Видя, что москвичей пленили тувинские шахматы, Андрей Сурунович заказал комплекты для них у Калбак-оола родом из Бай-Тайги. Дарга с гостями из Москвы отправились в юрту скульптора-мастера на берегу Каргы. Готовых шахмат у Калбак-оола не оказалось, но он согласился отлить три комплекта.

Попрощавшись с семьей Сенмита и Кыргыза Шомбулов, счастливый Успун-Доржу отправился домой. У него было много дел по подготовке к зиме. По дороге он думал: «Чудеса можно делать своими руками. Куплю фотоаппарат и буду снимать то, что хочу».

Заканчивалось прекрасное теплое лето. Как хорошо просто полежать на траве, глядя в небо. Уходил чудесный вечер, на западе догорала кроваво-красная заря, дул теплый ветерок, на темное небо высыпали мириады переливающихся, мерцающих звезд, а между ними ярко-светлая долька луны. То тут, то там слышались глухой девичий смех, тихая песня. Вечером гуляет свежий ветерок, лаская своей свежестью и запахами выгорающих трав. Каждая травинка и цветок успели выбросить под жаркое солнце свои пестики и тычинки, чтобы следующей весной дать потомство и повторить круговорот земной жизни. И разносит ветерок эту жизнь по горам и степям, и угадывается в нем легкий аромат будущих трав и цветов. А может быть, светлых

событий в жизни Успун-Доржу и Минчеймы.

За ночь набежали тучи, и под утро пошел дождь. Земля лежала в тумане и сырости. Не было слышно щебета птиц. Ночь превращалась в серое утро. Добрый стук дождевых капель, падавших на засохшую землю, радовал Успун-Доржу. После обеда прояснилось, выглянуло солнце, и холодная земля, прогреваемая его лучами, родила запах разнотравья, полевых цветов. И стало радостно на душе. Араты шутили, безобидно подтрунивали друг над другом. Звенели песни, протяжные звуки игила, бызаанчы, допшулуура звали к чему-то новому.

Шло время. Однажды, в ясный день, Успун-Доржу ощутил запах артыша (можжевельника), поднимая с кошмы кисет отца, и заплакал.

— Ты-ы... ка-ак... почему плачешь? — Анай от удивления уронила платок, которым завязывала голову, с тревогой посмотрела на сына: — Что с тобой?

— Понимаешь, артыш... запах можжевельника... я поднял кисет отца с артышом и вспомнил его, и такая тоска сжала сердце. Как он там?

Картина 16. «КРАСНАЯ СОЛЬ» ТЮРЬМЫ

Рядом все спят, а Холурааш всё думает и думает: «Менги чечээ (ледниковая роза) являет собой верх совершенства, но она завянет. Природа сама же рушит всё, что создаёт с таким трудом и искусством. В холода лопаются деревья, рога коров, рвутся перекалённые морозом камни... Как там живут мои близкие в Монгун-Тайге? Я обязательно выйду отсюда и увижусь с ними... Не жить человеку двух жизней в этом яростном мире. Бороться надо. Не зря в народе говорят: сталь закаляется в воде, человек закаляется в беде».

Шаман, сын шамана, всех поддерживал в тюрьме и часто разговаривал со стариком Курбу, у которого была чахотка. Это был рослый, сутулый мужчина, хмурый на вид. Говорил внятно, но тихо:

— Есть у тебя талант или нет — не всё ли равно, раз всему на свете приходит конец.

— Вы сегодня в дурном настроении, — улыбнулся Холурааш.

— У меня всегда такое настроение. Погодите: и с вами будет то же самое. Жизнь — гора. Поднимаясь, ты глядишь вверх и ты счастлив, но только успел взобраться на вершину, как уже начинается спуск, а впереди — смерть. Поднимаешься медленно, спускаешься быстро. В ваши годы все мы были веселы, а в мои годы человек не ждёт уже ничего, кроме смерти.

— Вам надо облегчить душу молитвой.

Дыхание у мертвенно-бледного больного было частое, прерывистое; порой он словно хотел напомнить окружающим, как он страдает, и тогда оно вырывалось у него из груди вместе со стоном.

— Сейчас ты меня не поймешь. Слово смерть в твои годы пустой звук, а мне же оно представляется ужасным.

Еще не испытанная тоска охватила Холурааша. Ему вдруг почудилось, будто совсем близко от него, на расстоянии вытянутой руки, где задыхался больной, притаилась смерть, поджидающая всех. В спертом воздухе тюрьмы чувствовалось зловонное дыхание разлагающейся груди. Шаман встал, погладил руки старика, успокаивая его:

— Оршээ хайыракан! (О, боже!) Не думайте о смерти, а думайте о светлом.

— Я уже чувствую, как смерть гложет меня, словно во мне завелся червь. Она подтачивает меня исподволь, день за днем, час за часом, и теперь я точно юрта, которая вот-вот обвалится. Скоро я «кызыл-дустаар¹».

— Да опомнитесь же! Что вы говорите?

— Я вижу смерть уже так близко, что мне хочется протянуть руку и оттолкнуть её. Она устывает землю и наполняет собой пространство. Я нахожу ее всюду, — старик запыхался, размышляя вслух и почти не замечая присутствия собеседника. Он слабо шевельнул правой рукой, а черты лица искажая злобная гримаса, отчего еще резче обозначились его иссохшие губы, впалые щеки и торчащие скулы.

— Почему вы так страдаете? — задумчиво спросил шаман, как будто самого себя.

Курбу заговорил прерывающимся, сдавленным, надрывающим душу голосом:

— Потому, что мы рождаемся на свет, чтобы жить не столько для души, сколько для тела. Но мы обладаем способностью мыслить... Сколько мне еще суждено увидеть закатов? У тебя есть время. А для меня время истекло, всё кончено. И всё происходящее вокруг будет идти своим чередом без меня, так же как и при мне...

Каждая пауза, которую делал Курбу, производила еще более тяжелое впечатление, чем его слова — чувствовалось, что, замолкая, он думает о чем-то очень страшном.

Шаман взял руки старика в свои:

¹ Кызыл-дустаар — сойти в могилу; буквально — идти за красной солью.

— Пока не постигнет человека несчастье, он доволен своей судьбой... Мужайтесь! Всё будет ладно...

— Постарайся освободиться от всего, что держит тебя в тисках, — перебил старик.

— Сделай над собой усилие и еще при жизни отрешись от своих мыслей. Загляни в глубь вещей — и ты поймешь, как важна жизнь...

— Вам необходимо мысленно проститься с теми, кто был близок, — предложил шаман, поглаживая руки Курбу.

— Я погибшее существо. Родители давно уснули вечным сном. У меня нет ни брата, ни сестры, ни жены, ни детей... — помолчав, добавил: — Обязательно женись. Ты не представляешь, что значит быть одному в мои годы. Одиночество наводит невыносимую тоску на меня, чем дальше, тем больше.

— У меня есть бабушка, жена и сын.

— Это хорошо. К ночи мне начинает казаться, что я один в целом свете, и меня охватывает лихорадка отчаяния и страха. Не только тело, но и душу окутывает тишина тюрьмы, — помолчав, продолжил: — Хорошо всё-таки, когда у человека есть семья. Ты счастливее! Имеешь жену и сына. Забудь всю эту старческую воркотню и живи сообразно с возрастом.

У Холурааша возникло такое чувство, точно он заглянул в яму, наполненную костями мертвецов. «Как жаль, что я не смогу ему помочь», — подумал шаман и услышал шёпот старика, протягивавшего к нему руки:

— Спаси меня... Спаси меня, дорогой ... Я не хочу умирать... Я приму всё, что угодно... Я не хочу... я не хочу...

Он плакал. По его впалым щекам текли крупные слезы, а углы иссохших губ оттягивались, как у обиженного ребёнка. Вдруг руки его упали на грудь, и он начал медленно перебирать пальцами. Следя за этим непрерывным однообразным движением, можно было подумать, что старик собирает что-то на груди.

— Это обыкновенный припадок, — с невозмутимым видом сказал Холурааш. — Скоро вам станет лучше.

Дыхание у старика сделалось еще более частое, чем у запыхавшейся от быстрого бега собаки, до того частое, что его невозможно было сосчитать, и до того слабое, что его почти не было слышно. Опять заладил:

— Я не хочу умирать... Боже мой... что со мной будет? Я ничего больше не увижу... ничего... никогда... Боже мой!

Курбу закашлялся и стал задыхаться. При каждом вздохе кашель, kloкотавший у него в груди, раздирал ему горло. Его остановившийся от ужаса взгляд различал нечто такое, чего не могли видеть другие. И всё не прекращалось это пугающее скольжение пальцев по груди. Внезапно по телу старика пробежала судорога.

— Где... меня... похоронят?.. Боже мой!.. — простонал он и смолк, застыл и лежал неподвижно, глядя вокруг себя блуждающим взором.

Через некоторое время глаза Курбу стали закрываться, погасая, точно огни. Тело сотрясла лёгкая икота, две струйки крови показались в углах рта, потекли на шею, и старик перестал дышать.

Шаман отвел глаза в сторону. «Я не должен умереть в этой тюрьме, как этот старик», — сама собой пришла мысль. Это была мысль о побеге.